

ОДЕСЬКИЙ ДЕРЖАВНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
ім. І. І. МЕЧНИКОВА

**ЗАПИСКИ
ІСТОРИЧНОГО ФАКУЛЬТЕТУ**

Випуск 3

Одеса, 1996.

ОДЕССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. И. И. МЕЧНИКОВА

ЗАПИСКИ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

Выпуск 3

Археология, этнография, всемирная история

Scan by Skorpion Professional

Одесса, 1996

УДК 93/99

ББК 63

3-324

У третьому випуску записок історичного факультету подані дослідження співробітників кафедр археології та етнографії України, історії стародавнього світу та середніх віків, нової та новітньої історії.

Редакційна колегія:

С. Й. Аппатов, В. П. Вашенко, І. С. Гребцова, В. Г. Кушнір
(відповідальний секретар), І. В. Немченко, Т. М. Попова
(заступник головного редактора). Ф. О. Самойлов,
В. Н. Станко (головний редактор).

Затверджено до друку Радою історичного факультету
Одеського державного університету, 1996.

Одеський державний
університет. 1996.

Археология и этнография

В. Н. СТАНКО

ХОЗЯЙСТВО НАСЕЛЕНИЯ СТЕПЕЙ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В МЕЗОЛИТЕ

За последние четверть века в Северном Причерноморье проведены широкие полевые исследования памятников палеолита и мезолита. Кроме многочисленных оригинальных артефакторов и комплексов, получены интересные материалы по археозоологии, археоботанике, палеогеографии, абсолютному датированию. На основе новых археологических источников выполнен комплексный анализ ряда кремневых индустрий, включая полное трасологическое изучение коллекций опорных памятников мезолита (Мирное, Белолесье, Царинка, Абузова балка), созданы модели этноисторических процессов, начата разработка проблем палеодемографии, палеоэкономики, палеосоциологии и вопросов миропонимания древних обитателей степной зоны. Не все вопросы решаются пока однозначно, многие моменты развития народонаселения и его жизнеобеспечения в условиях степного ландшафта остаются не до конца установленными и во многом спорными.

В ряду важнейших проблем изучения древнейшей истории региона, значительный интерес представляет реконструкция форм и методов хозяйственной адаптации населения степей в мезолите, когда по современным данным археологии здесь формировались предпосылки возникновения древнейшего в Европе скотоводства. Большинство современных исследователей древней истории Восточной Европы, исходя из теоретических разработок С. Н. Бибикова, полагает, что главным условием формирования производящих форм хозяйства был медленно нарастающий с конца позднего палеолита кризис охотничьего хозяйства, который в конце мезолита и завершился возникновением в степном Причерноморье скотоводства. В свою очередь основными факторами, которые обусловили постепенное нарастание кризиса присваивающего хозяйства, были, с одной стороны, резко возросшее с середины позднего палеолита давление плотности населения на ре-

продуктивность природного окружения, а, с другой, вынужденная в связи с этим интенсификация охотничьего промысла, приведшая к дисбалансу между потребностями населения в продуктах питания и репродуктивными возможностями природы.

Эти моменты особенно ярко проявились в развитии хозяйства обитателей степной полосы Северного Причерноморья, которая в период последнего похолодания оставалась зоной с относительно благоприятным для обитания человека климатом и куда в середине, позднего палеолита, во время максимума похолодания, переселилось (по данным палеоэкологических реконструкций) значительное количество населения из северных областей Центральной и Восточной Европы, что несомненно привело к увеличению плотности населения в регионе и в свою очередь не могло не сказаться на репродуктивности степного биоценоза. В этих условиях жизнеобеспечение значительно возросшей массы населения не мыслимо без интенсификации охотничьего промысла.

Характерно, что именно в этот период на памятниках позднего палеолита Северного Причерноморья получает широкое распространение микролитическая техника, с которой исследователи связывают изобретение лука и стрел и широкое их внедрение в охотничий промысел обитателей степей (Демиденко, 1987; Нужный, 1992). В то же время внедрение такого прогрессивного охотничьего вооружения как лук и стрелы, несомненно благоприятствуя стабилизации хозяйства населения степной зоны, вело к хищническому истреблению охотничьих ресурсов. Это хорошо прослеживается по материалам долговременных поселений Северного Причерноморья, где собрано огромное количество фауны (Амвросиевка, Анетовка 2).

Правда, Н. Б. Леонова и Е. В. Миньков, наоборот, склонны рассматривать сложившуюся экологическую ситуацию как сбалансированную систему потребностей общества степных охотников и репродуктивных возможностей природы по восполнению утилизированной человеком биомассы (Леонова/Миньков, 1987, 45—46). Однако, анализ половозрастного состава утилизированных на Анетовке 2 бизонов, где по данным А. В. Старкина представлены все поколения этих животных от самых старых до утробных, уже позволяет в этом усомниться. В ситуации, когда оснащенные первоклассным по тем временам вооружением охотники убивают даже бере-

менных самок, трудно, на наш взгляд, вести речь о какой-либо форме селективной охоты.

Результаты экстенсивного хозяйствования населения среднего этапа позднего палеолита сказались уже в начале отступления ледника. По данным археологических исследований в постлурме в Северном Причерноморье резко возрастает количество палеолитических памятников. Но это в большинстве своем уже небольшие местонахождения с малым числом кремневого инвентаря. По данным археозоологии в это время в азово-причерноморских степях заметно уменьшились популяции бизонов. В этой экологической обстановке усиливается подвижность палеолитических общин. В поисках охотничьей добычи люди расселяются по долинам малых рек и балок, заселяют открытые просторы степей, останавливаясь у бессточных подов на значительном удалении от больших рек, многие, видимо, вообще покидают обескровленные экстенсивным хозяйством степи (Борисковский, 1964, 5—6; Оленковский, 1991, 188; Станко, 1982, 22).

Поредевшие стада бизонов, которые сохранялись еще в постлурме в экологических нишах степей, вероятней всего, были истреблены в самом конце плейстоцена, а небольшая их часть могла мигрировать в другие районы. В составе фауны раннемезолитических памятников Северного Причерноморья кости бизона уже отсутствуют. Основными объектами охоты в мезолите становятся тур, тарпан, сайгак и другие виды животных. Интересно отметить, что со времени окончательного исчезновения бизона в составе охотничьей добычи обитателей причерноморских степей наблюдается резкое сокращение археологических памятников в регионе. Так, по данным современных исследований достоверно раннемезолитические памятники в Северном Причерноморье вообще единичны. Отсутствие надежных датировок для ряда спорных памятников в принципе не меняет общей ситуации: памятников позднего палеолита и позднего мезолита здесь выявлено несколько сотен, а раннего мезолита, с учетом спорно датированных и невыразительных местонахождений, немногим более десятка. Наступает как бы своеобразный *hiatus*, в период которого, вероятней всего, идет восстановление истощенных биотопов степей. В. И. Бибикова полагает, что именно в это время идет переселение тура из Центральной Европы в причерноморские степи (Бибикова, 1975, 68—69). Несомненно тур мог мигрировать лишь в свободную экологическую нишу.

Комплексные исследования материалов мезолитических памятников степной зоны Северного Причерноморья позволили конкретизировать формы проявления кризисных явлений и установить суть и характер нарастающего кризиса, рассматривая его уже не только как чисто природное явление (смена и существенное уменьшение промысловых животных на переходе от плейстоцена к голоцену), а, прежде всего, как следствие производственной и социальной деятельности первобытных охотников и собирателей. Известно, что экономика мезолитического общества, так же как и экономика населения позднего палеолита, строилась на экстенсивной эксплуатации природного окружения. Так, в начале голоцена, несмотря на сложную экологическую обстановку в степной зоне, здесь продолжается интенсификация охотничьего промысла, правда, в лучшей демографической обстановке.

Рассмотрим этот момент на материалах всесторонне изученного поселения Белолесье в междуречье Дуная и Днестра (Петрунь, 1971; Бибилова, 1978; Пашкевич, 1981; Станко, 1985; Коробкова, 1989). Поселение расположено на берегу небольшой речки Сараты и состоит из четырех легких временных жилищ, являя собой сезонный лагерь охотников на тура, лошадей и сайгака в открытой, сухой и холодной степи раннего голоцена. Изготовленный на месте комплекс кремневых изделий имеет выразительный состав геометрических микролитов. Трасологическое изучение всего состава кремневого инвентаря показало, что на поселении абсолютно доминирует производственный комплекс, связанный исключительно с охотничьим промыслом и «быстрой обработкой забитых животных» (Коробкова, 1989, 51). Качественный состав фауны поселения (*Equus caballus* L. — 4, *Bos primigenius* Boj. — 2, *Saiga tatarika* — 1) свидетельствует о неспециализированных формах охоты его обитателей (Бибилова, 1978, 28). Промысел лошадей и сайгаков в открытой степи, вероятней всего, велся традиционным загонным методом, тогда как охота на тура предполагает смену загонного метода более индивидуализированными формами: подкрадывание, забой из укрытия и т. п. Однако на ранних этапах становления новых способов ведения охотничьего промысла мог использоваться и традиционный загонный метод, широко распространенный в среде охотников степи в предшествующий период.

В конце раннего голоцена завершается формирование новой природной обстановки. Открытые, сухие и холодные дер-

виннозлаковые степи постепенно сменяются разнотравнозлаковыми с обширными лугами и небольшими, преимущественно по долинам рек и балок, участками леса. Климат становится более теплым и влажным. Очертания ландшафта становятся более закрытыми и в определенной мере напоминают лесостепь. (Пашкевич, 1981, 83; 1982, 134). Изменения ландшафта сопровождалось сменой фаунистических ценозов: «полностью исчезают или резко сокращаются в численности стадные животные с большой густотой расселения (первобытный бизон, сайгак, широкопалая лошадь, гидрунтинный осел)... и появляются новые виды тур и тарпан, увеличивается численность благородного оленя, кабана, косули» (Бибикова, 1982, 163).

Такая ощутимая смена природного окружения не могла не сказаться на методах хозяйственной адаптации населения региона. Прежде всего, это должно было найти отражение в изменении способов охоты, совершенствовании охотничьего вооружения и орудий утилизации охотничьей добычи, а так же в усложнении собирательства.

Одного беглого взгляда на карту мезолитических памятников достаточно, чтобы заметить существенные изменения в структуре расселения первобытных общин. На региональных картах четко прослеживаются своеобразные «кусты» местонахождений, которые небольшими группами располагались по долинам малых рек, или вблизи от них в оврагах. Каждый такой куст (экологическая ниша) состоит из одного крупного (базового) поселения, нескольких небольших стоянок, которыми и очерчивается промысловая территория первобытной общины. Так, в долине р. Дракули (Нижнее Подунавье) на расстоянии 3—5 км вверх и вниз по течению от базового поселения Мирное выявлено еще 4 стоянки, промысловый инвентарь которых был идентичен инвентарю базового поселения. Небольшие местонахождения с аналогичным инвентарем рассеяны в радиусе 90 км от Мирного в междуречье Дуная и Днестра. Подобная система расселения прослеживается и в долине р. Кучурган, левого притока Днестра, в среднем течении которого исследовано поселение Гиржево, а в радиусе 12 км, как в долине Кучургана, так и по берегам соседних рек и балок, выявлено еще около 20 местонахождений с близким набором инвентаря. Новая структура расселения первобытных общин отражает, прежде всего, изменения в общих принципах хозяйственной и социальной организации мезолитического населения: временная стабили-

зация границ кормовой территории, изменение системы организации охотничьего промысла, расширение объема и усложнение собирательства.

В свое время на материалах поселения Мирное был выполнен комплексный анализ его индустрии, удачно сочетающей в себе две технологические традиции: гребениковскую (с геометрическими микролитами) и анетовскую (без геометрических микролитов). Г. Ф. Коробковой вся многотысячная коллекция была изучена трасологически, что и позволило всесторонне оценить эффективность микролитической техники. Выяснилось, что обитатели поселения, оптимально используя кремневое сырье, с минимальными трудовыми затратами изготавливали совершеннейшие по тому времени орудия труда.

Таблица 1

Соотношение орудий и изделий со вторичной обработкой на Мирном

Наименование орудий	К-во	%	Изделия со вторичной обработкой	%	% от типа орудия
Ножи (вкладыши ножей)	2551	35,00	142	5,40	5,56
Вкладыши охот. оружия	1562	21,40	239	9,10	15,30
Скребки	1334	18,30	1334	50,74	100,00
Скобели	640	8,77	429	16,31	67,00
Боковые скребки	591	8,10	60	2,30	10,15
Резчики	199	2,72	158	6,00	79,40
Полифункциональные оруд.	196	2,68	146	5,51	74,00
Проколки	52	0,71	27	1,02	52,00
Долота	40	0,54	40	1,52	100,00
Сверла и развертки	41	0,56	26	1,00	63,41
Резцы	30	0,41	21	0,80	70,00
Строгальные ножи	25	0,34	5	0,20	20,00
Пилки	14	0,17	1	0,03	9,10
Жатвенные ножи	24	0,32	2	0,07	8,30
Всего	7299	100,00	2630	100,00	—

Общая тенденция развития техники призматического скалывания хорошо просматривается на трех последующих таблицах.

Таблица 2

Соотношение морфологических групп изделий со вторичной обработкой и функциональных типов орудий на отщепах

Морфологические группы	Функциональные типы								Всего
	Скребки	Скобели	Резчики	Резцы	Проколки	Долота	Полифунк. оруд.	Без следов	
1. Скребки									
округлые	56								56
подокруглые	298						3		301
овальные	47								47
боковые	396								396
концевого типа	139								139
конц./бок. типа	42						1		43
двойные		2							2
прочие	40								40
2. Отщепы с ретушью	141		1					9	151
3. Отщепы с притуп. кр.	9								9
4. Резцы									
серединные			1	3					4
угловые			2	7	1		4		14
5. Долота						15			15
6. Резцы/скребки							8		8
Всего	1168	2	4	10	1	15	16	9	1225

**Соотношение морфологических групп изделий
с вторичной обработкой и функциональных типов орудий
на пластинках**

Морфологи- ческие группы	Функциональные типы													
	Ножи	Скребки	Скребки боков	Скобели	Резчики	Резцы	Проколки	Сверла	Строг. ножи	Пилки	Жатвен. ножи	Полифункц.	Без следов	Всего
1. С ретушью по краю	36		27	121					3		1	15		203
2. С ретушью по 2 краям	1		6	70				1		1				79
3. С противоположной рет.	1		8	23				2				1		35
4. С пильчатым краем				20								2		22
5. С притупленным краем	2			1				2				3	4	12
6. С мелкими выемками	2			14									2	18
7. С усеченным концом	1		1											2
8. С подтесанным концом	1													1
9. Со скошенным концом	9		2		1		1						4	18
10. Сегмент	1													1
11. Трапеция	45		1	1	1		4						91	143
12. Вкладыши кукрек. типа	5		2	23	1		1					2	5	39
13. Скребки концевые		43	1											44
14. Резцы угловые	1		2	4	47	2						49	2	107
серединовые	1				9	3	1					3		17
боковые	1				5	4	1					1		12
двойные					4	1						13		18
15. Сверла								11				2		13
16. Проколки				1				1					1	3
17. Комбинирован. изделия					4			6				3	2	15
Всего	107	43	50	278	72	10	6	23	5	1	1	95	111	802

Соотношение морфологических групп изделий
со вторичной обработкой и функциональных типов орудий
на микропластинках

Морфологи- ческие группы	Функциональные типы											
	Ножи	Вкладыши охот. оружия	Скрепки боков.	Скобели	Резчики	Проколки	Сверла	Струг. ножи	Пилки	Полифункционал.	Без следов	Всего
1. Мелкая ретушь по краю	32	84	5	62	15	3		1	4			206
2. Мелкая ретушь по 2 краям	1			43								44
3. Мелкая противолежащая ретушь				4								4
4. С притупленным краем		125	1	22	10	4	1	1	6	6		176
5. С 2 притупленными краями				7								7
6. С пильчатым краем				8								8
7. Со скошенным концом			1		1	6			2			10
8. Со скош. конц. и ретушью по кр.	1	22	1	1		7	2					34
9. Треугольник		1										1
10. Трапеция		1										1
11. Четырехугольник		1										1
12. Резцы												
угловые		5			41				23			69
угл. с рет. по краю				4								4
двойные угловые					6							6
угл./пласт. притуп. кр.					7							7
срединные					2							2
Всего	34	239	8	151	82	20	3	1	1	35	6	580

Анализ приведенных таблиц убедительно показывает, что призматическая микролитическая техника до минимума сократила затраты на вторичную обработку. Лишь 36% орудий имеют вторичную обработку, из них 96% на отщепах и 23% на пластинках. Стандартная призматическая пластинка, иногда с небольшой подработкой, позволяла легко составить орудие любого функционального назначения (нож, скребок, скобель, копьё, стрела, проколка и т. п.), а в случае необходимости легко могла быть заменена без ущерба для качества орудия. Высокая технология обработки кремня позволяла в минимальные сроки обеспечить эффективными орудиями охотничий промысел, а затем и процесс утилизации добычи.

Параллельно с совершенствованием орудийного производства шло изменение способов охоты и принципов ее организации. Закрытый ландшафт лесостепного типа резко сократил возможности загонной охоты. Новые виды животных в основном держались небольшими группами (косуля, благородный олень, кабан) и бродили обособленными семьями (тур) и в случае опасности рассеивались, что еще больше затрудняло их промысел. В этих условиях более успешным мог быть индивидуальный промысел или охота небольшими группами. В этих условиях охотники расселялись на небольшом удалении от базового лагеря, в пределах ранее очерченной кормовой территории. Характерно, что остатки фауны пока известны лишь на базовых поселениях степей. В это время усложняется и собирательство. Обитатели Мирного использовали в пищу семена мари белой, вики волосистой, горца вьющегося (Пашкевич, 1982, 136). На поселении найдены и орудия для обработки продуктов собирательства (зернотерки и песты-терочники).

Казалось бы, что хорошо организованное и оснащенное эффективными орудиями хозяйство мезолита должно было постепенно вывести население степей из кризиса. Однако на практике получилось иначе. Новые виды промысловых животных, по сравнению со стадными, имели относительно меньшую площадь расселения, что давало меньший объем промысловой фауны на единицу площади (Бибикова, 1982, 164). К этому времени меняется и демографическая ситуация в степи, куда проникают значительные группы населения из сопредельных территорий. Более четко очерчиваются границы археологических культур, что в значительной мере связано с разделом кормовой территории между общинами, а убитые стрелами обитатели Поднепровья позволяют предполагать, что раздел этот не всегда носил мирный характер. Дальнейшая интенсификация охоты становилась затруднительной, а иногда и малопродуктивной.

Таким образом, экологический кризис поставил хорошо оснащенных мезолитических охотников степей перед дилеммой: для обеспечения жизнедеятельности в сложившейся ситуации они вынуждены были не только уничтожать, но и сохранять промысловых животных. «Повезло» в первую очередь туру, поведение, биология и экология которого были хорошо знакомы многим поколениям обитателей степей. Как показывает анализ фауны поселения Мирное, его обитатели, в отличие от позднелеолитических охотников Анетовки 2,

охотились исключительно на взрослых животных, сохраняя молодых и, возможно, даже подкармливая телят, пока лишь как резерв «промысла». На такие размышления наводят нас находки вкладышей жатвенных серпов для срезания травы, которые выявлены в коллекции Мирного (Коробкова, 1989, 69). Определенную роль в доместикации тура в это время сыграл и распространенный с позднепалеолитического времени культ бизона (быка) (Станко, 1993, 6). Еще более убедительны материалы раннеолитических памятников степей. По данным Л. Я. Крыжевской, хозяйство раннеолитического поселения Матвеев курган I было комплексным и включало уже ранние формы скотоводства. Она не исключает возможность раннего приручения быка в Северном Причерноморье (Крыжевская 1992, 166).

В целом можно утверждать, что при всем разнообразии этнических, хозяйственных, социальных и культурных проявлений, мезолитическая эпоха в степной зоне несомненно подготовила предпосылки для возникновения нового типа хозяйства — скотоводства.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. С. М. Бібіков. Мезоліт. // Історія Української РСР. К., 1971.
2. В. И. Библикова. О смене некоторых компонентов фауны копытных на Украине в голоцене. // БМОИП. — 1975. — Т. 80. — Вып. 6.
3. В. И. Библикова. Фауна из мезолитических поселений Белолесье и Гиржево (Нижнее Поднестровье) // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. К., 1978.
4. В. И. Библикова. Тернофауна поселений Мирное. // В. Н. Станко Мирное. К., 1982.
5. П. И. Борнсковский. Проблема развития позднепалеолитической культуры степной области. М., 1964.
6. Ю. Е. Демиденко. До питання про час винаходу лука та стріла. // Археологія. — 1987—60.
7. Г. Ф. Коробкова. Предпосылки сложения производящего хозяйства в Северо-Западном Причерноморье. // Первобытная археология. К., 1989.
8. Л. Я. Крыжевская. Начало неолита в степях Северного Причерноморья. — С-Пб., 1992.
9. Н. Б. Леонова, Е. В. Миньков. К вопросу об интерпретации Амвросиевского костяка — уникального памятника позднего палеолита. // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе, 1987.
10. Д. Ю. Нужний. Розвиток мікрополітичної техніки у кам'яному віці. К., 1992.
11. Н. П. Оленковский. Поздний палеолит и мезолит Нижнего Днепра. Херсон, 1991.
12. Г. А. Пашкевич. Динамика растительного покрова Северо-Западного Причерноморья в голоцене, его изменения под влиянием человека. // Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. М., 1981.

13. Г. А. Пашкевич. Палеоботаническая характеристика поселения Мирное.//В. Н. Станко. Мирное. К., 1982.
14. В. Ф. Петрунь. О геологической позиции и обработанном кремне мезолитической стоянки Белолесье.//МАСП. — 1971—7.
15. В. Н. Станко. Мирное: Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. К., 1982.
16. В. Н. Станко. К проблеме западных связей мезолита степного Причерноморья.//Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. К., 1985.
17. В. Н. Станко. Палеоэкологическая ситуация в мезолите Северного Причерноморья. *Studia Praehistorica*. — 1992. — № 11—12.
18. В. Н. Станко. О культе бизона в раннепервобытных общинах степного Причерноморья.//Древнее Причерноморье. Одесса, 1993.
19. В. Н. Станко, Ю. С. Свеженцев. Хронология и периодизация позднего палеолита и мезолита Северного Причерноморья.//БКПИЧП-57 — М., 1988.

Е. В. СМЫШТЫНА

ДИНАМИКА ТИПОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ В ЭПОХУ МЕЗОЛИТА

Изменчивость природно-ландшафтной и палеоэкологической обстановки на территории Украины в раннем голоцене вызвала перестройку экономики и социального устройства мезолитических общин. Эта тенденция проявилась в сложении специфического способа социокультурной адаптации, который реконструируется в результате всестороннего изучения основных компонентов материальной культуры эпохи мезолита.

Дошедшие до нас остатки данной подсистемы культуры на территории Украины представлены орудиями труда, жилищами, ветровыми заслонами, очагами, пекарскими и хозяйственными ямами, кладами (табл. 1). Анализ системы распространения и качественного состава или конструкции показывает их определенную зависимость от условий существования и связанных с ними особенностей ведений хозяйства.

Так, хозяйственные ямы на протяжении позднего палеолита, мезолита и неолита соотносятся исключительно с лесной зоной, а в Горном Крыму с финального палеолита широкое распространение получили развитые комплексы по обработке и хранению улиток, что хорошо прослеживается по материалам стоянок Шан-Коба сл. 3, Мурзак-Коба сл. 3. Такие комплексы функционируют короткий промежуток времени — на рубеже пробореала и бореала (7550—6000 лет до н. э.), их существование связано с развитием экологического кризиса; они исчезают с началом приручения кабана и относительной стабилизацией источников мясной пищи (1).

Конструкция основных элементов материальной культуры в природно-ландшафтных зонах, в свою очередь, имеет определенную экологическую обусловленность. Так, в Западной Украине в позднем мезолите на расположенных по соседству стоянках Камяница I (культура Камяница-Баранье) и Камяница II (культура Незвиско-Оселивка) прослежены прак-

тически одинаковые сооружения с каменными выкладками в основании (2). Идентичные по устройству и составу комплексы материальной культуры генетически разного гребениковского и анетовского населения на их совместном поздне-мезолитическом базовом лагере Мирное в Нижнем Подунавье подтверждают, что данный тезис справедлив и для других элементов материальной культуры.

Однако это положение малопродуктивно при рассмотрении морфологии орудий труда. В целом для мезолита характерно большое разнообразие их типов. Для одних и тех же целей даже в одной экологической нише использовались изделия различного внешнего вида и способов обработки. Их форма зависела от традиции кремнеобработки и от случайных факторов; жесткая увязка между морфологией и функцией изделия отсутствует (3). С другой стороны, наличие или отсутствие определенных функциональных типов орудий, вероятно, связано с конкретным способом адаптации.

Комплекс жилищ, очагов, различных видов укрытий, ям разного назначения, определенный функциональный состав орудий труда в замкнутых природно-ландшафтных зонах и составляет адаптивный комплекс материальной культуры. Изменяясь в пространстве и во времени, он отражает тип хозяйства, социальную структуру и образ жизни коллектива. Данное понятие, близкое по содержанию с понятием «хозяйственно-бытовой комплекс», точнее отражает содержание и специфику изменчивости и сочетания типов артефактов, делая акцент на моменте приспособления (в том числе и преобразующего экологическую нишу) первобытного человека к среде. В данном случае элементы материальной культуры рассматриваются как средства адаптации. Комплексное их изучение открывает путь к выработке типологии памятников эпохи мезолита (табл. 2).

Ранний мезолит

На протяжении раннего голоцена под воздействием изменений окружающей среды материальная культура мезолитического населения претерпевает заметные модификации, что и нашло отражение в эволюции основных типов памятников.

Мезолит начинается с относительного смягчения климата (половецкое потепление), которое уже через короткий промежуток времени сменилось переяславским похолоданием (4). В степной зоне в это время наблюдается иссушение климата и трансформация фаунистического комплекса (5). Из-

менения палеогеографической обстановки обусловили отток населения из этого региона, вызвали смену типа хозяйства и связанного с ним адаптивного комплекса материальной культуры.

Археологически это проявилось в заметном изменении структуры распространения археологических памятников и характера находимых на них предметов и объектов материальной культуры.

Крупные сезонные стоянки и базовые лагеря эпохи позднего палеолита на рубеже плейстоцена и голоцена исчезают. Самым распространенным типом раннемезолитических памятников степной зоны являются небольшие кратковременные стоянки, изученные в основном пока по подъемному материалу.

Вторым типом раннемезолитических памятников являются сезонные стоянки охотников и собирателей. Примером таких поселений является Белолесье, где раскопано 4 подокруглых скопления археологического материала диаметром около 4 м каждое, расположенные по одной линии вдоль берега р. Сараты и состоящие из кремневого инвентаря, костей животных и кострищ. Эти комплексы, вероятно, соответствуют небольшим (12 кв. м) легким наземным жилищам. Стоянка, вероятно, функционировала в теплое время года (возможно, май — сентябрь); здесь проживало около 20 человек в течение 3,5 месяцев (6).

На некоторых сезонных стоянках охотников и собирателей, относящихся к теплому времени года или функционировавших более короткий промежуток времени вместо жилищ могли сооружаться ветровые заслоны из жердей и веток деревьев, края которых придавливали каменными кладками. Так, на стоянке Зимовники 1 в Юго-Восточном Приазовье в раскопе 3 северная оконечность скопления кремней и отдельных фрагментов костей животных замыкалась тремя плитами песчаника; контуры ямы не прослеживаются (7). На других стоянках следы каких-либо укрытий не прослеживаются вовсе, однако характер находок позволяет отнести данные памятники к сезонным стоянкам охотников и собирателей. Подобные комплексы открыты на поселении Роголик 2 в бассейне Северного Донца (8).

Изменение традиций ведения хозяйства (переход к индивидуальной охоте на мелких нестадных животных) вызвало перестройку комплекса охотничьего вооружения. Известное здесь с позднего палеолита дистанционное оружие (лук и

стрелы) оснащается более эффективными геометрическими микролитами. Универсальными вкладышами инструментов любого назначения становятся пластинчатые и геометризованные заготовки, обладающие способностью трансформации и реутилизации. Стандартизация и упрощение технологии изготовления орудий труда проявляется также и в многоцелевом использовании сколов без вторичной обработки (9).

Таким образом, в раннем мезолите в степной зоне вырабатывается специфический способ социокультурной адаптации, основными чертами которого являются мобильность и дисперсность. Эти черты проявились также в пестрой этнической картине изучаемого региона. Для данного периода какая-либо четкая традиция устройства поселения или система их взаиморасположения не прослеживается. Вероятно, единственным принципом существования в нарастающей кризисной палеоэкологической обстановке было стремление максимально использовать имеющиеся ресурсы для обеспечения выживания при минимальных затратах труда (10).

Совершенно иная картина наблюдается в раннем мезолите в лесной зоне. Северные области Украины, освободившись от постгляциальных явлений, сохраняют во многом привычную для населения палеоэкологическую обстановку. Сюда в поисках добычи с юга и запада проникает население, сохраняющее позднепалеолитический тип хозяйства, материальной культуры и образа жизни, которое расселяется среди групп с достаточно четкими чертами автохтонного развития (11).

Сезонные стоянки охотников этого региона в общих чертах имеют то же устройство, что и в предыдущий период. Так, в Западном Полесье в нижнем слое стоянки Нобель 1, датированной 10 тыс. л. н., обнаружено 6 очагов (12). На однокультурной Нобелю стоянке Малая Осница II раскопками вскрыта свидерская землянка (13). Подобные объекты известны на данной территории и в позднем палеолите. Возможно, данные комплексы фиксируют сохранение традиций относительно оседлого образа жизни в новых экологических условиях.

Как и в предыдущий период, в раннем мезолите в лесной зоне, богатой выходами разных сортов сырья, функционируют пункты кремнеобработки. Они фиксируются по скоплениям кремневого инвентаря, состоящим преимущественно из отходов производства, сырья, нуклеусов, отбойников и содержащим весьма низкий процент изделий со вторичной обработкой. Существование специальных пунктов кремнеобработки

указывает на достаточно прочную связь посещавших их людей с данной территорией.

К этому типу относится расположенная у выходов кремня в оврагах у боровой террасы левого берега р. Смячка в среднем течении Десны группа памятников. Среди них Смячка 17а, в инвентаре которой подавляющее большинство составляют отщепы, обломки и сколы с нуклеусов при крайне низком процентном содержании изделий со вторичной обработкой (14). В материалах, расположенных неподалеку пунктов Бугры 1а и Крейда 3 представлен полный цикл первичной обработки кремня (нуклеусы, отщепы, пластины) (15). Те же типологические группы изделий обнаружены на ст. Деревляны III в Каменско-Бугском районе Львовской области (16). На стоянке Поповцы в верховьях р. Иквы во Львовской области в 1 км от выхода кремня открыт пункт кремнеобработки, состоящий из пяти подокруглых скоплений диаметром до 2 м каждое. Они соотносятся с местами работы мастеров, причем в скоплениях 1 и 2 обнаружены только результаты первичного расщепления кремня, а в скоплениях 3—5 найдены также скребки, резцы, вкладыши ножей. В 200 м западнее мастерской раскопано поселение, инвентарь которого (двухплощадочные нуклеусы, пластины и их сечения, скребки, резцы, вкладыши ножей и др.) концентрируется в южной части раскопа вокруг следов очага. Автор раскопок считает, что это единый одновременный комплекс (17). Такое допущение предполагает относительно высокий уровень оседлости оставившего данный комплекс населения.

В то же время в лесной зоне прослежены и менее «стабильные» комплексы, которые указывают на определенные изменения образа жизни населения лесной зоны. В слое С дюнной стоянки Народичи в Киево-Житомирском Полесье раскрыты остатки 5 кострищ округлой либо удлиненной формы диаметром 0,6—1,4 м и мощностью до 0,5 м, вокруг которых концентрировались находки кремневых изделий. Типологически и хронологически близки этим находкам раскрытые в слое В скопления вокруг кострищ №№ 6—21, относящиеся ко времени перехода от раннего мезолита к позднему (18). Топография стоянки (высота над поймой реки около 2 м), отсутствие утепленных жилищ позволяют предположить, что поселение функционировало в летнее время года. На дюнной стоянке Красноселье в Западном Полесье выявлено 14 скоплений овальной формы 2×3 м, где располагались все находки; кострища, жилища, фауна отсутству-

ют (19). На стоянке Раска в Бородянском районе Киевской области раскрыто пятно кремня 10×6 м, где в нижней части подпочвы найдены многочисленные кварцевые и гранитные валуны, использовавшиеся для хозяйственных нужд (20).

В целом в лесной зоне в раннем мезолите прослеживаются две тенденции. С одной стороны, местное население сохраняет свои традиционные черты материальной культуры и образа жизни. С другой, переселение сюда групп пришлого населения с юга и запада изменяет демографическую ситуацию и вносит определенные изменения в образ жизни и средства адаптации населения лесной зоны. Данная тенденция проявляется в упрощении комплексов материальной культуры, что прослеживается по материалам ряда стоянок уже в раннем мезолите.

Лесостепь, занимая промежуточное положение между степной и лесной зонами, соединяет в себе их черты адаптивного комплекса элементов материальной культуры. Богатство природной среды и успешная адаптация к прохладным климатическим условиям способствовала сохранению в Поднестровье позднепалеолитических традиций в материальной культуре и быте населения. Эта тенденция отразилась в комплексах автохтонной молодовской культуры.

На стоянке Молодова V в слое 1, относящемся к позднему дриасу и хронологически совпадающем со временем перехода от палеолита к мезолиту ($10\ 940 \pm 150$ л. н.), открыто поселение, состоящее из пяти овальных скоплений культурных остатков (21). По подсчетам А. П. Черныша, здесь в течение 5 месяцев проживали 65 человек (22). В слое 1а, также относящемся к позднему дриасу и датированному $10\ 590 \pm 230$ л. н., обнаружено 4 аналогичных скопления культурных остатков площадью от 8 до 32 кв. м, интерпретируемых как остатки куренеподобных жилых сооружений, где в течение 3,5 месяцев обитало 55 человек (23).

Со средним течением Днестра связан и ряд пунктов кремнеобработки, подтверждающих относительно прочную связь населения со своей кормовой территорией. К данному типу памятников относится Незвиско X в Ивано-Франковской области (24). Внимание привлекают материалы расположенной по соседству стоянки Незвиско XXI, датированной 10 000 — 9 500 л. н. (25). Здесь обнаружены 3 каменные кольцевые выкладки, интерпретированные как основания жилищ типа чума, покрытых шкурами животных (26). У предполагаемого входа в одно из них открыты остатки очага и скопление крем-

ия с крайне низким процентом изделий со вторичной обработкой. Единственный обнаруженный очаг вряд ли мог удовлетворять потребности в тепле и средстве приготовления пищи трех парных семей в климатических условиях «достаточно суровых, на грани выживания». Кроме того, на стоянке нет фауны, хотя на соседних памятниках со сходными условиями залегания она многочисленна (напр., Молодова V, Кормань IV, Оселивка I, Бабин I и др.). Состав кремневого инвентаря указывает на преобладание деятельности по обработке кремния. На однокультурном памятнике Камяница V обнаружено подобное сооружение из 13 известняковых камней, расположенных полукругом, без признаков очагов или обжига находок; у предполагаемого входа прослежено скопление артефактов (27). В инвентаре Камяницы V, как и в наборе изделий Незвиско XXI, присутствуют все группы изделий. Обращает внимание незначительное количество целых пластин на обоих памятниках. В целом Незвиско XXI и Камяница V могут рассматриваться как пункты кремнеобработки, где осуществлялись все технологические операции по изготовлению орудий труда. Каменные кольцевые выкладки в таком случае могут являться основаниями ветровых заслонов, служивших убежищами мастерам в ненастные дни.

Относительно долговременные комплексы обнаружены и в Левобережной Лесостепи. На сезонной стоянке охотников и собирателей Вязовок 4а в пойме р. Слеспород на Полтавщине раскрыто 5 жилищ с несколько углубленным («втоптаным») полом; жилища № 1 и 3 имеют площадь 10—12 кв. м, № 2 и 4 — около 20 кв. м. Скопления инвентаря и фауны располагаются около внутренних очагов и на площади жилища, выходя за его пределы не далее, чем на 1 м (28). Жилища одновременны, нет специализации хозяйственной деятельности в отдельных конструкциях; процесс изготовления и использования орудий в каждом жилище имел индивидуальный характер (29). Прослеженный в жилище № 2 вход типа сеней, углубленный пол и реконструируемый облик сооружения в виде утепленной каркасной конструкции типа чума указывает на относительно длительный зимний период функционирования поселения.

С другой стороны, в лесостепи открыты многочисленные местонахождения с несохранившимся культурным слоем и сезонные стоянки охотников и собирателей, где конструктивные остатки не прослеживаются. Среди последних отметим памятники Оселивка I, Оселивка III, Кормань IV «А» в сред-

нем течении Днестра. На этих стоянках прослеживаются места кремнеобработки, потребления пищи, разнообразные камни, использовавшиеся для хозяйственно-бытовых целей, в том числе и при утилизации продуктов собирательства (30). Таким образом, в раннем мезолите в лесостепной зоне отсутствует какой-либо единый эталон поселения. В начале голоцена местное население имеет возможность сохранять традиционную материальную культуру и образ жизни, что проявилось в функционировании относительно долговременного поселения Молодова V. В более северных районах данный адаптивный комплекс сохраняется на протяжении всего раннего мезолита. В то же время изменение климатических условий и трансформация фаунистического комплекса влекут выработку новых способов адаптации. Данная тенденция проявляется в увеличении подвижности населения и преобладании во второй половине раннего мезолита небольших кратковременных стоянок.

Особый адаптивный комплекс элементов материальной культуры эпохи мезолита представлен в Горном Крыму, где люди продолжали использовать навесы, гроты и пещеры в качестве мест обитания. К позднеледниковую относится поселение во втором горизонте 6 слоя навеса Шан-Коба. В центральной части подпрямоугольной жилой площадки площадью примерно 32 кв. м обнаружено овальное очажное пятно, к которому примыкает скопление пережженных костей; в южной части площадки прослежена выкладка из крупных камней, которая, возможно, служила для укрепления заслона из ветвей при входе (31). В 1 горизонте описанная жилая площадка прослеживается более отчетливо; ее площадь около 26—30 кв. м; южный угол также заложен камнями; в северной части зафиксировано небольшое округлое потемнение. Жилые площадки 1 и 2 горизонтов рассматриваются как остатки долговременного жилища (32).

С переходом к голоцену в Горном Крыму принцип устройства поселений не изменяется. Так, характер заполнения 4 слоя навеса Шан-Коба очень близок позднеледниковому 6 слою, что позволяет предположить существование здесь в этот период сооружений, аналогичных позднеледниковым. Сходное поселение открыто в 6 слое навеса Фатма-Коба. Обнаруженные там объекты рассматриваются как остатки долговременного жилища площадью около 12 кв. м с углубленным полом и двумя периодами заселения, рядом с которым находится ветровой заслон с точком около входа. Воз

можно, поселение функционировало в осенне-зимний период (33).

В целом для раннего мезолита Горного Крыма характерно сохранение адаптивного комплекса элементов материальной культуры эпохи позднеледниковья. Развитие традиционной охоты позволяло в пребореале вести привычный образ жизни, что отразилось и на способе устройства относительно долговременных жилищ и поселений.

Анализ адаптивных комплексов элементов материальной культуры эпохи раннего мезолита показывает их исключительное разнообразие во всех природно-ландшафтных зонах. Эта тенденция связана с необходимостью выработки новых средств адаптации к изменяющемуся в силу разных причин палеогеографическим, палеоэкологическим и палеодемографическим условиям. В этот период ни в одном из регионов Украины не прослеживаются какие-либо четкие принципы устройства поселений или создания системы поселков. Адаптируясь к среде, перемещаясь на значительные расстояния люди стремятся получать оптимальный результат с наименьшими затратами труда. Этим объясняется как сохранение позднеледниковских традиций в лесной, частично лесостепной зонах и в Горном Крыму, так и принципиальное изменение материальной культуры и образа жизни в степи.

Поздний мезолит

С переходом к бореалу уже на этапе низких температур ленгхольц (8 900 л. н.) наблюдается нарастание обводненности территории Украины, увлажнение и потепление климата. Наиболее ярко в эпоху мезолита эта тенденция зафиксировалась в отложениях времени ундайского потепления, соответствующего термическому максимуму голоцена — 8 900—8 300 л. н. (34). Смягчение климатических условий способствует общей стабилизации жизни и ведет к новым изменениям в социокультурной адаптации.

В позднем мезолите люди осваивают водоразделы и долины мелких водотоков. Количество археологических памятников повсеместно растет. В первую очередь это наглядно проявляется в южной части Украины. В этот период вновь возникают крупные долговременные поселения с многочисленным инвентарем, жилищами, очагами, местами обработки кремня, запасами сырья, культовыми и бытовыми объектами и т. д. Такие памятники определяются как базовые лагеря охотников и собирателей. Их структура сложна и разнообразна.

разна, в ряде случаев она определяется природно-ландшафтными условиями.

К данному типу памятников в степной зоне относится стоянка Мирное, где вскрыто 58 очагов и пекарских ям, которые концентрируются в центре поселения; на периферии очажной зоны выявлено 18 скоплений средней площадью около 30 кв. м, которые, возможно, соответствуют микрокомплексам центра лагеря (35). Изучение состава находок отдельных скоплений позволяет рассматривать их как хозяйственно-бытовые комплексы широкого функционального назначения, где осуществлялась обработка кремня, изготовление одежды, предметов быта, потреблялись продукты охоты и собирательства. Состав находок и фауны дает основание предположить, что поселение функционировало круглый год. В холодное время над скоплениями могли сооружать легкие куренеподобные жилища из жердей и веток, а летом устраивать навесы, защищающие от солнца. Судя по количеству раскрытых и сохранившихся комплексов, здесь в течение 9 месяцев проживало более 150 человек. Однако поселение могло функционировать гораздо дольше, что связано с наличием около 30 тыс. недиагностичных костей и свидетельств широкого использования продуктов собирательства. Кроме того, в непосредственной близости Мирного обнаружено несколько мелких однокультурных памятников со следами кратковременного пребывания на них людей — Мирное 2 и 3, Васильевка (Китай-озеро), Борисовка, Траповка, Зализничное, Новоселица, Причеповка и др. (36). Такая система расположения памятников характерна в позднем мезолите частично и для лесной зоны. Возможно, подобные «кусты», состоящие из поселения и нескольких местнахождений, связанных с отдельной экологической нишей, охватывают кормовую территорию и соотносятся с определенной формой социальной организации.

Второй вариант комплекса элементов материальной культуры, соответствующий базовому лагерю степной зоны, представлен стоянкой Игрень 8 на левом берегу р. Самара в Днестровском Надпорожье. Здесь по краю боровой террасы раскопано 7 подокруглых землянок диаметром до 8 каждая, углубленных в материк до 1 м и имевших каркас из жердей и коническую крышу, перекрытую камышом; на дне углублений выявлены скопления инвентаря, золы и угольников, хотя кострища открыты только в 2 жилищах (37). Почти все объекты разрушены размывом, в нескольких прослежены сле-

ды пожара, уничтожившего сооружение (38). Среди исследователей нет единства по поводу одновременности обитания всех землянок, однако наличие углубленных кострищ и жилищ указывает на долговременность функционирования памятника. В целом Игрень 8 можно рассматривать как позднемезолитический базовый лагерь рыболовов и охотников. «Куст» памятников данной группы, связанный с приречной экономикой, составляют острова Сурской, Кизлевый, Лоханский, Шульговка и др. (39).

На рост оседлости населения степной зоны в позднем мезолите наряду с появлением базовых лагерей указывают днепровские могильники с определенной системой размещения погребений (40). Само возникновение данного типа памятников является одним из важнейших достижений эпохи мезолита и свидетельствует о формировании понятия родовой территории (41). Одиночные погребения в Горном Крыму подтверждают предположение об изменении ритуального отношения к предкам (42).

На более тесную связь с эксплуатируемой территорией и на всесторонний контроль над ее ресурсами со стороны населения степной зоны указывает функционирование в богатом выходами кремня нижнем течении р. Северский Донец ряда пунктов кремнеобработки (43).

На сезонных стоянках этого региона (за исключением Фронтowego 1 сл. 3 в Восточном Крыму) следы жилищ или других видов укрытий, очагов и т. д. не прослеживаются. Типичный вариант адаптивного комплекса элементов материальной культуры сезонных стоянок охотников и собирателей степной зоны представлен материалами поселения Гиржево в Нижнем Поднестровье. Здесь на высоком (41 м) склоне реки на 220 кв. м раскопа найдено около 11 тыс. кремней, указывающих на все виды производственной и бытовой деятельности, и фауна (44). Вокруг него открыты мелкие однокультурные памятники с однотипным инвентарем — Балашово 1 и 2, Тростянец, Довжанка, Орловка и др. (45).

Преобладающим типом памятников позднего мезолита в степной зоне, как и в предыдущий период, являются мелкие кратковременные стоянки, представленные в основном подъемным материалом.

Таким образом, изменения палеоэкологической обстановки в позднем мезолите повлекли подвижки в социокультурной адаптации населения. В степной зоне это проявилось в росте количества археологических памятников, появлении новых их

типов, а также сложении определенной «кустовой» системы распространения поселений. Все это свидетельствует об определенной стабилизации жизни и росте оседлости. Возможно, данные процессы связаны с появлением нового источника мясной пищи в связи с началом приручения тура. Отсутствие очагов и жилищ на многих памятниках этого периода может объясняться достаточно мягким и теплым климатом степной зоны в бореале. С другой стороны, весьма бедные адаптивные комплексы элементов материальной культуры большинства стоянок этого региона могут указывать на продолжение поисков средств преодоления кризисного состояния.

В лесной зоне в позднем мезолите в общих чертах сохраняются те же основные тенденции эволюции материальной культуры, что и в пребореале. С одной стороны, в условиях более мягкого, чем в раннем мезолите, климата сохраняются традиции относительного оседлого образа жизни и связанные с ним элементы материальной культуры. Новой чертой социокультурной адаптации, отражающей развитие этой тенденции на ином уровне, является возникновение базовых лагерей.

На базовом лагере Вороцев II вскрыто 59 углублений культурного слоя в материк, разделенных на 7 производственно-хозяйственных комплексов, состоящих, как правило, из жилищ, мастерских, хозяйственных ям и очагов (46). Большая часть углублений содержит отдельные кремни и кости животных и интерпретируется автором раскопок как остатки хозяйственных ям и близких им объектов. Около 20 подовальных сооружений, содержащих небольшое количество находок и сопровождающихся скоплениями артефактов перед предполагаемыми входами, автор раскопок считает остатками летних шалашей с углублениями в центре (47). Можно по-разному оценивать количество обитателей и срок функционирования поселения. В отличие от других базовых лагерей лесной и степной зон, в окрестностях Вороцева II мелкие однокультурные памятники, формирующие его кормовую территорию, не выявлены.

В самых общих чертах сходный принцип устройства базового лагеря прослежен по материалам ст. Рудой Остров в Киевском Полесье, где на площади 700 кв. м открыто II заполненных серым зольным угольным песком линз. Длительность обитания памятника подтверждается мощностью кострищ и углубленных жилищ, насыщенностью культурного слоя и относительно равномерным распределением находок по площади стоянки (48). Вследствие отсутствия фауны и назем-

ных очагов и жилищ на полесских памятниках мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть гипотезы круглогодичного функционирования Рудого Острова. «Куст» однокультурных памятников представлен стоянками ДВС, Бородеянка, Кухари 2, Тетерев и др. (49).

На стоянке Песочный Ров в Полесье вскрыты 3 углубленные кострища, два из которых имеют форму наклоненной чаши, сходную с рудоостровскими очагами, а также очень плотное скопление кремня, где найдено несколько сотен отщепов, обломков, расколотых желваков, нуклеусов; вероятно, здесь было место первичной обработки кремня (50). Инвентарь, представляющий все этапы кремнеобработки, своеобразное расположение очагов и кремневых скоплений, позволяющее предположить существование легкого наземного куренеподобного жилища, дают возможность допустить, что Песочный Ров мог являться базовым лагерем охотников и собирателей, функционировавшим в теплое время года. В ближайших окрестностях памятника разведками выявлено 5 однокультурных и синхронных пунктов кремнеобработки, а также стоянки Гридасово, Грязьки, Крейда, Мамекино и др. (51). Уточнение типа данного памятника возможно лишь после планиграфического и трасологического изучения кремневого инвентаря.

Наряду с базовыми лагерями, в лесной зоне выявлен ряд сезонных стоянок охотников и собирателей с богатыми адаптивными комплексами элементов материальной культуры. Наиболее полный их набор представлен на поселении Старуня 1 в Предкарпатье. Здесь раскопаны остатки углубленного жилища типа чума, ветровой заслон с плитчатыми песчаниками в основании с выходом в сторону реки, 3 хозяйственные ямы, 2 очага, заполненные древесным углем; между этими объектами прослежены скопления кремневых атефактов, являющиеся местами кремнеобработки (52). В общих чертах сходные комплексы раскопаны на стоянках Рудня в Киевском Полесье (53), Галина Воля (Выжевка) в Припятском Полесье (54) и Брюховичи VI (55).

В позднем мезолите в лесной зоне сохраняются сезонные стоянки охотников и собирателей, где конструктивные остатки не обнаружены. Среди них отметим Броды в Киевском Полесье и Гридасово в Новгород-Северском Полесье (56). Их функционирование связано с возрастанием подвижности населения к концу мезолита в результате назревания кризиса традиционного охотничьего хозяйства.

В целом в лесной зоне на протяжении всего периода развиваются две традиции устройства поселений. Первая из них — тенденция сохранения относительно оседлого образа жизни — реализуется в позднем мезолите как в форме традиционных сезонных поселений, так и в виде базовых лагерей. Наряду с ними к концу мезолита широко распространяются «подвижные» комплексы, связанные с нарастанием кризисных явлений в палеоэкологической обстановке. Сходная с прослеженной в степи «кустовая» система расположения поселений, вероятно, связана с общим принципом относительно оседлого образа жизни — обитая на крупном поселении, организовывать в его окрестностях охотничьи, сырьевые и т. д. экспедиции в поисках необходимых ресурсов. Потребление и хранение последних, как правило, осуществлялось на базовом поселении. В лесной зоне, однако, «кусты» мелких памятников прослеживаются не везде.

Совершенно иной вариант адаптации реконструируется по материалам лесостепи. Здесь в позднем мезолите не обнаружены ни базовые лагеря, ни сезонные стоянки охотников и собирателей с развитыми адаптивными комплексами элементов материальной культуры. Очаги в этом регионе прослежены только однажды на стоянке Атаки VI. Жилища, долговременные кострища, ветровые заслоны не обнаружены. Несмотря на наличие выходов высококачественного сырья, пункты кремнеобработки исчезают. Все это указывает на коренное изменение хозяйства и образа жизни позднемезолитического населения данной зоны. Оно состоит в резком росте подвижности в связи с кризисом традиционного охотничьего хозяйства. Это было вызвано распадом рангиферного и рецентного териокомплексов и становлением фауны современного вида, с одной стороны, и увеличением и без того сравнительно высокой обводненности данного региона, с другой. Все это не позволяло вести традиционную охоту и вызывало необходимость поисков новых источников питания и кормовых территорий. Лесостепь становится своеобразным коридором, по которому в разных направлениях передвигались разноэтничные группы людей.

Существенные изменения материальной культуры происходят в позднем мезолите и в Горном Крыму. Здесь они также связаны с появлением проблем в ресурсообеспечении региона, изменением фоновых видов фауны и необходимостью трансформации хозяйства.

На рубеже пребореала и бореала в Горном Крыму развивается достаточно сложный адаптивный комплекс элементов материальной культуры, относящийся к типу стоянок «раковинных куч». Он связан с развитием разнообразных видов деятельности мезолитического населения, в том числе и специфического для данной территории уложенного собирательства улиток *Helix* (57). Наиболее полно подобный комплекс представлен в материалах 3 слоя навеса Шан-Коба. Здесь выделено два хозяйственно-бытовых комплекса, являющихся местами разновременных поселений. Типологически близкий комплекс открыт в 3 слое Мурзак-Кобы (58). Появление стоянок типа «раковинных куч» в Горном Крыму хронологически совпадает со временем трансформации фаунистического комплекса и изменения форм ведения хозяйства. Формирование подобных комплексов объясняется, скорее всего, поиском новых пищевых ресурсов.

Одновременно с комплексами типа «раковинных куч» в Горном Крыму на рубеже пребореала и бореала продолжает функционировать известный с позднего палеолита тип пещерных стоянок. Они раскопаны в 4 культурном слое навеса Фатьма-Коба, в навесе Ласпи 7.

Во второй половине позднего мезолита подобные долговременные комплексы исчезают. Так, в верхнем слое стоянки Замиль-Коба 1 ни очагов, ни жилищ, ни мастерской не обнаружено (59). 2 слой стоянки Шан-Коба не имеет четкой структуры; здесь, в отличие от предшествовавших периодов, выявлен всего 1 очаг и небольшое количество артефактов. Подобное коренное изменение материальной культуры могло быть вызвано трансформацией образа жизни и свидетельствует о преобразовании типа хозяйства.

Таким образом, как и на большей части территории Украины, в Горном Крыму к концу мезолита происходит изменение типа хозяйства, связанного с ним образа жизни, что отразилось на адаптивном комплексе элементов материальной культуры. Кризис охотничьего хозяйства вызвал необходимость перестройки экономики, поиска новых источников питания (усложненное собирательство улиток *Helix* и попытки domestikации свиньи).

Краткий обзор основных типов мезолитических памятников указывает на их исключительное разнообразие во времени и пространстве. Это объясняется стремлением максимально использовать предоставленные природной средой условия существования. Эволюция средств адаптации была связана

с изменениями палеоэкологической обстановки, образа жизни и экономики. Кризис традиционного охотничьего хозяйства в степной зоне назревает уже на рубеже палеолита и мезолита. В лесостепной зоне и в Горном Крыму его признаки прослеживаются в конце пребореала, а в середине позднего мезолита можно говорить о существенной модификации экономики, образа жизни и материальной культуры. В лесной зоне кризисная ситуация складывается лишь к концу мезолита. В соответствии с подвижками в природно-ландшафтной и палеоэкологической обстановке эволюционируют и средства адаптации.

Там, где это было возможно (лесная зона, Горный Крым и частично лесостепь) в раннем мезолите сохраняется позднепалеолитический образ жизни и соответствующий ему адаптивный комплекс элементов материальной культуры. В позднем мезолите в лесостепной зоне он подвергается существенным изменениям в связи с необходимостью трансформации хозяйства. В степной зоне коренная перестройка способа существования произошла уже в пребореале, а к бореалу отмечается определенная стабилизация жизни. Эти тенденции хорошо прослеживаются как по изменению состава находок, так и по количеству и характеру археологических памятников.

Ни один тип памятников не мог функционировать изолированно от остальных. Существование каждого из них предполагает наличие выработанной многими поколениями системы саморегуляции первобытного коллектива, включающей наряду со многими другими компонентами периодические миграции, обитание на одном месте, обеспечение приемлемых для проживания и продолжения рода условий, изготовление и использование орудий труда, ритуальную деятельность. Лишь рассмотрение комплекса памятников дает информацию об образе жизни, быте и материальной культуре мезолитического населения Украины.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Бибиков С. Н., Станко В. Н., Коев В. Ю. Финальный палеолит и мезолит Горного Крыма. — Одесса. — 1994; Столяр А. Д. Об одном центре одомашнивания свиньи//СА. — 1959. — № 3. — С. 3—18.

2. Мацкевой Л. Г. Мезолит Предкарпатья, Западного Подолья и Прикарпатья//Археология Прикарпатья, Волини и Закарпатья. — К. — 1987. — С. 87.

3. Станко В. Н. Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. — К. — 1982. — С. 47.

4. Хотинский Н. А. Радиоуглеродная хронология и корреляция при-

- ризных и антропогенных рубежей голоцена//Новые данные по геохронологии четвертичного периода. — М. — 1987. — С. 41.
5. Библикова В. И. Фауна из мезолитических поселений Белолесье и Гуржево (Нижнее Поднестровье)//Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. — К. — 1978. — С. 17—29; Станко В. И. Палеоэкологическая ситуация в мезолите Северного Причерноморья//Studia praehistorica. — 1992. — V. 11—12. — С. 18—27.
6. Станко В. И. Поздний палеолит и сложение мезолита в степях Северного Причерноморья//Северное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя. — К. — 1980. — С. 5—20; Станко В. И. Ранний мезолит степей Северного Причерноморья//Первобытная археология. Поиск и находки. — К. — 1980. — С. 90—109; Станко В. И. К проблеме диалектных связей мезолита степного Причерноморья//Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. — К. — 1985. — С. 31—45; Станко В. И. Культурно-исторический процесс в мезолите Северо-Западного Причерноморья//Северо-Западное Причерноморье: контактная зона древних культур. — К. — 1991. — С. 5—17.
7. Горелик А. Ф. Исследование мезолитических комплексов стоянки Зимовники 1 в Северо-Восточном Приазовье//СА. — 1981. — № 2. — С. 115—133.
8. Телегин Д. Я., Тарасенко М. И. Мезолитическая стоянка у х. Роголик//Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. — М. — 1983. — С. 35—39.
9. Библиков С. И. Грот Мурзак-Коба — новая позднепалеолитическая стоянка в Крыму//СА. — 1940. — Вып. 5. — С. 163; Станко В. И. Мирное... — С. 27; Жилин М. Г. Про співвідношення функціонального призначення та морфології мезолітичних кам'яних знарядь лісової зони Східної Європи//Археологія. — 1986. — Т. 55. — С. 29; Коробкова Г. Ф. Истоки неолитизации: к проблеме культурно-хозяйственного развития Северо-Западного Причерноморья в эпоху мезолита//Studia praehistorica. — 1992. — V. 11—12. — С. 28—34.
10. Станко В. И. Мирное...
11. Станко В. И. Культурно-исторический...; Зализняк Л. Л. Население Подесья в мезолите. — К. — 1991. — С. 172.
12. Грибович Р. Т. Мезолітична стоянка Нобель 1 на Волині//Археологія. — 1980. — № 35. — С. 53—63.
13. Охрименко Г. В. Раскопки жилищ каменного века на Волинии//АО 1981 г. — М. — 1983. — С. 303.
14. Телегин Д. Я. Мезолітичні пам'ятки України. — К. — 1982. — С. 255.
15. Зализняк Л. Л. Культурно-хронологическая периодизация мезолита Повгород-Северного Полесья//Памятники каменного века Левобережной Украины. — К. — 1986. — С. 101—102.
16. Мацкевой Л. Г. Исследование памятников мезолита//АО 1985 г. — М. — 1987. — С. 370—371.
17. Грибович Р. Т. Исследования в верховьях р. Иквы//АО 1985 г. — М. — 1987. — С. 321—322.
18. Телегин Д. Я. Указ, соч., С. 144—145.
19. Грибович Р. Т. Мезолит Западной Волинии//Археология Прикарпатья, Волинии и Закарпатья. — К. — 1987. — С. 66—75.
20. Зализняк Л. Л. Мезолит Юго-Восточного Полесья. — К. — 1984. — С. 120.
21. Чердынцев В. А. Абсолютная геохронология палеолита//Палеолит и неолит СССР. — 1971. — Т. 6. — С. 308.

22. Черниш О. П. Стародавнє населення Подністров'я в добу мезоліту. — К. — 1975. — С. 48.
23. Там же. — С. 35.
24. Мацкевой Л. Г. Мезолит Запада Украины. — К. — 1991. — С. 18.
25. Мацкевой Л. Г., Адаменко О. М., Пашкевич Г. А., Татаринцов К. А. Природная среда и мезолит Запада Украины//СА. — 1983. — № 1.
26. Мацкевой Л. Г. Мезолит Предкарпатья, Западного Подолья и Прикарпатья//Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. — К. — 1987. — С. 84.
27. Там же. — С. 87.
28. Неприна В. И., Супруненко А. Б., Гавриленко И. Н. Жилище на мезолитической стоянке Посулья Вязовок 4а//РА. — 1992. — № 3. — С. 139.
29. Коен В. Ю. Некоторые данные о культурно-историческом процессе в Азово-Черноморском регионе X—XI тыс. лет до н. э.//РА. — 1992. — № 2. — С. 5—19.
30. Черниш О. П. Указ. соч., с. 57, 62—64, 81—85.
31. Бибииков С. Н. Позднепалеолитические поселения в навесе Шан-Коба и гроте Мурзак-Коба в Крыму//КСИИМК. — 1946. — Вып. 13. — С. 126—143; Столяр А. Д. Указ. соч., с. 7.
32. Бибииков С. Н., Станко В. Н., Коен В. Ю. Указ. соч., с. 16—17.
33. Бибииков С. Н. Раскопки в навесе Фатъма-Коба и некоторые вопросы изучения мезолита Крыма//МИА. — 1966. — Вып. 126. — С. 138—143.
34. Хотинский Н. А. Указ. соч., с. 42—43.
35. Станко В. Н. Мирное..., с. 56—58, 66, 78—80.
36. Станко В. Н. Мирное..., Кизь Г. В. Мезолитические местонахождения Мирное 2 и 3//Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя. — К. — 1980. — С. 24—26; Красковский В. И. Памятники палеолита и мезолита Северо-Западного Причерноморья. — К. — 1978. — 70 с.
37. Балакин С. А., Козловский А. А., Телегин Д. Я. Раскопки у с. Игрень на Днепре//АО 1978 г. — М. — 1979. — с. 294—295.
38. Добровольский А. В. Восьма Ігрінська неолітична стоянка//АП УРСР. — Т. 2. — К. — 1949. — С. 246; Телегин Д. Я. Изучение домостроительства и планирования поселений мезолитического времени в Поднепровье//АИУ в 1978—1979 гг. — Днепропетровск, 1980. — С. 37.
39. Телегин Д. Я. Мезолітичні пам'ятки...
40. Станко В. Н. Ранний мезолит...; Даниленко В. Н. Волошский эпипалеолитический могильник//СЭ. — 1955. — № 3. — С. 55—61; Столяр А. Д. Первый Васильевский мезолитический могильник//Археологический сборник Эрмитажа. — 1959. — Вып. 1. — С. 78—165.
41. Станко В. Н. Кризис охотничьего хозяйства и возникновение скотоводства в Азово-Причерноморских степях. В печати.
42. Бибииков С. Н., Станко В. Н., Коен В. Ю. Указ. соч., с. 77—79.
43. Горелик А. Ф. Мезолит Северо-Восточного Причерноморья (вопросы культурно-хронологического членения)//Материалы каменного века на территории Украины. — К. — 1984. — С. 19.
44. Станко В. Н. Мезолит Днестро-Дунайского междуречья//МАСП. — 1971. — Т. 7. — С. 93—110.
45. Борисковский П. И. Разведки памятников каменного века в Одесской области в 1962 г.//КС ОГАМ 1962 г. — Одесса. — 1964. — С. 12—17.
46. Мацкевой Л. Г., Боднар Г. Е., Савчук Л. Г. Исследования в с. Воронцов//АО 1978 г. — М. — 1979. — С. 368.

47. Мацкевой Л. Г. Мезолит Запада Украины. — С. 99.
48. Зализняк Л. Л. Мезолит Юго-Восточного Полесья. — С. 48.
49. Зализняк Л. Л. Население Полесья в мезолите. — С. 29.
50. Зализняк Л. Л. Культурно-хронологическая... — С. 111—113.
51. Телегін Д. Я. Указ. соч. — С. 84.
52. Мацкевой Л. Г. Мезолит Запада Украины. — С. 99.
53. Зализняк Л. Л. Мезолит Юго-Восточного Полесья. — С. 29—30.
54. Охрименко Г. В. Указ. соч. — С. 303.
55. Мацкевой Л. Г. Мезолит Запада Украины. — С. 14—15, 102.
56. Зализняк Л. Л. Население Полесья в мезолите. — С. 141—142, 151.
57. Бибииков С. Н. Об использовании улиток *Helix* в позднепалеолитическое время//МИА. — 1941. — Вып. 2. — С. 140—142; Бибииков С. Н. Позднепалеолитическое... С. 130; Бибииков С. Н., Станко В. Н., Коен В. Ю. Указ. соч. — С. 112—113,
58. Бибииков С. Н., Станко В. Н., Коен В. Ю. Указ. соч. — С. 11—14, 109—110.
59. Крайнов Д. А. Пещерная стоянка Замиль-Коба 1//Труды ГИМ. — 1938. — Вып. 8. — С. 7—32.

	Жилища			Ветровые заслоны	Очаги		Пекар- ские ямы	Хозяй- ямы	Клады
	углубленные	наземные	пещерные		углуб- ленные	наземные			
1 р	Нобель 1 в. сл. Малая Осница 2				Наро- дичи	Нобель 1			
1 п	Вороцев II Рудой Остров Старуня 1 Рудня Выжевка Брюховичи VI Турновица III Загай 1	Камяница 1 Камяница 2		Камяни- ца V Старуня 1	Песоч- Ров Воро- цев II Рудой Остров Стару- ня 1 Крини- ца 4	Вороцев II Брюхови- чи VI		Воро- цев II Стару- ня 1	
2 р		Молодова V (сл. 1, 1а) Вязовок 4а		Незвиско XXI	Вязо- вок 4а	Молодова V (сл. 1, 1а)			Кор- мань IV «А» Незвис- ко XXI
2 п						Атаки VI			
3 р		Белолесье		Зимовни- ки 1		Рогалик 2 Белолесье			
3 п	Игрень 8	Мирное Фронтвое 1 (сл. 3)			Мирное	Игрень 8 Мирное	Мирное		Мирное Фронтво- е 1 (3)
4 р			Замиль- Коба 1 н. сл. Шан-Коба	Шан-Коба сл. 6 (1, 2) Фатъма-Коб сл. 6		Замиль- Коба 1 н. сл. Буран-Кая			

		Буран-Кая сл. 4, 6 Фатма- Коба сл. 6			Шан-Коба сл. 6 Фатма- Коба сл. 6			
4 п		Шан-Коба сл. 3 Мурзак- Коба сл. 3	Шан-Коба сл. 3		Шан-Коба сл. 3, 1 Мурзак- Коба сл. 3 Фатма- Коба сл. 4	Шан- Коба сл. 3 Мурзак- Коба сл. 3	Шан- Коба сл. 3	Шан- Коба

Табл. 1. Элементы материальной культуры эпохи мезолита на территории Украины.

р — ранний мезолит, п — поздний мезолит; 1 — лесная зона; 2 — лесостепь; 3 — степная зона; 4 — Горный Крым.

	Базовый лагерь	Сезонные стоянки			Пункты кремнеобработки
		жилище+очаг+...+	жилище или очаг	без объектов	
I.1		Нобель 1 в. сл.	Нобель 1 н. сл. Малая Осница II Народичи	Раска Красноселье	Смячка 17а Бугры 1А Крейда Деревляны III Камяница V Поповцы
I.2		Молодова V сл. 1 Молодова V сл. 1а Вязовок 4а		Оселивка I Оселивка III Кормань IV «А»	Незвиско X Незвиско XXI
I.3		Белолесье	Зимовники 1 (3) Рогалик 2	Миньевский Яр	
I.4		Замиль-Коба 1 н. сл. Буран-Кая Шан-Коба сл. 6 Фатьма-Коба сл. 6	Шан-Коба сл. 4	Грот Скалистый Грот Водопадный	
II.1	Вороцев II Рудой Остров Песочный Ров	Старуня I Рудня Выжевка Брюховичи VI	Терновица III Загай I Камяница I Камяница II Криница 4	Броды Гридасово	Городок Личмань Песочный Ров 2 Курган Свиридов Ров Мосолов Ров Любязь VII
II.2			Атаки VI	Незвиско IX Врублевцы	
II.3	Мирное Игрень 8		Фронтное I сл. III	Гиржево х. Шевченко Зимовники 1 (1) Зимовники 1 (2)	Петропавловка

Табл. 2. Типология памятников Украины эпохи мезолита

- I. — ранний мезолит: 1 — лесной зоны; 2 — лесостепи; 3 — степной зоны; 4 — Горного Крыма.
 II. — поздний мезолит: 1 — лесной зоны; 2 — лесостепи; 3 — степной зоны; 4 — Горного Крыма.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ МОНЕТНОГО ДЕЛА АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ МАЛОЙ АЗИИ В VI—IV ВВ. ДО Н. Э.

Электровые монеты Малой Азии привлекли внимание ученых еще в первые десятилетия XIX в. Несмотря на определенную степень изученности этих монет, многие проблемы до сих пор не могут считаться окончательно решенными и продолжают оставаться в центре внимания исследователей (1). Наибольший интерес вызывает чеканка Кизика. Кроме того, в разное время к выпуску монет из электра обращались Фокея, Митилена и Лампсак. Однако последний чеканил электровые статеры лишь короткое время, а гекты Фокеи и Митилены уступали кизикинам по качеству металла (2).

Немаловажной частью изучения электровой чеканки, в первую очередь Кизика, являются вопросы типологии. Специфика кизикинов заключается прежде всего в обилии и разнообразии изображений, а также в длительном, до конца электровой чеканки, сохранении архаических признаков (толстый неправильной формы кружок, односторонность изображения и анэпиграфность). Кроме того, городская эмблема (тунец) занимает подчиненное положение, в то время как магистратский символ является основным. Высокие художественные достоинства кизикинов, выпускавшихся с небольшими перерывами в течение почти двух с половиной столетий, и постоянно меняющиеся магистратские символы (рис. 1) превращают эти монеты в самостоятельные памятники античного искусства. Этим однако не исчерпываются информативные возможности кизикских статеров. Особенности типологии кизикских монет позволяют рассматривать и такие вопросы, как организация работы монетного двора, относительная и абсолютная датировка монетных серий.

На самых ранних монетах Кизика, выпущенных в первой половине VI в. до н. э., городской герб занимает монетное поле в качестве основного и единственного типа. При этом

тунец и его части (голова, хвост) выступают в различных комбинациях. Такое же использование городского герба находим на ранних монетах Милета, Фокеи, наконец, на серебряных эмиссиях Кизика (3). Следующая серия кизикинов претерпевает изменения — кроме тунца на лицевой стороне появляется еще како-либо изображение, которое занимает место основного типа, вытеснив городскую эмблему на роль добавочного. Резчики монетных штемпелей зачастую стремятся с помощью художественных средств оправдать его присутствие и сделать органической частью композиции — тунец заменяет линию почвы под ногами человека или животного, вступает во взаимодействие с основным изображением (рис. 1, 1, 2). Когда не удастся сюжетно связать магистратский символ с тунцом, последний помещают в оставшейся свободной части монетного поля. На более поздних сериях тунец почти всегда занимает место под ногами фигур или под обрезом шеи (рис. 1, 3). Такая трактовка постоянного и переменного элементов монетного типа существенно отличается от обычного оформления древнегреческих монет, при котором городской герб занимает центральную часть монетного поля и значительно превосходит по масштабу периодически сменяющие друг друга магистратские дифференты (4). Вопрос о причинах и смысле выдвигания на первый план дополнительного элемента монетного типа и обусловленной этим кадендоскопической смены изображений на кизикинах, а также на электровых гектах Фокеи и Митилены, золотых статерах Лампсака (5) нельзя считать окончательно решенным. Однако, если учесть, что в наиболее близком кизикинам случае — при изготовлении фокейско-митиленских гект — устанавливалась строгая ответственность за намеренное ухудшение качества монетного металла (6), можно предполагать, что и в Кизике различие серий подчеркнуто крупными индивидуальными символами не было лишено значения дополнительной гарантии за соблюдение укакоенных норм чеканки монеты.

Такое значение сменяющихся типов на кизикинах не вызывает слишком острых разногласий среди тех ученых, которые безоговорочно признают общегосударственный характер кизикской монетной чеканки в целом. В этом случае главное изображение признают так или иначе связанным с личностью магистрата, непосредственно осуществлявшего наблюдение за изготовлением монет и соответственно несшего персональную ответственность за ее качество. Впервые вы-

сказанная Гринвеллом, эта точка зрения получила поддержку большинства нумизматов конца XIX и XX вв. (7). При этом одни объявляют главные изображения родовыми гербами магистратов (8), другие рассматривают их как произвольные избираемые «марки» последних (9).

Не совпадают мнения нумизматов и в отношении периодичности смены магистратских знаков. Часть ученых склоняется к поддержке высказанного Сиксом предположения о ежегодной смене магистратов, ведавших изготовлением монеты, и соответственно о ежегодной смене главного изображения на кизикинах (10). Такой взгляд категорически отвергает Фритце (11), и не без оснований. В самом деле, если Гринвеллу было известно 170 типов кизикинов, а Фритце 224, то в настоящее время их насчитывается 275 (12). При таком количестве типов приходится допускать строго регулярную и непрерывную чеканку кизикинов, что плохо согласуется как с историей Кизика, так и условиями денежного хозяйства в античном мире в конце IV в. до н. э., когда на смену кизикинам приходят золотые статеры Александра Македонского.

Ежегодность смены типов кизикского электра отвергает Карштедт, конструирующий оригинальную и принятую лишь немногими учеными картину эволюции кизикской чеканки (13). По его мнению, только первые выпуски кизикского электра могут рассматриваться в качестве общегосударственной монеты и переход тупца на подчиненное положение свидетельствует о том, что основная масса кизикинов изготовлялась как эмиссия частных лиц. Соответственно смена типов на кизикинах не стоит ни в какой связи со сменой городских должностных лиц. Государственный характер, по мнению Карштедта, могла носить лишь чеканка в Кизике монет из серебра. Частный характер изготовления кизикинов объясняет все трудности, возникающие при изучении этих монет, и не укладывающиеся в привычную схему эволюции античного монетного дела особенности: сохранение архаического облика монет в целом при четком стилистическом развитии изображений, анэпиграфность, многочисленность типов, специфическая роль кизикинов в обслуживании крупной торговли далеко за пределами Кизика и т. п.

Хотя этому построению нельзя отказать ни в логичности, ни в остроумии, оно все же представляется не более, чем гипотезой. В самом деле, если выбор типа зависел от произвола «крупных купеческих фирм» или от усмотрения заказчиков, остаются без удовлетворительного объяснения такие

существенные черты кизикской электровой чеканки, как обилие и неповторяемость изображений. Мало вероятно, что упоминаемые Карштедтом «фирмы» совершенно не дорожили своими отличительными символами и меняли их, едва только заканчивалась очередная серия эмиссий. Мало вероятно и то, что заказчики столь часто меняли однажды выбранный символ. Признавая частный характер чеканки кизикинов, не легко объяснить и неоднократно засвидетельствованные случаи воспроизведения иногородних городских гербов. Между тем, если видеть в сменяющихся типах кизикинов отличительные обозначения магистратов, трудности не так уж велики (14). Так, выбирая чужой монетный тип, магистрат мог руководствоваться личными или семейными связями, мог исходить из своих представлений о художественном совершенстве того или другого иноземного монетного изображения. Архаичность общего облика кизикинов и отсутствие легенды легко объясняется популярностью на внешнем рынке, что требовало сохранения традиционного внешнего вида монет. Слабые стороны гипотезы Карштедта особенно ярко видны при сопоставлении с электром Фокеи и Митилены. Договор о совместном выпуске этих монет прямо указывает на государственный характер чеканки. Между тем, гекты Фокеи и Митилены обнаруживают много общего с кизикинами. Поэтому государственный характер фокейско-митиленской чеканки косвенно указывает на аналогичную ситуацию в Кизике. Тот переход к новой типологии, который, по мысли Карштедта, означает победу частного чекана над государственным, а именно — лишение государственного герба значения основного типа — может найти объяснение в условиях развития монетного типа вообще. Назначение изображения состоит в охране целостности монетного слиточка и потому должно заполнять монетное поле таким образом, чтобы не допустить хищения металла. С этой точки зрения тунец представляет явно невыгодный сюжет. Поэтому вначале тунец выступает в сочетании с другим тунцом или с его частями. Чтобы согласовать неудобства изображения тунца с требованиями техники монетного дела, резчики штемпелей низводят его до положения добавочного символа, сохраняя на реверсе такой архаический признак, как вдавленный квадрат. Точно также на фокейских гектах тюлень переходит на место дополнительного типа (15).

Стремление удержать господствующее положение на международном рынке требовало строгого контроля над весом

и особенно качеством металла. Если курс кизикинов на рынке соответствовал их действительному металлическому содержанию, а не рассматривался как естественный сплав с условным соотношением золота и серебра, контроль над качеством каждой серии был совершенно необходим. Этот контроль облегчалось помещением в качестве основного типа знаков ответственных за выпуск лиц. Определить частоту смены этих знаков в настоящее время не представляется возможным.

Вероятно, все возраставшие потребности в международной валюте, каковой являлись кизикины, привели к необходимости увеличения серий и работы одновременно нескольких магистратов, лично отвечавших за каждую эмиссию. Возможно, что один и тот же чиновник должен был отличать каждую новую партию выпускаемых им монет, что достигалось сменой его личного знака.

Сохранение неизменного общего облика кизикинов сочеталось с хорошо прослеживаемым изменением стиля изображений. Наблюдения над стилем изображений лицевой стороны легли первоначально в основу хронологической классификации этих монет. Бабелон вообще считал стилистический анализ единственным возможным критерием хронологической принадлежности кизикинов (16). Впоследствии стилистические наблюдения над изображением лицевой стороны успешно были дополнены изучением характера вдавленного квадрата на обороте (17). Такой метод по отношению к кизикинам хорошо оправдал себя, т. к. всякий стилистический анализ является в какой-то мере субъективным и потому опирающиеся на этот анализ выводы не могут считаться окончательными (18).

Значение использования стилистических признаков монетного типа хорошо видно при рассмотрении вопроса как общей продолжительности, так и непрерывности работы монетного двора Кизика (19). Как раз стилистические наблюдения являются главным аргументом сторонников непрерывности выпуска кизикинов, в то время как противники такой точки зрения опираются главным образом на конкретную политическую историю города (20).

Именно на основании особенностей стиля Фритце относит подгруппу «А» второй группы своей классификации ко второй половине VI в. до н. э. Но является ли архаический стиль этих монет неопровержимым доказательством того, что они изготовлены до начала Ионийского антиперсидского восстания? Очевидно, нет и вот почему. Во-первых, отдельные чер-

ты архаики дают о себе знать в греческом искусстве еще и в эпоху классики. Во-вторых, развитие монетной глиптики несколько отставало от других видов изобразительного искусства, т. к. черты нового проникали в монетное дело лишь тогда, когда это новое окончательно утверждало себя в скульптуре, вазовой живописи. Поэтому нет ничего невозможного в том, что еще в первые десятилетия V в. до н. э. (к этому времени некоторые исследователи относят указанную подгруппу Фритце), когда принципы реалистического искусства только прокладывают себе дорогу, резчики штемпелей кизикских монет работают в традициях, близких искусству VI в. до н. э. К тому же, среди кизикинов этой группы более или менее выраженными архаическими признаками обладают немногие типы. Но даже эти монеты можно поместить в начале V в. до н. э. Так, в архаическую эпоху бегущего человека изображали в так называемой схеме «бега на коленях». Однако такое условное изображение бытует в греческом искусстве еще в середине V в. до н. э. Тем более такой консерватизм возможен в монетной глиптике. На кизикинах «бег на коленях» встречается довольно часто, но манера исполнения близка именно к искусству V в. до н. э. Надо также принять во внимание, что кизикины часто копируют известные памятники искусства. В таком случае в начале V в. до н. э. в качестве магистратского символа могла служить копия статуи архаической эпохи. Примером несоответствия стиля изображения и датировки монеты на основании других признаков может служить статер с изображением всадника на спокойно идущем коне (рис. 1, 4), очень близком афинской стеле IV в. до н. э. (21).

Гораздо более результативным для определения хронологии отдельных серий оказывается рассмотрение сюжета магистратского символа на фоне политической истории Кизика. Так, например, некоторые изображения на кизикинах имеют прямое отношение к памятникам афинского монументального искусства. Сюда принадлежит воспроизведение скульптурной группы тираноубийц, Геи с младенцем Эрихтонием, бегущей Ники, полководца Хабрия (рис. 1, 2), Афины с афластоном (22). Хронологическая принадлежность этих монет устанавливается на основании взаимоотношений Кизика с Афинами. Речь идет о вхождении города в состав Афинского морского союза и превращении по существу кизикского монетного двора в филиал афинского, что объясняет афинскую тематику кизикских статеров.

Значение типов кизикских монет как источника не ограничивается, разумеется перечисленными аспектами. Обширный репертуар изображений и их художественные достоинства заслуживают специального изучения, что выходит за рамки нашей работы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Bodenstadt F. Die Elektranmünzen von Phokaia und Mytilene. — Tübingen, 1981; Vorstufen der Portratkunst in der ostgriechischen Münzprägung der 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr./Proceed. of the 9 th International Congress of Numismatics. — Bern, 1979; Schwertheim E. Die Inschriften von Kyzikos und Umgebung. — I. — Bonn, 1980; II. — Bonn, 1983.
2. A. Baldwin. The gold staters of Lampsakos. — AJN. — LIII. — 1949. — P. 42; The electrum coinage of Lampsakos. — New-York, 1914; Healy J. F. The composition of Mytilenean electrum. — Actes du Congrès International de Numismatique. — Paris, 1953. — T. II. — P. 523.
3. H. von Fritze. Die elektronprägung von Kyzikos. — Nomisma. — 1912. — VII. — S. 17; Die Silberprägung von Kyzikos. — Nomisma. — 1917. — IX. — S. 34.
4. Camman A. The symbols on staters of Corinthian type. — NNM. 61932. — № 53; Thompson M. The new style silver coins of Athens. — New-York, 1961. — P. 600—608.
5. Baldwin A. The gold staters... — P. III. — № 4; Babelon E. Traité des monnaies grecques et romaines. — Paris. — 1907—1910. — II, 2. — P. 1195—1230. — PL. CLVIII—CLXI.
6. Tod M. N. A selection of Greek historical inscription. — Oxford, 1948. — P. 34—36. — № 112.
7. Greenwell W. The electrum coinage of Cyzicus. — NC. — 1887. — P. 35; Head B. M. Historia Numorum. — Oxford, 1911. — P. LVIII—LXXXIII; Babelon E. Traité... II, 1. — P. 150; Gardner P. A. history of ancient coinage 700—300 B. C. — Oxford, 1918. — P. 72; Regling K. Die antike Münzen als Kunstwerk. — Berlin, 1925. — S. 89.
8. Seltman C. Greek coins. A history of metallic currency and coinage down to the fall of the Hellenistic kingdom. — London, 1955. — P. 117.
9. Macdonald G. Coin types, their origin and development. — Glasgow, 1905. — P. 59; H. von Fritze. Die Elektronprägung... — S. 9.
10. Six J. Monnaies grecques inédites et incertaines//NC. — 1898. — P. 171; Babelon E. Op. cit. — P. 1500; Gardner P. Op. cit. — P. 332; Seltman C. Op. cit. — P. 113, 118; Зорграф А. Н. Две группы херсонесских монет с заимствованными типами//ИГАНМК. — 1927. — В. V. — С. 390.
11. H. von Fritze. Op. cit. — S. 33; Macdonald G. Op. cit. — P. 40; Greenwell W. Op. cit. — P. 30.
12. Kaizer-Raiss M. K. Eine Fernhandelswährung Antike: die Electronprägung von Kyzikos//Forschungen Frankfurt. — 1984. — № 1. — S. 3.
13. Kabrstedt U. Athenische Wappenmünzen und Kleinasiatisches Elektron//Deutsches Jahrbuch für Numismatik. — 1939. — II. — S. 94 ff.
14. Ср. Зорграф А. Н. Античные монеты//МИА. — 1951. — 16. — С. 59—60.
15. Head B. V. Catalogue of the Greek coins of the British Museum of Ionia. — London. — 1892. — P. 94.
16. Babelon E. Op. cit. — II, 1. — PP. 151—152.

17. Greenwell W. *Op. cit.* — P. 28; Wroth. *Catalogue of the Greek coins of the British Museum of Mysia.* — P. XVII; H. von Fritze. *Die Elektronprägung...* — S. 2 FF.

18. Cahs H. A. *Analyse et interpretation du style//Congrès International de Numismatique.* Paris, 1953. — Paris, 1957. — V. 2. — P. 37.

Laloux M. *Quelques paralleles stylistiques entre les types monetaires cyziens et Part du VI-e au IV-e s. avant J. C.//Actes du Congrès International de Numismatique.* — Paris, Bale, 1976; Gilliland C. L. *Coins: Mirror of Art and History//The Numismatist.* — 1981. — V. 94. — № 12.

19. Brett A. *Museum of Fine Arts, Boston, Catalogue of greek coins.* — 1955. — P. 185, 187, 191, 195, 201; Kraay C. M. *Greek coins.* — L., 1966. — P. 368—370. — Pl. 198—200. — № 698—722.

20. Babelon E. *Op. cit.* — II, 1. — P. 149, 152, 157; Gardner P. *Op. cit.* — P. 81, 85; Burns A. R. *Money and monetary policy in early times.* — London, 1927. — P. 91, 144, 272.

21. Seltman C. *Athens, its history and coinage before the Persian invasion.* — Cambridge, 1924. — P. 141, fig. 74.

22. H. van Fritze. *Die Elektronprägung...* — T. IV, 39.

ОСТРОВ ЗМЕИНЫЙ В АНТИЧНОЕ ВРЕМЯ И СРЕДНИЕ ВЕКА

Исторические события, развивавшиеся вблизи острова Змеиного, расположенного в Черном море, к востоку от устья Дуная и на нем самом, отражены в письменных источниках довольно скупо и отрывочно. Между тем, в античную эпоху это был один из наиболее известных культурных центров Эллады. Здесь находилось святилище героя Троянской войны Ахилла, впоследствии обожествленного. В средние века несмотря на утрату своих сакральных функций остров использовался то как важный стратегический и навигационный пункт, то как место стоянки кораблей многочисленных народов и стран, появлявшихся и исчезающих на территории Северо-Западного Причерноморья с VI по XVII века н. э.

Хотя как памятник истории юга Украины остров был «открыт» еще в 20-е гг. XIX в. (1), его изучение велось крайне sporadично. В силу различных причин, в первую очередь его принадлежности к военным ведомствам, на нем до последнего времени не производились более или менее регулярные археологические исследования. Лишь начиная с 1988 г. и по настоящее время, экспедиции Одесского археологического музея НАН Украины удалось развернуть комплексные работы как на суше, так и в подводной части острова (2). Это позволило сопоставить и, в известной степени, сивелировать диспропорцию между археологическим материалом и литературной традицией об острове, уточнить и наметить основные этапы античной и средневековой истории этого региона, в которой, как увидим впоследствии, Змеиный играл немаловажную роль.

Древнейшим письменным свидетельством об острове служит, вероятно, сообщение Арктина, поэта середины VII в. до н. э.: «Фетида, придя с музами и сестрами, оплакивает сына; и после этого, похитив сына из огня, переносит его на Белый остров». Очевидно, что в ходе греческой колонизации се-

верных берегов Понта греки-ионийцы, обнаружив пустынный остров, лежащий среди бескрайних, как им казалось, просторов моря, отождествили его с местопребыванием героя Ахилла после гибели под стенами Трои. «Левке» — по гречески «белый», «светлый», «светлосияющий» — так был назван ими этот остров. Иногда он назывался также «островом Ахилла» или «островом блаженных». К концу VII в. до н. э. Левке уже прочно вошел в представления греков об этом регионе Черного моря. Алкей, поэт конца VII — начала VI вв. до н. э. пишет: «О Ахиллес, владыка земли скифской!» (Фр. 48 В). Об этом же свидетельствуют сообщения Павсания (III, 19, 11) и Конона (XVIII, 18). Они рассказывают об одном из поэтов последней трети VII — первой половины VI вв. до н. э. Стесихоре из Гимеры и о первых посетителях острова, раненых во время войны между городами Кротонем и Локрадами, что в Великой Греции. Эта война происходила, вероятно, в начале VI в. до н. э. (3). Несмотря на известную мифологичность сюжета можно с уверенностью утверждать, что в это время путь к острову, как священному месту, уже был полностью освоен древними мореплавателями, приходившими сюда, как показано, с другого конца греческой ойкумены. Это подтверждается и найденной на Змеином керамикой конца VII — начала VI вв. до н. э. (4) и якорями того же времени, обнаруженными в подводной части острова (5).

Археологические находки свидетельствуют также, что уже со второй четверти VI в. до н. э. Ахиллу посвящаются первые приношения, а в III четверти этого же столетия сооружается здание храма в ионическом ордере. Судя по находкам архитектурных терракот, храм на острове имел много общего с храмом Аполлона Дельфиния в Ольвии и храмом Афины в Милете (6). Надо думать, что и Милет, как метрополия, и Ольвия были заинтересованы в укреплении культа Ахилла именно в этом районе. Ольвия стала патроном святилища героя как на самом острове, так и в других местах (7).

Рубеж VI—V вв. до н. э. был временем расцвета храма. К этому времени относится большое количество керамики, в первую очередь, расписной черно- и краснофигурной, принадлежащей известным мастерам-вазописцам: Эпиктету и Никосфену, Амазису, Мастосу, возможно Ольтосу и другим знаменитым школам художников.

В данный период формируется, очевидно, и определенная обрядность, свойственная святилищу героя. По сообщениям античных источников здесь существовал оракул (Арриан.

§ 32): В качестве неперменного атрибута сакральных действий выступает жертвоприношение животных, в частности, коз. В дар Ахиллу преподносятся не только керамика, но и монеты, украшения, ставятся надписи. Святилищу приписывают определенные лечебные функции, в том числе и методом инкубации, т. е. во сне, что характерно и для других подобных мест античного мира (8).

Но контингент людей, обслуживающих храм, был очевидно временным, точнее сезонным, поскольку осенью и зимой навигация прекращалась.

Широкое распространение поклонения Ахиллу, слияние его героических функций с божественными привело в конечном счете к усилению известности святилища. Уже в V в. до н. э. популярность храма становится столь широка, что Левке фигурирует в произведениях выдающихся поэтов и драматургов — Пиндара (Немезида, IV, 48—50): «Эант владеет отеческим Саламином, а Ахилл — светлым островом в Эвксинском море»; Еврипида (Андромаха, 1260—1262): «Ты увидишь любезнейшего тебе и мне сына Ахилла, обитающего в островном доме на Белом берегу внутри Эвксинского моря».

В IV—III вв. до н. э. известность храма становится повсеместной. Сюда поступают приношения из всех более или менее значительных полисов Понта и Средиземноморья. Среди городов, монеты которых встречены на острове, преобладают, как и следовало ожидать, причерноморские центры, а Ольвия представлена более чем 20% нумизматического материала этого времени (9). Ольвией в честь Ахилла были учреждены календарные празднества, проводившиеся на Ахилловом дроме (Тендровской косе) и других местах. Отзвуки существования каких-то военных состязаний на самом острове Левке можно усмотреть в сообщении Филострата (XIX, 16): «Приставшие к острову утверждают, что слышали и конский топот, и звук оружия, и крик, какой поднимают на войне». Не исключено, что эти празднества (Ахиллеи) могли носить такой же характер, как и известные общегреческие игры, но, конечно, в меньшем масштабе (10).

Расцвет святилища находился в тесной связи с его патроном — Ольвией. Накапливавшиеся в святилище монеты, драгоценности привлекали, тем не менее, не только поклонявшихся Ахиллу. Судя по известному декрету 330—320 гг. до н. э. храм подвергся нападению и был разграблен. Однако некий неизвестный гражданин Ольвии сумел выгнать пиратов с острова и храм продолжал функционировать. Такая ситуация на

фоне в целом весьма благополучного существования полиса могла сложиться в период осады Ольвии войсками Зопириона (11).

В III в. до н. э. Ольвия продолжала заботу о святилище, о чем свидетельствует еще один документ (IOSPE, I (2), № 26): «С добрым счастьем! Совет и народ постановили по предложению архонтов и Семи :так как получают известия, что... оказывает услуги тем из народа ольвиополитов, которые приезжают на священный остров Левке, то да постановит Совет и народ увенчать его». К сожалению, как и в первой надписи, имя человека неизвестно, но то что Ольвия как никогда была сильна и влиятельна в этой части Черного моря подтверждают нумизматические данные. На период между 250 и 150 гг. до н. э. приходится максимум — 30% монет этого города, найденных на Левке (12).

Но обстановка около середины III в. до н. э. не отличалась стабильностью. Ольвии приходилось использовать все свое могущество, в том числе и на море, чтобы защитить свои интересы. Так, в декрете в честь Антестерия идет, в частности, речь о победе, одержанной Ольвией с помощью флота и о защите алтарей, пришедших в негодность из-за времени. Алтари, охраняемые с помощью флота, находились только на острове Ахилла, так что привязка событий, описываемых в декрете, к Левке весьма вероятна.

Нестабильная обстановка складывалась и в степях Причерноморья, где активизировались варварские племена. Усиление их натиска привело к тому, что Ольвия к середине II в. до н. э. попадает под власть скифов. Здесь начинается чеканка монет с титулом и портретом Скилура. Также не позднее II в. до н. э. в Добрудже образуется Скифское государство, т. н. «Малая Скифия», цари которой стали выпускать в западнопонтийских городах свою монету. Монеты царей Кани-та и Гелия попадают и на остров Левке. Варварское давление не только на суше, но и на море подтверждает надпись известного деятеля этого времени Посидея, сына Посидея, прославленного многими другими эпиграфическими документами, найденными в Неаполе Скифском и Ольвии. Речь в надписи идет о том, что Посидей посвятил ее Ахиллу в честь победы над племенами сатархов (сатархеев), занимавшихся пиратством (IOSPE, I (2), № 672). Вероятно, что речь в надписи идет о Левке, который в очередной раз был спасен выдающимся деятелем, на этот раз весьма знаменитым. Посидей был, очевидно, одним из военачальников или судовладель-

цев при Скилуре или даже возглавлял его флот (13). Бурные события II в. до н. э., происходившие на севере Понта и связанные с островом Ахилла, нашли косвенное отражение в сообщении Филострата (XIX, 19). Излагая различные мифические истории, древний автор передает рассказ об Ахилле, истребившем у себя на острове отряд амазонок, прибывших сюда на кораблях. Это, по его мнению, происходило в то время, когда Леонид Родосский одержал первую победу на стадионе. Если исходить из данного сопоставления, то события, изложенные Филостратом, происходили около середины II в. до н. э., поскольку Леонид, знаменитый атлет из Родоса начал свои победы на 154 Олимпиаде (14).

С конца II в. до н. э. в истории северных и западных берегов Черного моря резко возросло значение державы Митридата VI Евпатора. Херсонес и Ольвия стали его союзниками, а с начала I в. до н. э. он стал господствовать на западном Понте (15). Ольвийских монетных находок на Левке этого времени очень мало, как мало и монет собственно Понтийского государства (16). Однако, здесь же на острове обнаружена гемма с изображением звезды и полумесяца — эмблемы самого Митридата. Сопоставление таких, казалось бы противоречащих друг другу, фактов раскрывается, тем не менее, благодаря поэме Овидия «Ибис». В одном из стихов (329—330) поэт высказывает пожелание врагу остаться нагим на Ахилловой земле, как некогда Ленею с амастрийских берегов. Наиболее убедительно, по нашему мнению, прокомментирован этот сюжет А. В. Подосиновым: за какие-то провинности правитель Амастрии, входившей в состав Понтийского царства, был сослан своим тестем Митридатом (отцом многих дочерей) в ссылку на остров Ахилла, где и погиб от голода и холода (17). Вероятно, в это время святилище приходит в упадок и остров был использован для ссылки неудобных людей. Эту историю, связанную с Левке, Овидий узнал, скорее всего в Томисе, где он, как известно, также пребывал в ссылке с 9 по 18 гг. н. э.

Начало новой эры было сложным временем для всех античных городов северо-западного Понта. Ольвия и Истрия разрушены войсками Буребисты, как и «остальные города по левому берегу Понта вплоть до Апполонии» (Дион Христом, XXXVI, 4). Эти перипетии не могли не сказаться на судьбе острова Левке, постепенно терявшего свое значение как центра поклонения Ахиллу, хотя сам культ героя продолжал оставаться одним из главных в Ольвии. Дион Христом, по-

бывший в городе, скорее всего около 95 г. н. э. пишет, что Оливия, хоть и отстроилась, но не имеет того вида и величия, что были ранее (до гетского разгрома). Жители, тем не менее, Ахилла «чрезвычайно чтут.., построили ему один храм на так называемом Ахилловом острове, а другой в самом городе» (XXXVI, II, 48). Таким образом, можно констатировать, что по крайней мере до конца I в. н. э. центр поклонения Ахиллу находился на Белом острове под протекторатом Оливии.

Относительная стабилизация обстановки в I в. н. э. в значительной степени объясняется усилением в Северо-Западном Причерноморье влияния Римской империи. Закрепление здесь римлян происходило в несколько этапов. В I в. до н. э. военные экспедиции Гая Скрибония Куриона, Марка Лукулла, походы Марка Лициния Красса, а в начале эры Корнелия Лентула способствовали распространению власти Рима вплоть до западного побережья Черного моря. В орбиту внимания римлян попадает и остров Левке, на котором обнаружены керамика этого времени, монеты республики и империи, начиная с Августа (18).

Однако подлинное закрепление в этих местах римских войск произошло, очевидно, в 60-е гг. I в. н. э. после похода легата провинции Мезия Плавтия Сильвана. В нескольких городах были поставлены военные гарнизоны, оборудованы базы для морского флота. По свидетельству Иосифа Флавия (Иудейская война, II, 16, 4) в 66 г. н. э. порядок на Понте Эвксинском поддерживали 3000 легионеров и 40 военных судов. После раздела провинции на Верхнюю и Нижнюю Мезию в последней дислоцировались I Итальянский, V Македонский, XI Клавдиев легионы и ряд вспомогательных отрядов. Морская служба осуществлялась Мезийской эскадрой, базировавшейся в Новиодунуме. После прибытия в начале правления Траяна в город V Македонского легиона Новиодунум стал крупным военным центром. Отсюда подразделения флота и армии направлялись в различные места дунайского лимеса (19). Их пребывание на Левке зафиксировано находками клейм на черепице, геммами с легионными значками с изображением орлов, значительным количеством краснолаковой керамики. С конца I — начала II вв. н. э. резко увеличивается количество монет на острове (20). Левке стал служить одним из форпостов Римской империи на подступах к Северному Причерноморью. Он как бы замыкал цепочку нижнедунайского лимеса, служил удобной стоянкой

кораблей и являлся связующим звеном между такими крупными базами флота, как Новиодунум и Херсонес.

И все же, несмотря на различные сложности исторического характера, военную дислокацию, существование святилища Ахилла на Левке продолжалось, о чем свидетельствует многочисленный археологический материал. Однако обращает на себя внимание резкое снижение количества (до 3%) общего числа монет Ольвии времени Антонинов (96—192 гг. н. э.) (21), тогда как число монет западнопонтийских городов в этот и последующие периоды неизменно велико (22). Из этого сопоставления само собой напрашивается вывод, который предложил еще М. И. Ростовцев, считавший, что в позднеэллинистическое и римское время остров Ахилла попадает под протекторат городов Западного Понта, скорее всего Томиса (23). Наши данные позволяют уточнить эти предложения и отнести начало установления власти греческих городов в римской провинции Нижняя Мезия над священным островом к рубежу I и II вв. н. э.

Этому событию способствовало несколько обстоятельств. Во II в. н. э. союз западнопонтийских городов — пента — или гексаполис окончательно оформил свою организацию, во главе которой стал самый крупный экономический центр этого времени — Томис. Именно здесь найдено наибольшее число надписей, относящихся к этому союзу, сам город становится его столицей — «метрополией Понта». Глава союза получил характерное наименование — «Понтарх» (24).

К сожалению, мы не знаем насколько укреплению власти над святилищем помогло присутствие в этом регионе римских войск. Как известно, римляне практически не вмешивались во внутреннюю, а тем более религиозную жизнь греческих полисов. Но вероятно, усиление, с одной стороны, союз западнопонтийских городов и ослабление влияния в этих местах Ольвии, а с другой стороны, полный военный контроль, который осуществляли здесь римляне, были взаимосвязаны. Ольвия вынуждена была учредить новый центр поклонения Ахиллу. Такое место нашлось неподалеку — Борисфен (Березань), остров, имевший давнюю, еще с архаических времен традицию поклонения богу — герою (25). Он приобретает здесь черты, присущие «Понтарху», т. е. повелителю мореплавателей. Сделано это было, вероятнее всего, в противовес «Понтарху» западнопонтийскому, захватившем власть над столь престижным культовым центром.

Перенос святилища, а вернее утверждение нового, нари-

ду со старым, места поклонения герою подтверждается также и тем, что на Березани найдено наибольшее число надписей, где Ахилл упоминается как «Понтарх» или «Герой» (26). Последняя из этих находок, содержащая стихотворное посвящение Ахиллу на острове, датируется концом I — рубежом I—II вв. н. э. (26). Таким образом, сопоставляя данные различных источников: сообщения Диона Хрисостома (95 г. н. э.); известных исторических фактов, связанных с укреплением Рима на западном побережье Понта; археологического материала, происходящего с Левке (снижение числа ольвийских монет с началом правления Антонинов (96 г. н. э.) и наоборот, резкое увеличение общего числа нумизматических находок; эпиграфических документов, происходящих с Березани и также датирующихся рубежом I—II вв. н. э. — все это вместе связанное позволяет утверждать, что именно в это время Ольвия утратила контроль над Белым островом. С появлением второго культового центра, посвященного Ахиллу, начинаются и противоречия в письменных источниках, локализирующих священный остров. Писатели римского времени не всегда четко уясняют себе разницу между двумя островами, путают их координаты и т. д.

Но Левке продолжал оставаться важным религиозным и военно-стратегическим пунктом. Так, пребывание на нем гарнизона V Македонского легиона продлилось, вероятно, до 166 г. н. э., после которого легион покинул Нижнюю Мезию (27). Стоянка флота могла существовать и позднее, по крайней мере, до середины III в. до н. э., когда варвары предприняли мощный натиск не только на суше, но и на море. Особенно разрушительным был поход 267 г. н. э., во время которого местные племена, названные в источнике «скифами», прошли вдоль северо-западного побережья Понта, «вступили в Истр и произвели много бедствий на римской земле» (Зосим, I, 42). В 269 г. собралась новая коалиция. Зосим называет кроме «скифов» также «готов», «герулов», «певков», двинувшихся от Тираса в составе 6 тысяч кораблей против городов Римской империи. Наверняка, такая армада не миновала и остров Ахилла. У нас нет прямых данных источников, что произошло с храмом бога-героя, но сопоставление этих сообщений с нумизматическим материалом весьма впечатляющее. После императора Галлиена (конец правления 268 г. н. э.) их количество явно уменьшается (28). И затем, несмотря на победы римлян, значение острова продолжает падать, а распространение новых религий уменьшает и

количество приношений в святилище языческого бога-героя. Монеты римских императоров IV—V вв. н. э. исчисляются единичными экземплярами на каждое правление. Последний из правителей Рима, чей чекан представлен на Левке, является Гонорий (395—423 гг. н. э.) (29).

После распада империи и окончательного утверждения христианства остров, вероятно, окончательно утрачивает свое сакральное значение. Правда, здесь появляются монеты Византии: Анастасия (491—518 гг.), Юстина I (518—527), Юстиниана I (527—565) (30), но они являются, очевидно, лишь отражением походов византийских кораблей. В это время территория нынешней Добруджи и собственно Нижнего Дуная являлась ареной столкновения между наступающими антами и империей. Этот участок лимеса, куда, не исключено, входил и остров Левке, как морской форпост, был хорошо укреплен. Здесь существовал ряд крепостей, однако, надо думать, влияние Византии распространялось лишь на близлежащие к ним территории. Константинополь держал под своим контролем и морские торговые пути, проходившие, как обычно, через остров. На это указывают как названные выше монеты VI в., так и еще одна находка — перечеканенный фоллис Ираклия (610—641 гг.) (31). Посещение Левке кораблями подтверждает и амфора V—VII вв., обнаруженная в его акватории.

После этого периода в истории острова наблюдается длительный hiatus, не отраженный ни в письменных, ни в археологических источниках. Это вероятно, связано со сложной этнической и политической обстановкой, сложившейся в Северо-Западном Причерноморье. Господство аваров, а затем хазар, продвижение сюда болгарских племен привели в конечном счете к сложению I Болгарского царства, поставившего эту территорию под свою зависимость. Распространение памятников балкано-дунайской культуры в Пруто-Днеэстровском междуречье указывает на сложный этнический состав местного населения в IX—XI вв. и свидетельствует о тесном взаимодействии славян и тюрко-болгар (32). Вероятнее всего, в X в. «Булгарская земля» начиналась за Дунаем, а остров, находящийся прямо перед его устьем, активно использовался как морской пункт, который лежал на пути торговых и военных кораблей, шедших с севера на юг — «из варяг в греки». Византийский император Константин Багрянородный (913—959 гг.) так описывал маршрут флотилии руссов: «Оттуда они уходят к реке Днестру и, благополучно достигнув

его, снова отдыхают... (затем они) приходят к Селине, так называемому рукаву реки Дуная (нынешнее Сулинское гирдо. — Авт.). Пока они не минуют реки Селины, по берегу за ними бегут печенеги. И если море, что часто бывает, выбросит одиодеревки на сушу, то они все их вытаскивают на берег, чтобы вместе противостоять печенегам. От Селины они уже никого не боятся и, вступив на Булгарскую землю, входят в устье Дуная» (Об управлении государством. Глава 9). Весь этот путь, как видим, представлял собой военно-оборонительную экспедицию. Русь была заинтересована в постоянной мирной торговле с Византией, которая, впрочем, не очень стремилась открывать свои границы и пускать чужеземных купцов на свои рынки. Однако все препятствия, чинимые Византией, преодолевались Киевской Русью с помощью военной силы и закреплялись дипломатически. Таковы договоры 907, 911, 944 гг., заключенные после известных походов Олега и Игоря. Теми же причинами вызвана, вероятно, и военная экспедиция Святослава и война (совместно с болгарами) против Византии (967—971 гг.). Все эти действия происходили в непосредственной близости от острова, название которого в это время нам, к сожалению, неизвестно, но несомненно, что он активно использовался и одной и другой стороной. Здесь при раскопках обнаружено значительное количество керамики, покрытой волнистым прочерченным орнаментом, весьма характерной для посуды IX—XII вв. (33).

В степи в X — первой половины XI вв. господствовали печенеги, на которых была ориентирована «северная» политика Византии. После ухода Святослава из Болгарии византийцы сообщили печенегам о его продвижении, и он был убит у днепровских порогов. Болгария также не смогла удержать свою самостоятельность, и Добруджа была возвращена в состав империи, где в XI—XII вв. существовала особая фема Паристрион или Парадунавон. Византийские корабли вновь получают возможность подходить к острову — здесь обнаружены монеты императоров Константина X Дуки (1059—1067 гг.), Романа IV Диогена (1068—1071) и наконец, электровый аспр Мануила Комнина (1143—1180) (34).

Таким образом, несмотря на отсутствие прямых письменных источников, можно предполагать, что остров неподалеку от устья Дуная постоянно находился в зоне активных исторических событий и тесно был связан с политическими устремлениями в этом районе как кочевого и полуседлого населения степи, так и Византии, Болгарии и Руси.

Первое упоминание острова в средневековых письменных документах относится к середине XIII в. В итальянском портолане «Compasso de navigare», составленном в Пизе в 1250—1265 гг. и частично дополненным в 1296 г., он называется Filoxia «Филоксия» и помещен на расстоянии 30 миль от Сулинского гирла Дуная (35). Появление его в географических указателях связано, очевидно, с начавшимся в это же время проникновением на северные берега Черного моря генуэзских и венецианских купцов и основанием здесь колоний этих городов. С тех пор остров отмечается практически на всех картах и портоланах XIII—XVII вв., где он носит название Фидиниси, Фидонис, Фудонис или Фуднис (36). Древнейшая из них принадлежит П. Весконтте и датируется 1313 г., а остров нанесен под названием Фидоникси. Известны также три греческих портолана, причем один из них, изданный в 1573 г., переведен с итальянского оригинала середины XIV в. (37). В них остров именуется Фидониси — «Змеиный остров». Вероятно, это название послужило производным для всех других написаний и было заимствовано у греческого населения приморских городов еще в период существования Византийской империи. Но даже после падения Константинополя в 1453 г. и превращения Черного моря в «турецкое озеро» торговлей здесь занимались «во всяком случае не турки... Греки, армяне, славяне и западноевропейцы, обосновавшиеся в больших морских портах...» (38). Тем не менее, моряки Османской империи, несомненно, включали остров в маршруты своих передвижений по Черному морю (по-турецки «Кара-дениз») — на нем найдены монеты Турции, Крымского ханства (Гази — Гирей, 1588—1607 гг.). Восприняли турки у византийцев и название острова. Вот как его описывает знаменитый путешественник XVII в. Г. Л. де Боплан, хотя сам тут вряд ли бывавший: «За 2 лье от гирла Дуная находится низкий остров до 2 лье в окружности, где также есть пресная вода. Турки называют его Иланада, то есть остров змей» (39).

Предположительно к XVII—XVIII вв. относится и найденная на острове глазурированная керамика и несколько фрагментов кувшинов, характерных для Турции форм и орнамента. Имеются и еще некоторые археологические свидетельства о том, что Змеиный остров привлекал внимание купцов, военных многих стран средневековья. К сожалению, точная хронологическая привязка этих вещей затруднена. Так, здесь найдена неопределенная монета Польши. Известно, в част-

ности, что черноморская политика занимала в дипломатических планах Польши важное место, особенно во второй половине XV в., впрочем как и в более позднее время (40).

В акватории Змеиного обнаружен трехлапый железный якорь, т. н. галерного типа, имевшего хождение в XII—XVIII вв.

При раскопках в наземной части острова в прошлом веке исследован склеп, выложенный камнем. В склепе найден истлевший скелет в железной кольчуге, распавшейся от времени. Судя по инвентарю, захоронение совершено в середине века, однако более точную дату установить нельзя (41).

Наконец, еще одной важной страницей в истории Змеиного являются походы запорожских казаков по Черному морю против турок. Со второй половины XVI в. эти походы приобретают регулярный характер. Казаки постоянно атакуют и громят турецкие суда и крепости в низовьях Днестра и Дуная (42). После вхождения Украины в состав Московского государства эти походы еще более активизируются. Их возглавляют известные атаманы И. Сирко, С. Палий. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. запорожцы совершили ряд славных морских походов на Дунай (43). Вполне вероятно, что именно во время этих нападений казаки оставили на острове Змеином две надписи. На одном камне, вероятно надгробии, помещено: «Григорий Попович Зинковский, Ануприй Попович». На другом было вырезано: «Кто будет на сем месте, попомните бога за меня грешного» (Архив ОАМ НАН Украины. — Инв. № 59182).

В 1775 г. остров впервые попадает в поле зрения профессионалов-картографов России. Он упоминается в рукописном «Атласе Черного и Азовского морей» П. В. Пустошкина. Начинаются его географические и археологические обследования, которые к теме нашей статьи уже отношения не имеют (44).

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Kœhler H. K. E. Memoire sur les îles et les courses consacrées a Achille dans le Pont Euxin//Memoires de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersburg. — St. Petersburg. — 1826. — Т. X. — P. 531—819.

2. Охотников С. Б., Островерхов А. С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). — К., 1993.

3. RE, XIII, 2. — Sp. 1326—1328.

4. Охотников С. Б., Островерхов А. С. Указ. соч. — С. 28—30. — Фото 7, 8.

5. Охотников С. Б., Островерхов А. С. Якорная стоянка святилища Ахилла на острове Левке (Змеином)//ЗООА. — К., 1955. — Т. III (36).

6. Русяева А. С. Архаичская архитектурная терракота из Ольвии// АДСП. — 1988. — С. 35—36. — Рис. 3; Пичикян И. Р. Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. — М. — 1984. — С. 180. — Рис. 69.
7. Русяева А. С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. — К. — 1979. — С. 127—138.
8. Блаватская Т. В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. — М. — 1983. — С. 97—98.
9. Карышковский П. О. Ольвийские монеты, найденные на острове Левке//МАСП. — 1983. — С. 166.
10. Кубланов М. М. Легенды о ристалище Ахилла и Ольвийские агонистические праздники//Ежегодник Музея истории религий и атеизма. — 1957. — Т. I. — С. 222—231.
11. Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса. VII—I вв. до н. э. М. — 1989. — С. 153—168.
12. Карышковский П. О. Указ. соч. — С. 166.
13. Виноградов Ю. Г. Указ. соч. — С. 246.
14. RE. XXI. — Sp. — 2020—2021.
15. Pippidi D. M., Berciu D. Geti si greci la Dunarea de Jos//Din istoria Dobrogei. — Bucuresti. — 1965. — P. 271—272; 278—281.
16. Карышковский П. О. Указ. соч. — С. 164; Булатович С. А. Монетные находки на острове Левке//МАСП. — 1971. — № 7. — С. 222.
17. Подосинов А. В. Овидий и Причерноморье. Опыт источниковедческого анализа поэтического текста//Древнейшие государства на территории СССР. 1983. — М. — 1984. — С. 163—165.
18. Булатович С. А. Указ. соч. — С. 224; Булатович С. А. Находки римских республиканских монет в Северо-Западном Причерноморье//Новые археологические исследования на Одешине. — К. — 1984. — С. 124—126.
19. Бондарь Р. Д. Некоторые проблемы истории нижнедунайского лимеса//ВДИ.—1973.—№ 3.—С. 154; Dogutiu-Boile E. Despre caramizele custampila ale legiunelor V. Macedonica si XI Claudia la Dunarea de Jos si pe litoralul nordic al Marii Negre//SCIVA. — 1990. — № 3—4. — P. 251—271.
20. Булатович С. А. Монетные находки... — С. 224.
21. Карышковский П. О. Указ. соч. — С. 116.
22. Булатович С. А. Монетные находки... — С. 223.
23. Ростовцев М. И. Новая книга о Белом острове и Таврике//ИАК. — 1918. — Вып. 65. — С. 184—185.
24. Златковская Т. Д. Мезия в I и II веках нашей эры (к истории нижнего Дуная в римское время). — М. — 1951. — С. 113.
25. Русяева А. С. Земледельческие культы... — С. 137.
26. Шелов-Коведяев Ф. В. Березанский гимн острову и Ахиллу//ВДИ.— 1990. — № 3. — С. 49—62.
27. Vulpe R., Varnea I. Romanii la Dunarea de Jos//Din istoria Dobrogei. — Vol. II. — Bucuresti, 1968. — P. 155.
28. Булатович С. А. Монетные находки... — С. 225.
29. Там же.
30. Столярик Е. С. Очерки монетного обращения Северо-Западного Причерноморья в позднеримское и византийское время (конец III — начало XIII в.). — К. — 1992. — С. 87—90.
31. Там же. — С. 92.
32. Козлов В. И. Население степного междуречья Дуная и Днестра

- конца VIII — начала XI веков н. э. (балкано-дунайская культура). — Автореф. канд. дис. — Л. — 1991. — 29 с.
33. Охотников С. Б., Островерхов А. С. Святилище Ахилла... — С. 122. — Фото 20, 1—3.
34. Столярик Е. С. Указ. соч. — С. 98—100.
35. Димитров Б. Българските пристанища в XIII—XIV вв. според два средновековне портолана//Археология. — 1979. — I. — С. 21; Todorova E. More about VICINA and the West Black-Sea Coast//Etudes Balcaniques. — 1978. — № 2. — P. 124—128.
36. La Ronciere M., du Jordin M. M., unter Mitarbeit von Azard M. M., Raynaud-Nguen und Vannereu M. A. Portulane. Seekarten vom 13. bis zum 17. Jahrhundert. — München. — 1984. — Taf. 2, 9, 11, 12, 16, 21, 37 u. a.
37. Todorova E. Op. cit. — P. 138.
38. Энгельс Ф. Турецкий вопрос. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. — Т. 9. — С. 25.
39. Боплан де Г. Л. Опис України. — К. — 1990. — С. 49.
40. Крот В. А. Черноморская проблема во внешней политике Польши (последняя четверть XV в.)//Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. — Ростов-на-Дону. — 1986. — С. 91—109.
41. Охотников С. Б., Островерхов А. С. Святилище Ахилла... — С. 122—124.
42. Мыцык Ю. А. Новые данные о черноморских походах запорожского казачества против Османской империи и Крымского ханства в конце XVI — первой половине XVII в. (на материалах архивохранилищ ПНР)//Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. — Ростов-на-Дону. — 1986. — С. 126—137.
43. Бачинский А. Д., Добролюбовский А. О., Новицкий Е. Ю. Книга для чтения по истории Одесщины. — Вып. I. С древнейших времен до начала XIX в. — Одесса. — 1992. — С. 48—51; 63—65.
44. Тункина И. В. К истории изучения острова Фидониси (Змеиный) в конце XVIII — середине XIX вв.//ПАВ. — 1992. — № 2. — С. 23—62.

ИЗ ИСТОРИИ ДУНАЙСКОГО ЛИМЕСА ВЕРХНЕЙ МЕЗИИ

Из всех дунайских провинций Римской империи Верхняя Мезия изучена наименее. До настоящего времени ждут своего выяснения многие коренные вопросы ее истории, административного устройства, экономики и культуры, дислокации войск и т. п.

Разделение провинции Мезия на две консульского ранга — Нижняя и Верхняя Мезия относят ко времени дакийских войн Домициана. На основании надписи в честь Л. Фунисулана Веттония, впервые упоминающей провинцию Верхняя Мезия, это событие датируют 86 г. н. э. (1). На западе она граничит с Далмацией и Паннонией, на юге — с Македонией. Границы проходят, в основном, по водоразделам, но точно знаем мы линию границы только на востоке по реке Цибра (Ciabrus) и на севере — по течению Дуная (2).

Наши сведения о системе оборонительных сооружений (лимесе) на дунайской границе Верхней Мезии в основном базируются на кратких упоминаниях античных авторов, на эпиграфических источниках. Археологические же раскопки в большинстве случаев затруднены тем, что подавляющее большинство пунктов застроено в позднейшие эпохи. Необычайно ценен в этом отношении труд Ф. Канитца (3), поскольку он представляет собой описание его наблюдений над топографией этих мест в середине XIX в., когда на поверхности еще отчетливо просматривались следы древних построек в местах незатронутых городским строительством. Он же впервые сделал попытку локализации древних крепостей, упоминаемых здесь итинерариями.

Важнейшие города Верхней Мезии на Дунае — Ратиария (современный Арчер в Болгарии), Виминаций (Костолак в Югославии), Маргум (Дубравик у впадения Моравы в Дунай) и Сингидун (Белград). Все эти города рано получают права муниципиев, а Ратиария — колонии, ее официальное

наименование — Colonia Ulpia Traiana Ratiaria. В III в. (вероятно в 239 г.) получает права колонии и Виминаций (4).

Столицей провинции был Виминаций. Здесь точно известно положение лагеря, сапатае. Размеры лагеря 442 x 385 м и он расположен в 2 км от Дуная на правом берегу Млавы. Особый интерес представляют раскопки сапатае. Улицы его ориентированы в соответствии с планировкой лагеря, замощены, имеют канализацию.

В Ратиарии находилась стоянка легиона XII Gemina и стоянка Флавиева Мезийского флота. В эпоху императоров династии Флавиев здесь вырастает в связи с этим значительное поселение, в чем убеждают нас эпиграфический материал и находки золотых и серебряных монет Веспасиана (5).

Пребывание кораблей флотилии зафиксировано также в Эгете и Маргум (6).

В Сингидуне изучение лагеря и прилегающего поселения невозможны, т. к. они перекрыты или уничтожены современным городом. Лишь в отдельных местах выявлены незначительные остатки древних улиц и домов (7).

Кроме городов древние итинерарии называют нам имена таких укреплений как Бонония (современный Видин), Эгета (Брза Паланка), Альмус (Лом), Поитес (Кладово) и целый ряд других. Наши сведения о них скудны. Можно лишь констатировать тот факт, что они представляли собой цепь больших и малых между ними лагерей, расположенных на берегу Дуная вдоль дороги, частично вырубленной в скалах. Участок дороги между крепостями Куппе и Трансдьерна был укреплен с особой тщательностью — между небольшими укреплениями, иногда представлявшими собой простые башни, расстояние всего 1—2 км (8).

Строительство дороги на этом участке лимеса было начато при императоре Тиберии и закончено Траяном, как об этом сообщает надпись, высеченная в скале, так называемая Tabula Traiana (9). Дорога проходила в 2—3 м над уровнем реки, в некоторых местах была укреплена стеной и бетонирована, опраждена деревянной балюстрадой.

В районе Железных ворот судоходство было невозможно из-за скалистого дна, быстрого течения и т. п. Римляне не могли ни проплыть здесь, ни построить мост. Попыткой улучшить условия судоходства явилась постройка канала, о котором сообщает обнаруженная здесь в 1969 г. надпись (10). Длина его — 3220 м, ширина — 57 м. Он был огражден дамбами (плотиной) высотой 14 м. Строили канал, как полагают

П. Петрович, воины VII Клавдиева легиона, расквартированные в соседних крепостях. Существует гипотеза о том, что проектировал канал знаменитый архитектор и инженер эпохи Аполлодор из Дамаска. Создание канала закончено в 101 г. Канал у Железных ворот служил навигации на Дунае до VI в. н. э. Его строительство имело помимо всего прочего и стратегическое значение, т. к. почти сразу после него в этом же районе начинается строительство знаменитого каменного моста через Дунай. На этот раз, вне всякого сомнения, строителем его был Аполлодор. Опоры моста начинались в местности Pontes (Кладово) на мезийском берегу, где для его охраны построили крепость, и уходил на дакийский берег к г. Дробета (современный Турну-Северин, Румыния). Мост сокращал путь римских войск к столице даков Сармизегету-се (11).

Участок дунайского лимеса, относящийся к Верхней Мезии, невелик по своим размерам. В своем историческом развитии он прошел 3 этапа.

На первом этапе, когда римляне лишь утверждали свою власть на берегах Дуная, он составлял единое целое со всей мезийской оборонительной системой, ибо входил в состав одной провинции — единой Мезии. По мнению Э. Свободы, уже при Августе на правом берегу Дуная к западу от Железных ворот возникает цепь малых укреплений и сторожевых башен (12). Строительство этих первых *praesidia* связывают с походами Лентула и Красса. Эти небольшие укрепления Э. Свобода сравнивает с теми, которые упоминаются у Прокопия (13) и создание которых приписывают Юстиниану. На этом историческом этапе главной задачей участка будущего верхнемезийского лимеса была защита от дакийской опасности.

С образованием в 86 г. провинции этот участок получает самостоятельное значение. Несмотря на сравнительно небольшие размеры провинции, здесь расквартированы в эпоху Траяна 2 легиона (ведь это база наступления на еще свободных даков!). Главные их стоянки — VII *Claudio* — Виминаций, и IV *Flavia Felix* — Сингидун (14). Кроме того, А. Радноти фиксирует на основании эпиграфических находок (военные дипломы и клейма на черепицах) в разное время в Верхней Мезии следы пребывания 9 когорт и 2 ал.

После образования провинции Дакия большая часть Верхней Мезии не соприкасается уже на севере с враждебным варварским миром, но римские укрепления на Дунае по-

прежнему играют важную роль в защите границ Империи, т. к. участок Сингидун-Виминаций постоянно подвергается нападениям сармат из-за Дуная, особенно в зимнее время, когда они переходили реку по льду. Кроме того, в обязанности верхнемезийского войска входила защита волока (Teidelweg) у Железных ворот и канала. Связь между укреплениями осуществлялась не только сухопутным путем, но и судами Флавиева Мезийского флота.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. CIL, III, 4013; Fluss, RE, t. XV ö1931), с. 2398, с. v. Moesia.
 2. Ptolem. III, 8, 1; 9, 1; 10; A. Mócsy. Gesellschaft und Romanisation in der römischen Provinz Moesia Superior. — Budapest. — 1970. — S. 9.
 3. F. Kanitz. Donaublicarien und der Balkan, t. 1, 2-e Leipzig, 1882; F. Kanitz. Die römische Funde in Serbien. Wien. — 1861.
 4. A. Mócsy. Gesellschaft und Romanisation in der römischen Provinz Moesia Superior. Budapest. — 1970. — S. 184.
 5. A. V. Premerstein. Die Anfänge der Provinz Moesien, I, 1898. — S. 169. Велков В. Из истории Нижнедунайского лимеса в конце I в. н. э./ВДИ.— 1961, № 2. — С. 78—79. V. Velkov. Rátria//Eirene. Praha. — 1966. — С. 155—171.
 6. Not. Dign. XLI, 39.
 7. W. Unverzagt. Neue Ausgrabungen in der Festung Belgrad//Præhistorische Zeitschrift. XXXVI. Berlin. — 1958. — S. 271—275.
 8. E. Swoboda. Forschungen am obermoesischen Limes//Schriften der Balkankommission. — Antiquarische Abteilung, vol. X, Wien. — Leipzig, 1939.
 9. CIL, III, 8263; E. Swoboda. Forschungen am obermoesischen Limes//Schriften der Balkankommission. — Antiquarische Abteilung, vol. X, Wien. — Leipzig, 1939. S. Y. Sasel. Limes u Jugoslavij I. 1961. Beograd. — S. 162.
 10. П. Петровић. Нова Трајанова табла у Бергану//Старинар. XXI. Белград. — 1970. — С. 31.
 11. D. Tudor. Poclurile romane de la Dunarea de I Yos. Bucuresti. 1971.— P. 53—155.
 12. E. Swoboda. Forschungen am obermoesischen Limes//Schriften der Balkankommission. — Antiquarische Abteilung, vol. X, Wien-Leipzig, 1939. — S. 113.
 13. Procop. De aedif. IV. — S. 4.
 14. A. Radnoti. Zur Dislokation der Auxiliatruppen in den Donauprovinzen//Limes-Studien Basel. — 1959. — S. 144;
- Рубцов С. М. Римская провинция Мезия (Верхняя и Нижняя) в I—III вв. (военно-политический аспект)//Автореф. дисс. канд. ист. наук. — М., 1988. — 15 с.

КОСТНЫЕ ОСТАТКИ ПЛЕЙСТОЦЕНОВОГО БИЗОНА ЮГА УКРАИНЫ

Выявление общих и отличительных черт в составе териосообществ различных позднепалеолитических местонахождений степной зоны Украины — сложная и многогранная проблема. Общепринятым является тот факт, что особенности, связанные с жизнью в условиях открытого ландшафта, с течением времени в той или иной мере развивались у многих млекопитающих, что нашло отражение в комплексах адаптаций скелетных элементов.

Основной объем исследования костных остатков зубра и бизона, зубра и тура, заключалась в выявлении особенностей строения черепа, как наиболее значимой в систематическом отношении, части скелета (1).

В большей степени эпизодическими являются работы по изучению морфологических особенностей посткраниального скелета, особенно мелких костей конечностей, которые зачастую являются наиболее многочисленными на палеолитических памятниках. Необходимо также отметить, что степень сохранности таких костей очень высока по сравнению с трубчатыми костями.

Большой интерес представляет выявление морфологических особенностей Анетовского и Амвросиевского бизонов, как доминантных представителей позднеплейстоценовых териосообществ степной зоны Украины. Для уточнения систематического положения позднеплейстоценового бизона были сопоставлены морфологические особенности современного бизона и зубра. Выявление морфологических особенностей как результата адаптаций к особенностям среды обитания анетовского и амвросиевского бизонов, также интересно потому, что они относятся к различным локальным группировкам (2).

Нами проведена биометрическая и систематическая обработка тех костей, которые представлены значительными

бериями: лопаточной, плечевой, лучевой и таранной. Эти кости, так же, как и в Амвросиевке, представлены в основном эпифизами, за исключением таранных, которые сохранились почти целиком.

Анализируя значения среднеквадратичного отклонения и коэффициента вариации, установлено, что степень вариации признаков на лопаточной кости анетовского зубра, по всем параметрам значительно больше, чем у амвросиевского. Половой диморфизм костей взрослых животных ярко выражен для лопаточной кости амвросиевской и анетовской популяций бизона.

Большинство плечевых костей анетовского, и в меньшей степени амвросиевского бизонов, представлено нижними эпифизами.

Степень вариации плечевой кости анетовского и амвросиевского бизонов по основным взятым параметрам, заключена примерно в одинаковые пределы. Следует отметить и тот факт, что по большинству промеров плечевые кости амвросиевского бизона несколько крупнее, чем у анетовского. Возможно, это может быть отличительным признаком двух популяций позднеплейстоценового бизона.

Лучевые кости анетовского бизона представлены в основном нижними и верхними эпифизами, а диафизы отсутствуют. Следует отметить и тот факт, что для костных остатков амвросиевского бизона присуще большое количество хорошо сохранившихся лучевых костей, у которых можно было измерить общую длину.

Графическое изображение абсолютных промеров по каждому признаку показывает, что многовершинная кривая не дает четкого представления о половом диморфизме. Аналогичная картина наблюдается и в случае сопоставления нижних эпифизов лучевой кости. Только в результате построения корреляционных решеток для сагитально-поперечниковых и широтных индексов верхнего и нижнего эпифизов было установлено, что кости, принадлежавшие самцам, резко отличаются по этим показателям от костей самок.

Следует также отметить, что лучевые кости амвросиевского бизона по некоторым промерам несколько превосходят таковые анетовского. По данным Н. Г. Белан, размеры лучевых костей самок амвросиевской популяции колебались в более узком диапазоне, чем соответствующие размеры самцов. Аналогичное явление наблюдается и на лучевых костях современных бизонов (3).

В Амвросиевской серии в среднем лучевые кости самцов оказались несколько короче, но все же значительно длиннее одноименных костей современных зубров и бизонов. Поэтому биометрические исследования этих костей скелета имеют большое значение. Сравнительно хорошая сохранность таранных костей позволила нам произвести все необходимые промеры: В результате чего установлено, что половые различия четко проявляются только у взрослых животных.

Исследуя фоссильные остатки позднелайстоценового бизона, возникает вопрос о его морфологической, а следовательно, и экологической близости к двум ныне живущим видам: зубру (*Bison priscus* L.) или бизону (*Bison bison* L.). Известно, что обитающие на открытых пространствах североамериканских прерий бизоны способны к быстрому бегу. Европейский зубр, формировавшийся, как вид, в условиях закрытых биотопов, отличается способностью к высоким прыжкам. Даже при движении на ровном месте вертикальные перемещения центра тяжести у него более выражены, чем у бизона (4). Закономерности развития биологических форм предполагают также, что различные среды обитания приводят к образованию морфологических особенностей тех или иных животных (5). Следовательно, должны проявляться и определенные морфологические и анатомические различия в посткраниальном скелете зубра и бизона (6).

Перед нами возникла необходимость выявления более четких морфологических признаков в посткраниальном скелете зубра и бизона, выходящих за рамки индивидуальной изменчивости. Для сравнения нами были взяты 7 посткраниальных скелетов зубров (самцов и самок) и 3 скелета бизонов.

Как и ожидалось, наиболее устойчивые признаки у сравниваемых форм дают таранные кости. Эта часть скелета изучаемых копытных в коллекциях Амвросиевки и Анетовки 2 представлена значительными сериями.

В результате проведенной работы, с передней стороны таранных костей, принадлежащих бизонам, был обнаружен хорошо выраженный бугорок внутреннего гребня.

Замечено, что с передней стороны таранной кости бизона бугорок хорошо заметен, а на таранной кости зубра отсутствует (7).

Эти же признаки отмечены нами при изучении коллекций таранных костей амвросиевского и анетовского бизонов. Однако, у анетовского бизона этот признак выражен заметно

слабее. Если говорить о морфофункциональном значении обнаруженных отличительных признаков таранных костей современных форм зубра и бизона, то, на наш взгляд, они играют роль своеобразного стопора, который позволяет бегущему бизону забрасывать и фиксировать в согнутом положении голеностопный сустав без дополнительных усилий.

Можно предположить, что этот морфологический признак обнаруживается на таранной кости тех животных, которые обитали или обитают на открытых пространствах тундровой зоны, зоны степей или зоны североамериканских прерий.

Полученные данные не могли ответить на все интересующие нас вопросы, поэтому нами была разработана система, которая условно была названа системой множественных промеров. Суть предложенной нами методики заключается в том, что промерялись все возможные параметры той или иной кости. Причем, чем сложнее рельеф кости, тем больше число промеряемых параметров.

Необходимость применения предлагаемой нами методики была продиктована тем, что биометрической обработке были подвергнуты кости карпального и тарзального суставов.

Впервые нами была предпринята попытка морфологического сопоставления мелких костей карпального и тарзального суставов, близких в систематическом отношении видов, с точки зрения морфологических адаптаций к условиям окружающей среды. Цель ее — реконструкция ландшафтной обстановки в позднплейстоценовое время на исследуемой территории. Необходимо было определить те морфологические параметры, которые явились наиболее информативными, с одной стороны, и вариабельными — с другой.

Помимо костей карпального и тарзального суставов, предложенная методика была применена для щечных зубов нижней челюсти (МЗ), т. к. эти элементы челюстного аппарата были подвержены накоплению адаптационных черт и морфологических особенностей в зависимости от кормовой базы, свойственной для той или иной ландшафтной зоны.

По состоянию щечных зубов нижней челюсти Вильсон (8) и Фризон (9) выявляют 12—13 возрастных групп, каждая из которых соответствует нескольким месяцам одного года жизни. Н. Г. Белан показала, что в строении МЗ современных бизонов и зубров старше 10 лет нет четкой зависимости от года жизни.

Нами была предпринята попытка определения возраста по изолированным МЗ. В основе ее лежит изменение рисун-

ка стирающейся поверхности зуба и высота метаконида, что на зубах, находящихся в челюсти, измерить не всегда удается.

Сопоставление размеров М 3 амвросиевской и анетовской серий показало, что они не только в средних значениях в целом, но и в отдельно взятых возрастных группах и по высоте коронки, и по длине, и особенно по ширине коронки в Амвросиевке, были крупнее, чем в Анетовке 2.

Помимо этого, график возрастного распределения анетовских бизонов по степени стертости коронки М 3 носит параболический характер, что свидетельствует о том, что в результате охоты позднепалеолитические охотники на территории степной зоны Украины изымали часть популяции позднеплейстоценовых бизонов, т. к. графически, возрастная структура любой популяции описывается параболой. При наличии полувзрослых животных в коллекции из Амвросиевской стоянки, можно предположить, что возрастная структура амвросиевского стада также должна быть представлена параболой в полном виде.

Как следует из вышеизложенного, наиболее вариабельными признаками являются высоты зуба (промеры № 3, 6). Следует также отметить, что средние высоты метаконида в каждой возрастной группе ниже, чем в предыдущей. Так как коронка М 3 бизона несколько удлиняется кверху, то длина, взятая в верхней части коронки (промер № 1) больше, чем в ее нижней части (промер № 2) в каждой возрастной группе.

По мере увеличения индивидуального возраста животного уменьшается высота коронки, увеличивается ее ширина.

Различия в размерах М 3 и костей конечностей Амвросиевки и Анетовки 2 позволили выделить, по всей видимости, две синхронные популяции — приазовскую и южно-бугскую, обитавшие в двух регионах, характеризовавшихся различными палеогеографическими условиями. (Рис. 7).

При анализе морфологических особенностей посткраниального скелета близких видов или популяций животных, на наш взгляд, чрезвычайно малое значение уделяется изучению мелких костей карпального и тарзального суставов. В проделанных нами исследованиях на мелких костях суставов была применена предложенная и разработанная нами методика множественных промеров.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Громова В. И. Первобытный зубр (*Bison priscus*) в СССР.//Тр. ЗИН АН СССР. — 1935. — 2; Соколов В. Е. Систематика млекопитающих. М. — 1979. — Т. 3. — 528 с.; Флеров К. К. История фауны млекопитающих в четвертичном периоде. М. — 1955. — С. 1—40.
2. Бибикова В. И., Белан Н. Г. Локальные варианты и группировки позднепалеолитического териокомплекса Юго-Восточной Европы.//Бюлл. Моск. Об-ва испыт. природы отд. биол. — 84. — Вып. 3. — М.—1979. — С. 3—14.
3. Speth J. D. Bison kills and Bone Counts. Chikago and London. — 1983. — 236 с.
4. Гамбарян П. П. Бег млекопитающих. Приспособительные особенности органов движения. Л. — 1979. — 344 с.; Гамбарян П. П. Суханов В. Б. К биомеханике двигательного аппарата зубра//Зубр. М. — 1979.— С. 292—320.
5. Флеров К. К. Образ жизни и морфологические адаптации в эволюции копытных.//Материалы по эволюции наземных позвоночных. М. — 1970.
6. Решетов В. Ю. Сравнительно-остеологический анализ посткраниального скелета бизонов в связи с историей рода *Bison*//Териология. — Новосибирск. — 1974. — Т. 2. — С. 57—64.
7. Старкин А. В. Некоторые отличительные черты таранной кости зубра и бизона.//Вестник зоологии. — 1988. — № 2. — С. 77—79.
8. Frison G. C., Stanford D. J. The Agate Dasin Site. New York. London. — 1982.
9. Wilson M. Evidence from a 3600-year-old Bison bone bed in Alberta.//A question of bone technology. Proceedings of the 15-th Annual Conference. — The Archaeological Association of the University of Calgary. — 1983. — С. 95—139.

ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА БОЛГАР УКРАИНЫ

Для исследования системы родства, ее эволюции и содержания важно не только рассмотрение трансформации специфического набора структурообразующих элементов, но и изучение истории самих терминов родства: их этимологии, лингвистической структуры, степени и ареалов распространения (1). Терминология родства является и важным самостоятельным этнографическим источником, который проливает свет на межэтническое взаимодействие, генезис этнографических групп внутри этноса (2).

Особенно перспективным в этом плане является изучение терминологии родства болгар — вряд ли можно найти другой народ, отличающийся таким многообразием локальных вариантов названий родственников (3). Специфика терминологии родства болгар Украины дает дополнительные сведения об этнографической карте Восточной Болгарии в ее динамике (здесь в течении двух последних столетий со времени выселения отсюда части болгарского населения в Бессарабию произошла существенная перегруппировка населения), проливает свет на генезис некоторых этнографических групп болгар Украины, а также на межэтнические контакты, как до переселения — на Балканах, так и на территории современного расселения (4).

В результате накопленного эмпирического материала, — имеются подробные сведения о терминологии родства 50-ти болгарских населенных пунктов Одесской, Кировоградской и Николаевской областей, есть возможность дать сводку терминологии родства болгар Юго-Западных районов Украины и сопоставить ее с распространением терминов в самой Болгарии используя имеющиеся исследования болгарских авторов (5).

Особенности терминологии будут охарактеризованы по этнографическим группам, в основу выделения которых предварительно были положены исторические сведения и данные

диалектологии (6). В свою очередь терминология и система родства позволили уточнить районирование болгар Северного Причерноморья. Вопрос о наличии внутри болгар Буджака этнографических групп остается дискуссионным (7). Однако, по крайней мере, специфика терминологии родства этой части болгарского этноса не может быть охарактеризована и объяснена иначе, как по локальным группам, каждая из которых в этом аспекте культуры сохраняет большую устойчивость и своеобразие, в свою очередь это своеобразие — результат особенностей происхождения и исторического развития, что является вполне объективным фактором, даже при признании унификации некоторых сторон культуры в особых условиях, возникших при проживании в Бессарабии.

В таблице 1 отражены 13 терминов родства по этнографическим группам, которые имеют большую вариативность или очень показательны для определения той или иной группы. В таблице используется система записи отношений родства, известная в отечественной науке под наименованием «кода Левина». Ниже каждая группа будет охарактеризована в порядке, приводимом в таблице.

Таблица 1

Отношения родства	Туканцы	Шуменцы	Болградцы-сливенцы	Гребенцы
1. Рм	таги	тятю	тати	тато, тейко
2. СмДжР ²	калеку	сваку	сваку	гаго
3. ДмРж ²	вуйчу, уйчу	уйчу	уйчу	вуйчо
4. СжДмРж ²	учинная, учинайка	буля	учинайка, уйчинайка, уйна, буля	буля
5. ДмРм ²	чичу	чучу, чичу,	чучу, чичу	чичо
6. СжДмРм ²	чпина, чинка	буля	буля, чпина, чинка	буля
7. ДмР↑	бати	бати	бати	нано
8. СмДжР↑	бати	сваку	сваку, бати	бачо
9. ДмДР	племянник	по имени	племянник	племян- ник
10. Дж	даштеря	даштеря	даштеря	по имени
11. СжДмРСм	итерва	итерва	итерва	зезя
12. ДжРСм	калина, зелва	зязя, зълва	зелва, калина	кълна
13. ДмРСж	шуряк	канчу	шуряк	шуряк

Продолжение таблицы

Отношения родства	Южные балканцы	Южные балканцы из с. Твардица	Восточные балканцы	Восточные балканцы из с. Ровно
1. Рм	тати	тети, тейку	тати, тейку	тети
2. СмДжР ²	сваку	сваку	сваку, уйчу (только в Новой Ивановке)	сваку
3. ДмРж ²	уйчу	уйчу, учу	уйчу	учу
4. СжДмРж ²	уйна	учиная, учинайка	учиная, учинайка, уйна	буля
5. ДмРм ²	чичу	чичу	чичу	чичу
6. СжДмРм ²	стрина, чинка, чинна	чина, чинка	чинка, стрина	буля
7. ДмР†	бати	бати	бати	бати
8. СмДжР†	сваку	бати	бати	сваку
9. ДмДР	племянник, братови и сестрини деца	братови и сестрини деца	братови и сестрини деца, племянник	братови и сестрини деца, племянник
10. Дж	даштера, дъштера, доштера	даштера	дантера	даштера
11. СжДмРсм	итерва, итърва	итерва	итерва	итерва
12. ДжРсм	зелва, зълва, кълна, калина	зелва, калина	зълва, зелва	зелва
13. ДмРсж	шуряк	шуряк	шуряк	шуряк

Продолжение таблицы 1

Отношения родства	Фракийцы из Северо-Восточной Болгарии	Фракийцы из Южной Болгарии	Фракийцы из Юго-Восточной Болгарии	Тронки
1. Рм	тати	тати	тате, татко	тате, татко
2. СмДжР ²	сваку, чичу (только в Колесном)	калеку	калеко	делин
3. ДмРж ²	вуйчу, уйчу	уйчу, вуйчу	вуйчо	вуйчо

Отношения родства	Фракийцы из Северо- Восточной Болгарии	Фракийцы из Южной Болгарии	Фракийцы из Юго- Восточной Болгарии	Тройки
4. СжДмРж ²	вуйна, учинайка	уйна, учинная	вуйна, вуйчинная	вуйна
5. ДмРм ²	чичу	чичу	чичо	чичо
6. СжДмРм ²	чинка	чина	стрина, чина	стрина
7. ДмР†	багѣ	бати	бате	бате
8. СмДжР†	бати	бати	бате	бате
9. ДмДР	внук, унук, племянник	племян- ник	племянник	племян- ник
10. Дж	штерка, даштера	даштера	штерко	штерка, даштера
11. СжДмРСм	итерва	итерва	етърва	итерва
12. ДжРСм	зълва, калина	зелва, калина	калинко, калино	калино
13. ДмРСж	шуряк	шуряк	шуряк	шуряк

Туканцы — коренное население Северо-Восточной Болгарии, переселявшееся в Бессарабию в XVIII в. и во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. В результате массового выселения, а также ассимиляции со стороны других этнографических групп уже к началу XX в. их в Северо-Восточной Болгарии практически не осталось (8). Одной из важнейших особенностей в терминологии родства у них является употребление термина «калеко» для мужа сестры матери и отца. Ныне в Северо-Восточной Болгарии — прародине туканцев — данный термин употребляется только на небольшом островке этой территории (9). Вообще, по своей терминологии родства туканцы очень сильно сближаются с жителями Юго-Восточных районов Болгарии, особенно с фракийцами нижнего течения реки Тунджа. Это указывает на то, что раньше население как северо-восточной, так и юго-восточной Болгарии было относительно единым, лишь позднее балканцы, первоначально видимо занимавшие лишь узкую полосу Стара Планины, широко расселились по предгорьям и заселили Северо-Восточную Болгарию, ассимилировав немногочисленное к тому времени население края. Особенности терминологии родства туканцев отмечены в селах Нагорное, Владычень, Виноградовка Болградского района (наряду с болгарцами-сливенцами), Калчево, Банновка, Городнее, Каменка, Подгорное (наряду с твардичанами) и Богатое (наряду с дру-

гими субстратами), т. е. главным образом, в самых западных частях Одесской области.

Шуменцы — также коренная группа северо-восточных болгар, занимавшая небольшую территорию в районе города Шумен. Таксономически значительно удалены от других групп болгар Юго-Западной Украины. Во-многом их специфика объясняется значительным тюркским субстратом, именно поэтому шуменцы сближаются по терминологии родства с балканцами из села Ровное и болгарцами-сливенцами, также имеющими тюркский субстрат. Употребляют только им свойственный термин «каинчу» для обозначения брата жены, в связи с этим и с некоторыми другими особенностями терминологии родства, вопреки Бернштейну, можно утверждать, что в Червоноармейском, наряду с болгарцами-сливенцами осталась и какая-то часть шуменцев, после переселения болгар из села в Приазовье (10), сохранивших свои особенности. Кроме Червоноармейского шуменцы проживают в селах Криничное и Новокаланчак (наряду с другими группами болгар).

Болградцы-сливенцы. Группа сформировалась уже в Бессарабии в XIX в. Основным ее элементом являются болгары из г. Сливен, а также близкие к ним болгары из г. Ямбол, переселившиеся в 1829—1830 гг. Многие особенности терминологии родства этой общности объясняются туканским и тюркским субстратами — некоторые группы туканцев были ассимилированы сливенцами в г. Болград и близлежащих селах; в селах Зализничное и Табаки было ассимилировано значительное число гагаузов, в Червоноармейском и Виноградовке Болградского района значительная часть населения и сейчас гагаузская и между болгарами и гагаузами наблюдается межэтническое взаимодействие, в том числе в терминологии родства. Термины родства болгарцев-сливенцев указывают на генетическую связь с другими группами болгар-балканцев, тюркский же субстрат сближает их с другими тюркизированными болгарами (термин «буля» для обозначения жены брата отца и брата матери; названия для брата отца в форме «чучу», — с гармонией гласных, характерных для тюркских языков, в отличие от «чичу» у других болгар). Первоначальным центром рассматриваемой этнографической группы был сам город Болград, откуда они расселились в близлежащие села: Виноградовку Болградского района (наряду с большинством гагаузов и смешанно с собственно туканцами), Зализничное, Табаки, Червоноармейское (наряду с гагаузами и

болгарами-шуменцами), Каланчак, Новокаланчак (наряду с представителями и других групп) и Богатое, где также кроме болгарцев-сливенцев присутствуют носители иных этнографических особенностей.

Гребенци — так называется этнографическая группа болгар, проживающих по Дунаю между Русе и Силистрой, переселенцы из этого района на Украину расселяются в поселке Ольшанка. Это чрезвычайно своеобразная группа, сохраняющая особенности своей терминологии родства как на Украине, так и в Болгарии (11). Специфика их терминологии родства во многом объясняется мощным тюркским субстратом, однако, гребенци сильно выделяются и среди тюркизированных болгар. Только у них, среди болгар Юго-Западной Украины, встречаются термины «гаго» (муж сестры матери и отца), «нано» (старший брат), «бачо» (муж старшей сестры), «старка» (жена старшего брата отца) и др. Термин для обозначения сестры мужа в форме «кълна» указывает на возможные связи гребенцев с южнобалканским регионом.

Балканские болгары, кроме суперстрата в болгарско-сливенской группе, представлены южными и восточными балканцами. Для балканцев характерны термины: «сваку» — для обозначения мужа сестры матери и отца, «кълна» — сестра мужа, наряду и с общепринятой формой «калина», а также «стрина» — жена брата отца, этот термин среди болгар Украины распространен еще только среди восточных фракийцев. Дети братьев и сестер, как правило, обозначаются с помощью описательных терминов — «братови деца», «сестрини деца». Среди южных балканцев своеобразна группа болгар из молдавского села Твардица, в конце XIX — начале XX вв. вместе с другими группами болгар, заселившая села Подгорное, Перемога и Евгеновка Тарутинского района Одесской области. Южные балканцы, пожалуй, наиболее многочисленная группа болгар в Одесской области. Они проживают в селах: Виноградное, Ореховка, Кирнички, Виноградовка Тарутинского района, Яровое, Вольное, Богдановка, Делень, Новоселовка, Дмитровка, Заря (наряду с небольшим числом северных фракийцев), а также являются составной частью населения сел Перемога, Петровск, Владимировка, Ровное и Евгеновка, Голица, Васильевка и Главаны. Все южные балканцы переселились на территорию совр. Украины в 1829—1830 гг. и расселяются в восточной части Буджака.

Восточные балканцы, сближаются рядом черт с другими балканцами, однако отличаются очень смешанным происхож-

цением — терминология родства свидетельствует об их генетических связях также с различными группами фракийцев и с туکانцами. Эта группа болгар, проживая до переселения на стыке трех основных этнографических зон Восточной Болгарии: района Старой Планины, Северо-Восточной Болгарии и Фракии, вобрала в себя отдельные черты, присущие населению всех трех зон. Восточные балканцы проживают в Новой Ивановке, Задунаевке и Виноградовке Арцизского района, а также в селе Ровное, которое выделяется наличием значительного тюркского субстрата в терминологии родства. В Новой Ивановке встречается уникальная для болгар Украины особенность. Здесь термином «уйчо» обозначают не только брата матери, как у остальных болгар, но и мужа сестры матери и отца. Это может быть объяснено либо наличием западно-болгарского субстрата из района г. Плевен — это единственная местность в Болгарии, где встречается данная особенность (12). Либо особым типом социальных установок по отношению к данным лицам, отраженным в терминологии родства, — та же ситуация наблюдается и в селе Колесном, основанном фракийцами, с той разницей, что в Новой Ивановке объединение терминов носит матрилинейный характер, а в Колесном — патрилинейный, — здесь совпадает термин для обозначения брата отца и мужа сестры матери и отца — «чичо».

Кроме перечисленных, на Украине представлены также различные группы фракийцев: фракийцы из Северной Болгарии, переселившиеся в 1806—1812 гг., фракийцы из Южной и Западной Фракии (главным образом, нижнее течение реки Тунджа), фракийцы из Юго-Восточной Болгарии, а также так называемые «тронки» — то же переселенцы из Юго-Восточной Болгарии, но отличающиеся рядом специфических особенностей. Последние две группы были расселены в 1801—1806 гг. в Буго-Днестровском междуречье: юго-восточные фракийцы в современном Свердлово, Благоево и позднее основанной Петровке; тронки — в Кубанке, Червонознаменке, Терповке и в позднее заселившейся болгарами Кремидовке.

Ликлавы фракийцев издавна существуют в северной Болгарии. Переселившиеся в Бессарабию представители северных фракийцев имеют ряд устойчивых особенностей в терминологии родства, выделяющих их подчас и из других частей этой этнографической группы болгар. Это характерное только для них среди болгар Украины объединение под одним термином «внуки» и детей сына и дочери и детей брата и

сестры; употребление, как и у большей части других фракийских групп, термина «штерка» для обозначения дочери (наряду с позднее проникшим и общеупотребительным «даштери»); термин «сваку», сближающий их с балканцами, в отличие от общефракийского «калеку». «Северные» фракийцы расселены в п. Суворово, селах Островное, Холмское, Колесное, Новокаменка и, наряду с другими группами и субстратами — в Заре, Богатом, Лоциновке.

Фракийцы из Южной и Западной Фракии проживают в селах Голица, Васильевка, Новые Трояны и Главаны. Эта группа сильно смешанная, фактически переходная между южными балканцами и фракийцами. Смешение двух субэтнических общностей проходило как на Балканах, где эти группы соседствовали, так и в некоторых селах, и уже в Бессарабии. Единственным термином, который ясно отделяет эту группу от южных балканцев, является «калеку».

Из собственно Юго-Восточных фракийцев — жителей Странжи, вероятно, необходимо выделить группу тронков, что не сделали исследователи-языковеды. Эта группа, хоть и достаточно близка по номенклатуре родства к другим юго-восточным болгарам, но термин «лелин» для обозначения мужа сестры матери и отца ясно указывает на их западно-болгарские корни (13). Это подтверждается и другими источниками — в регионе, из которого они выселились издавна проживает этнографическая группа болгар, ведущая свое происхождение из Западной Болгарии (14).

Рассмотренные данные по терминологии родства не могут, конечно, являться единственным источником для выделения и изучения генезиса различных групп болгар Украины, однако, они служат важным подспорьем в исследовании этой проблематики и, наряду с другими этнографическими данными, имеют существенное значение. Кроме того, они могут послужить материалом и для исторического анализа системы родства болгар в контексте эволюции социальной организации и этнической истории болгарского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Крюков М. В. Система родства китайцев. — М., 1972. — С. 212—213; Лавровский П. А. Коренное значение в названиях родства у славян. — СПб., 1867; Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический Эгейский мир. — М., 1958. — С. 75—79; Lainsbury F. G. The Structure of the Latin Kinship System and its relation to Roman Social Organization//VII Международный конгресс антропо-

логических и этнографических наук. — Т. 4. — М., 1967. — С. 261—270; Бикбулатов Н. В. Система родства башкир. — М., 1964. — С. 3—4.

2. Георгиева И., Москова Д., Радева Л. Опыт изучения системы кровного родства у болгар.//СЭ. — 1973. — № 2. — С. 65.

3. Георгиева И., Москова Д., Радева Л. Роднинские названия у нас (предварительно сообщение).//ИЕИМ. — Кн. XIII. — 1971. — примеч. на с. 274.

4. Шабашов А. В., Шабашова Ю. О. Система родства болгар Южной Украины (по материалам Одесской и Николаевской областей).//Болгарский ежегодник. — Т. 1. — Харьков, 1994. — С. 163—182; Шабашова Ю. Етнографічне районування болгар Одещини та їх етнічні особливості.//Історичне краєзнавство Одещини. — Вип. 5. — Одеса. 1994. — С. 36—42; тюрское влияние на терминологию и систему родства болгар Украины достаточно подробно освещено в работе: Шабашов А. В. Опыт сравнительного изучения болгарской и гагаузской систем родства.//ЭО. — 1995, № 3. — С. 84—92.

5. К сожалению, из 70-ти составленных болгарскими авторами карт распространения терминов родства опубликовано лишь несколько, причем большинство из них — очень схематично. См.: Георгиева И., Москова Д., Радева Л. Указ. соч. — С. 275; Москова Д., Радева Л. Етнографско значение на българските роднински названия.//Първи конгрес на българското историческо дружество 27—30 януари 1970 година. — Т. 2. — София, 1972. — С. 245—247.

6. Атлас болгарских говоров в СССР. — Ч. 1. — М., 1958.

7. Шабашова Ю. О. Указ. соч. — С. 36—38; ее же. Изучение субэтнических групп болгар Украины.//III Дриновские чтения. Проблемы источниковедения, историографии истории и культуры Болгарии, истории болгаристики. — Харьков, 1994. — С. 91—93.

8. Милетич Л. Г. Старото българско население въ Северо-източна България. — София, 1902; Български диалектен атлас. — Т. 2. — Ч. 2. — София, 1966. — С. 14—18.

9. Москова Д., Радева Л. Указ. соч. — С. 246.

10. Атлас болгарских говоров в СССР. — С. 29; Бернштейн С. В. Бунина И. К. Предварительный отчет о диалектологической экспедиции в болгарские села Молдавской ССР и Измаильской области УССР.//Ученые записки Института Славяноведения. — Т. 1. — М.—Л., 1949. — С. 396.

11. Москова Д., Радева Л. Указ. соч. — С. 245—247 (вероятно, в тексте перепутано значение терминов «гаго» и «ненчо», эти значения нужно поменять местами); о гребенцах см. Милетич Л. Г. Указ. соч. — С. 159—162.

12. Шабашова Ю. Етнографічне районування болгар Одещини... С. 40—41; Москова Д., Радева Л. Указ. соч. — С. 246.

13. Москова Д., Радева Л. Указ. соч. — С. 246.

14. Български диалектен атлас. — Т. 1. — Ч. 2. — София, 1964. С. 15—16; Нейков Балчо. Фракийско предание. — София, 1985. — С.

В. Н. СТАНКО, А. В. ШАБАШОВ

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ БОЛГАР ЮЖНОЙ УКРАИНЫ В ОДЕССКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: МЕТОДИКА И НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

На Украине по переписи 1989 года насчитывается 233,8 тыс. болгар (0,4% от всего населения Украины) (1). Из них в Одесской области проживает 165,8 тыс. человек, главным образом, в юго-западных районах, где их численность превышает 130 тыс., остальная часть дисперсно расселена в нескольких селах, находящихся севернее Одессы и в самой Одессе (16,5 тыс.) (2). Этот демографический аспект в определенной мере сказался на постановке болгарской проблематики в Одесском университете и, в частности, на возрождении этнографического изучения болгарской диаспоры (3).

Однако, значение болгарской диаспоры на Украине определяется даже не ее численностью, а в первую очередь, ее весомым вкладом в хозяйственное освоение азово-причерноморских степей и заметным местом субстрата болгарской культуры в формировании культуры народов Южной Украины: болгарский и, в целом, балканский субстрат является одним из важнейших факторов, определяющих культурную специфику населения региона.

В широком колониетском движении конца XVIII — первой половины XIX ст. по заселению и освоению степей Южной Украины наряду с восточнославянскими общностями (украинцами и русскими) приняли участие молдаване, немцы, а также носители балканской культурной традиции (болгары, гагаузы, греки, албанцы, сербы). При этом болгарский этнический элемент был доминирующим среди задунайских переселенцев.

Таким образом, Южная Украина как историко-этнографический регион сформировалась под влиянием, с одной стороны, особенностей природно-географической среды, а с другой, культурных традиций этносов, участвовавших в освоении края, а в дальнейшем — их межэтнического взаимодействия,

в процессе которого были выработаны те формы культурной адаптации, которые характерны только для населения рассматриваемого региона. Сложившаяся культурно-историческая ситуация влияет на изучение этнографии болгарского населения азово-причерноморских степей, предполагая учет как природно-климатических факторов так и влияние межэтнического общения на формирование новых традиций в последние два столетия.

Вместе с тем, если хозяйство и материальная культура в большей мере детерминированы экологической средой, а также воздействием более передовых технологий, полученных в процессе межэтнических контактов, и городских образцов культуры, то духовная культура, социально-семейная организация, этнопсихологические черты более консервативны, интимны, они менее изменчивы и менее подвержены влиянию соседей. Большинство этих элементов культуры сложились до переселения болгар на Украину и отражают общеполканские, собственно болгарские и субэтнические традиции, сложившиеся в период пребывания на Балканах. Поэтому при изучении болгар Украины необходимо учитывать как общеполканский контекст, так и локальные варианты, существовавшие внутри болгарского этноса. Для последнего необходимо точное знание происхождения различных групп болгар Украины и знание локальных особенностей населения метрополии. Это знание основывается на исторических источниках, данных ойконимии, диалектологических исследованиях, преданиях о переселении. Однако, до сих пор работа по уточнению мест локализации формирования групп переселенцев не завершена.

Трудность заключается еще и в том, что до сих пор остается малоизученным вопрос о структуре болгарского этноса, хотя многие этнографические группы и описаны достаточно детально (4).

Устойчивость интимных сторон культуры, семейных отношений, ментальности обусловлена рядом факторов, среди которых одним из основных является система расселения болгар. В отличие от мелкоземельных наделов украинских и русских переселенцев, определивших их расселение мелкими селениями по долинам рек, болгары получали на льготных условиях от царского правительства довольно большие наделы (до 60 десятин земли), что привело к образованию очень крупных, редко расположенных селений (5). Кроме того, болгарские колонисты были поселены компактно в центральные

части Буджака, где их села представляют собой очень крупные моноэтнические поселения с численностью населения в среднем 2—6 тыс. человек, что обеспечило возможность заключения браков в подавляющем большинстве случаев в кругу односельчан. Это способствует устойчивости их микро-среды.

Благодаря своей величине и отдаленности от других населенных пунктов болгарские села представляют собой и определенное социальное целое и являются своего рода замкнутыми этносоциальными микрообщностями, находящимися в некоторой оппозиции не только к другим общностям, но и к другим, болгарским же селам (6). Все это способствовало этнической стабильности в рамках каждого отдельного болгарского села и сводило на нет внешние влияния на наиболее ценные стороны этнической культуры.

Сказанное позволило нам не учитывать при разработке методики этносоциального исследования большинства болгарских сел Буджака сложную гамму корреляций с этнической ситуацией и влиянием иноэтнического окружения. Напротив, в Буго-Днестровском междуречье и Приазовье болгарские села расположены чересполосно с русскими и украинскими поселениями, по численности они значительно уступают селам Буджака, количество жителей в них не превышает 2 тыс. человек, а в среднем — 500—1000 чел. (7). Все это обусловило меньшую устойчивость этнической традиции. В результате иной системы расселения и иного основного типа поселений культура болгар Приазовья и Буго-Днестровского междуречья подверглась значительной трансформации, болгары этих регионов быстрее теряют свои этноспецифические черты, об этом свидетельствуют, в частности, результаты последней этнографической экспедиции по изучению болгар Приазовья (8). Без учета демографических факторов при разработке методики этнографического изучения различных групп болгар Украины невозможно провести полноценное научное исследование.

На направления в изучении болгар диаспоры в Одесском университете оказала влияние степень изученности различных сторон культуры этой этнической группы, а также актуальность разработки отдельных проблем в этнографической науке. Если материальная культура болгар Украины достаточно хорошо изучена, выявлены закономерности ее трансформации, детерминаты, проведены широкие параллели с эволюцией соответствующих элементов культуры метрополии, то со-

ционормативная культура, особенности менталитета, некоторые стороны духовной культуры остаются практически неизученными.

Одной из важнейших проблем этнографии является изучение системы терминов родства. Исследование данной проблематики имеет столь же давнюю традицию, как и сама этнографическая наука. В настоящее время исследование системы родства, особенно в типологическом отношении, превращается в относительно самостоятельную субдисциплину в рамках науки (9). Система родства отражает семейно-брачные отношения, систему социальных установок, экономические связи в традиционных обществах, а также этническую и культурно-историческую специфику того или иного человеческого коллектива—каждый раз в специфическом соотношении между этими сторонами жизни человеческого общества.

Богатая родственная терминология является характерной особенностью болгарского быта. Она все еще жива в сознании людей и по-большей части бытует и сегодня, тогда как у остальных европейских и у большей части славянских народов она не сохранилась в таком многообразии и развернутости. Кроме того, родственная терминология болгар имеет множество устойчивых локальных вариантов, отражающих специфику развития того или иного региона Болгарии (10).

Все это делает систему родства болгар Южной Украины важнейшим, а подчас незаменимым источником по ряду важных проблем этнографии и истории этой группы болгарского народа: общественным и, в частности, семейно-брачным отношениям; этнографическому районированию и изучению мест формирования групп мигрантов в Северное Причерноморье; этногенезу, этнической истории и этническим связям; специфике развития в условиях диаспоры и многому другому. Кроме того, родство, выраженное в терминологической системе, является важнейшим элементом духовности болгар, отражает их духовный облик, где семья, особый тип отношений между супругами, детьми и родителями, родственниками, старшими и младшими является важнейшей и непреходящей ценностью, которую болгары сумели пронести через все катаклизмы своей истории.

Понимание того, что под влиянием процессов эволюции, под воздействием индустриальной культуры, да и в результате проникновения болгарского литературного языка, унифицирующего своеобразную терминологию родства, развивавшуюся на протяжении почти двух столетий вне связи с

метрополией и сохранившей благодаря этому многие специфические черты, в ближайшие годы она может значительно упроститься и утратить свои особенности так и не будучи зафиксированной и изученной, поставило на первое место среди направлений в изучении болгар Южной Украины на историческом факультете Одесского университета сбор и анализ номенклатуры родства (11). Эта работа была начата в конце 80-х годов и продолжается до сих пор (12). Большим подспорьем послужили исследования системы родства болгар метрополии, результаты которых были опубликованы в 70-е годы (13). По терминологии и системе родства болгар Северного Причерноморья и Приазовья до последнего времени имелся лишь краткий очерк в работе Н. С. Державина, который очень фрагментарен, неточен и носит сугубо описательный характер (14).

При сборе полевого материала был использован опросник, разработанный сотрудниками Болгарской Академии Наук, несколько модифицированный для условий диаспоры (15). Использовать большее количество вопросов, отражающих более широкий круг родственных связей, что сделано Л. В. Марковой и болгарскими исследователями при изучении системы родства в Родопах, было признано нецелесообразным, поскольку круг родственников, для которых активно используется терминология родства, по крайней мере у болгар Украины, достаточно ограничен. Это может привести к тому, что исследователь будет побуждать информатора конструировать такие комбинации родственных отношений, которые не существуют для него в реальной действительности.

При сборе полевого материала нами использовались методические рекомендации, разработанные М. В. Крюковым (16). Кроме методов интервьюирования и анкетирования с помощью опросника, использовался методический прием когда предлагается информатору назвать все известные ему термины родства, существующие в его языке, и когда список терминов составлен, информатор, по просьбе исследователя, объясняет значение каждого из них. При такой процедуре, считает М. В. Крюков, совершенно исключена возможность вольного или невольного навязывания информатору каких-либо категорий, не свойственных изучаемой системе родства. Использование же, кроме данной методики, также методов интервьюирования и анкетирования стало возможным благодаря подготовленности к восприятию исследователем информации — знание им языка и особенностей системы род-

ства изучаемого народа. При таких условиях и М. В. Крюков допускает возможность использования метода интервьюирования.

В результате проведенных нами полевых исследований были собраны материалы по терминологии и системе родства всех основных болгарских населенных пунктов Одесской, Кировоградской и Николаевской областей Украины. К сожалению, пока остаются неизученными в этом плане болгары Молдовы, Приазовья и Крыма. В дальнейшем планируется заполнить и этот вакуум. Предварительные результаты проделанной работы опубликованы. Имеющиеся данные были сопоставлены с работами болгарских исследователей (17).

Нами выделены несколько типов системы родства, большинство из которых имеют соответствия в Болгарии — лишь наиболее архаичный тип, разграничивающий сестру матери и сестру отца, распространенный в Западной Болгарии, не обнаружен среди болгар Украины. Вместе с тем, зафиксирован переходный тип между этим наиболее архаичным и модифицированным типом, распространенным в Восточной Болгарии (18).

Наши исследования не согласуются с выводом И. Георгиевой и Московской Д. о том, что «навлизането на някои турски термини не изменя структурата на системата (родства болгар Восточных Родоп) и нейния характер» (19). Даже менее тюркизированные системы, чем в Восточных Родобах, распространенные в Буджаке, в группировке терминов внутреннего свойства имеют те же принципы построения, что и в тюркских системах родства (20).

Богатый материал дает терминология родства и для изучения переселения болгар на Украину. Ввиду устойчивости терминологической системы, сохранившей свое разнообразие со времени пребывания на Балканах, используя данный источник, удалось уточнить происхождение и генезис ряда этнографических групп болгар Украины, а также начать исследования по географическому районированию этой части болгарского народа, т. к. при всех процессах смешения, происшедших в Буджаке, все же сегодня можно выделить несколько их этнографических групп на этой территории, имеющих географический ареал распространения (21).

Параллельно с изучением системы родства в Одесском университете началось также исследование семьи, семейных отношений и основной ячейки традиционной болгарской социальной организации — так называемой большесемейной

общины. Для этих исследований используются, кроме системы родства, материалы переписей, похозяйственных книг, анкетирования, непосредственное включенное наблюдение и другие источники и методики. Кроме того, ведутся работы и по изучению хозяйства и материальной культуры болгар Украины: одежды, жилище и др.

В настоящее время кафедра археологии и этнографии Одесского университета налаживает научные контакты с кафедрами этнографии Софийского Велико-Тырновского университетов с тем, чтобы организовать совместные исследования в Буджаке.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Заставный Ф. Д. Географія України. Львів. — 1994. — С. 172.
2. Одесская область: территориальная организация и структура хозяйства. Одесса. — 1991. — С. 25.
3. Кветко С. І. Весільні звичаї і пісні у болгар на Херсонщині (село Тернівка на Миколаївщині)//Вісник Одеської комісії краєзнавства. Секція етнографічно-лінгвістична. Одеса. — 1925.
4. Етнографія на България. — Т. І. — София. — 1980.
5. Одесская область... — С. 27—28.
6. Одесская область... — С. 106—107.
7. История городов и сел УССР. Запорожская область. Киев. — 1970. — С. 614—615; 638—640 и др.
8. Лазарев Т. П., Травень Л. І., Бакуров К. Д. Культура болгар Північного Причорномор'я (за матеріалами етнографічної експедиції 1992 року)//Етнографічні дослідження Південної України. Запоріжжя. — 1992. — С. 17—19.
9. Гиренко Н. М. Система терминів родства и система соціальних категорій//Советская этнография. — 1974. — № 6. — С. 41.
10. Георгиева И., Москова Д., Радева Л. Терминологична система на кр̀вно родство у българите//ИЕИМ. — 1972. — Кн. 14. — С. 159—174.
11. Стайко В. Н. Изучение системы кровного родства у болгар Южной Украины//Болгаристика в системе общественных наук; опыт, уроки, перспективы. II Дриновские чтения. — Харьков. — 1991. — С. 150—151.
12. Шабашов А. В., Шабашова Ю. А. Система кровного родства у болгар Одесской и Николаевской областей//Болгарский ежегодник. Харьков. — 1994; Шабашов А. В. Система родства болгар как источник для реконструкции социальной организации народа//III Дриновские чтения. Харьков. — 1994; Шабашова Ю. О. Изучение субэтнических групп болгар Украины//III Дриновские чтения. Харьков. — 1994; ее же. Етнографічне районування болгар Одещини та їх етнічні особливості//Историчне краєзнавство Одещини. — Одеса. — 1994. — Вип. 5 и др.
13. Москова Д., Радева Л. Етнографско значение на българските роднински названия//Първи конгрес на българското историческо дружество. София. — 1972. — Т. 2; Георгиева И., Москова Д., Радева Л. Роднинските названия у нас (предварително съобщение)//ИЕИМ. — София. — 1971. — Кн. 13; их же. Терминологична система на кр̀вно родство у българите//ИЕИМ. — 1972. — Кн. 14; их же опыт изучения системы кровного

родства у болгар//Советская этнография. — 1972. — № 3; Георгиева И., Москова Д. Системата на родство в Средните Родопи//Родопски сборник. София. — 1976. — № 4; Маркова Л. В. Трансформация южнославянской системы родства и ее соотношение с семейно-родственной структурой. — М. — 1973.

14. Державин Н. С. Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии)//Сб. НУН. София. — 1914. — Кн. 29. — С. 99—100.

15. Георгиева И., Москова Д., Радева Л. Родопските названия у нас... — С. 277—278.

16. Крюков М. В. К методике сбора полевого материала по системе родства//Советская этнография. — 1972. — № 4. — С. 42—50.

17. Подробнее см.: Шабашов А. В., Шабашова Ю. А. Типология системы кровной спорідненості у болгар Південної України//Народна творчість та етнографія. — К. — 1994. — № 4.

18. См. выше указанные работы В. Н. Станко, А. В. Шабашова, Ю. О. Шабашовой.

19. Георгиева И., Москова Д. Системата на родство в Средните Родопи... — С. 111.

20. Шабашов А. В. Опыт сравнительного изучения болгарской и гагаузской систем родства//Этнографическое обозрение. — М. — 1995. — № 3.

21. Шабашова Ю. О. Етнографічне районування болгар Одещини...; ее же. Изучение субэтнических групп болгар Украины.

Всемирная история

О. А. ДОВГОПОЛОВА

РАННИЕ ФОРМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ «КРАТКОГО ТРАКТАТА О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ» ДЖОНА ПОНЕТА)

Среди важнейших проблем, рассматриваемых современной исторической наукой, с полным правом можно назвать проблему понимания и применения концепции толерантности. 1995 г. не зря был объявлен ЮНЕСКО годом толерантности — дискуссии и исследования последних лет показали, что мировая наука едва ли может прийти к единому мнению о том, какое же дать определение терпимости, что считать ее основой, какую эпоху признать временем ее появления.

В этой связи достаточно важным представляется изучение конкретных проявлений терпимости в различные эпохи, чтобы выявить основу и этапы развития изучаемого понятия. Целью данной статьи является рассмотрение некоторых проявлений толерантности в «Кратком трактате о политической власти» Джона Понета (Англия, XVI в.). Идеи этого английского тираноборца интересны тем, что могут пролить свет на некоторые аспекты оформления мировоззрения XVI в. в целом: Понет был хорошим мыслителем срединного слоя теоретиков, его острый и развитый ум четко зафиксировал, переработал и оформил те идеи, которые составляли основу миропонимания того времени. То, что для многих было неясным предчувствием, Понет мог объяснить и оформить. Для изучения концепции терпимости идеи английского тираноборца интересны еще и тем, что он не говорит о толерантности специально, но она постоянно ощущается как фон в «Кратком трактате» — а то, о чем говорится вскользь, зачастую предстает в наиболее чистом виде, без уводящих в сторону мыслительных напластований, возникающих при попытках логически разъяснить ту или иную проблему. Кроме того, такое упоминание проблемы вскользь позволяет

вглядеться в контекст, в котором она возникает, и тем самым приблизиться к пониманию ее сути и основы.

Упомянутая сторона наследия Джона Понета оказалась нерассмотренной в мировой исторической науке, уделявшей наибольшее внимание политическим воззрениям тираноборца. Это относится и к зарубежным исследованиям — монография о Понете В. С. Хадсона (1), раздел о Понете в «Истории политической мысли XVI в. «Дж. В. Аллена» (2), и к отечественным — единственное специальное исследование взглядов английского тираноборца в советской литературе И. А. Мироновой (3) (другие обращения ко взглядам Понета в отечественной литературе не упоминаются, т. к. в данной статье будет затронут только один аспект творчества мыслителя, который не входит в круг тех вопросов, которые освещаются в общих работах, упоминающих «Краткий трактат...»).

XVI век не отличался терпимостью и милосердием, поэтому проявления толерантности в эту эпоху особенно интересны. Казалось бы, сами обстоятельства жизни подталкивали Джона Понета к нетерпимости: он был одним из создателей англиканской догмы, членом комиссии по борьбе с ересями, помощником и капелланом такого сильного и властного человека, как Томас Кранмер. Вместе с тем автор «Краткого трактата о политической власти...» чужд догматизма, отзываясь с искренней симпатией о еретиках и язычниках. Внешние проявления веры не играют для него никакой роли, главное — образ жизни, который ведет человек. С симпатией и уважением описывает Понет жизнь американских индейцев до появления колонизаторов (4). Не зная о существовании Христа, они жили по естественному закону, заложенному богом в их души. Свободный разум индейцев создал своеобразный образ жизни, отвечающий их потребностям. Колонизаторы же нарушили эту гармонию, прикрываясь фразами об испорченности язычников. Эти строки написаны с болью и возмущением, для Понета не имеет значения, что эти люди не христиане, ведь они такие же создания божьи, как и он сам.

С известной долей симпатии он относится и к анабаптистам, хотя и критикует их ошибочные (с его точки зрения) взгляды. На общем фоне нетерпимости и гонений на еретиков (из которых главными были анабаптисты), Понет выглядит образцом свободомыслия в вопросе веротерпимости. В каждом символе веры Генриха VIII содержатся особые

статьи против сектантов (5). Понет же считает их заблуждения не столь греховными, т. к. они не хотят причинить никому вреда, а просто желают жить по-своему. Сравнивая описание в трактате папистов и анабаптистов, можно заметить, что для Понета неприемлемы только те верования, представители которых намеренно приносят зло другим людям (6). Если же еретик не вмешивается в дела остальных, не желает им зла, то его не нужно преследовать за его взгляды. Понет даже защищает анабаптистов: их действия носят оттенок милосердия — они хотят обобществить собственность внутри своей общины, чтобы все члены общины могли хорошо жить, ибо право владения — это свобода дать, а не свобода взять (7).

Понету совершенно естественным кажется привести пример из жизни язычников или процитировать своего прямого противника римского папу, если тот оказался прав. Среди источников мысли Джона Понета можно назвать труды ярого противника протестантизма Реджинальда Пола (8).

В чем же причина появления подобных воззрений? Это случайное сочетание черт характера или явление, обусловленное какими-либо тенденциями развития духовной культуры XVI века?

Ощущение необходимости терпимости (в первую очередь веротерпимости) появилось задолго до того как Дж. Локк теоретически оформил его в своем знаменитом «Опыте о веротерпимости». Скорее всего процесс оформления идеи веротерпимости следует связать с развитием представлений о ценности личности. Ощущение свободы и самооценности личности делает людей равными, заставляет человека взглянуть на себя как на равноценный объект мира, самореализация которого зависит не от места, отведенного ему в общественной иерархии, а от творческого взаимодействия с другими людьми. Перелом, начавшийся в европейской культуре с XII—XIII в., связан как раз с осознанием личности: новое ощущение любви, творчества, переосмысления взаимоотношений человека с природой и миром в целом, новые тенденции в понимании благочестия — перенесение центра тяжести с ответственности сословия молящихся на личное духовное совершенствование — все это свидетельствует о развитии процесса осознания личности. Естественно, этот процесс захватил далеко не каждого человека, гораздо сильнее в целом была тенденция, обозначенная в XX в. термином «бегство от свободы». Очевидно, столкновение этих двух тенден-

ций в обществе, которое еще осмысливает себя как единый иерархически — упорядоченный организм, которое еще искало корень своих бед в действиях отдельных людей (Бог наказывает целое за прегрешения его частей — будь то король или ведьма), вызвало взрыв нетерпимости на закате средневековья, привело к появлению таких отрицающих личностей структур, как инквизиция или государство Кальвина. Когда не было ощущения свободы личности, не было необходимости и в системе ее подавления.

Мироощущение Дж. Понета развивается в русле тенденции, осознающей самоценность личности. Это тем более естественно для него, что в его мировоззрении переплелись гуманистические и реформационные идеи — человеку, пропустившему через себя столь разные системы представлений и принявшему их, легче стать терпимым.

Система взглядов Понета отнюдь не эклектична и в ее основе лежит высокая оценка личности. Будучи широко образованным человеком он воспринял и переработал и гуманистические, и протестантские идеалы, ощущая в них единую основу. Мысль Понета шла тем же путем, что и мысль Ф. Меланхтона (Дж. В. Аллен утверждает даже, что в фундаментальных вопросах их позиции в точности совпадают) (9). Совпадают они не только в том, что оба мыслителя создали своеобразные протестантско-гуманистические системы взглядов, но и в их стремлении к терпимости. Меланхтона мучил вопрос о необходимости наказания еретиков, в течение многих лет он колебался и не мог найти правильное решение. Если в 1530 г. он придерживался терпимости, то в 1539 г. допускает, что некоторых еретиков нужно уничтожать силой (10). Понет не занимался разработкой концепции терпимости специально, но в «Кратком трактате о политической власти» она ощущается как фон, что, как уже подчеркивалось, позволяет рассмотреть пометовское понимание проблемы в более чистом виде.

Терпимость у Понета проявляется на фоне идей о свободе ответственности личности. По его мнению, на земле нет такой власти, которая могла бы заставить человека пойти против своих убеждений. Душа человека свободна, и земные власти не имеют над ней силы, не могут причинить ей вреда, т. к. распоряжаются лишь худшей частью человека — его телом (11). Слово «душа» касается каждого человека без исключения, будь то женщина или мужчина, духовное лицо или светское, король или слуга (12). Таким образом,

все одинаково значимы, слово «душа» уравнивает всех.

Уровень оценки личности у Дж. Понета можно выяснить, рассмотрев вопрос о понимании им степени ответственности человека за свои поступки. На протяжении трактата мыслитель неоднократно возвращается к идее об ответственности и доказывает, что никакое принуждение не может оправдать преступление или грех, потому что человек сам должен оценить, что справедливо. Он должен дать отчет перед самим собой (13). Нельзя оправдываться тем, что другие поступали так же или что другие нас обманули — если слепой ведет слепого, оба они погибнут (14). Незнание тоже не оправдывает греха — если врач из-за незнания убьет пациента, он будет наказан, как убийца (15). Только отчет перед собственной совестью, а не страх перед наказанием лежит в основе подчинения властям (16). Для Дж. Понета ответственность за свои деяния в равной мере распространяется на представителей всех ступеней общественной иерархии: говоря о наказании за презрение собственных обязанностей, он через запятую перечисляет тиранов, убийц, пьяниц, богохульников, изменников (17), тем самым подчеркивая, что у короля прав не больше, чем у самого незаметного из его подданных. Много раз на страницах трактата Дж. Понет возвращается к мысли о равенстве прав всех граждан государства и доказывает, что в фигуре правителя нет ничего божественного, он лишь символ бога, но не более (18).

Высокая оценка личности у Понета основана на убеждении, что в душе каждого человека заложен естественный закон и поэтому каждый может жить достойно, даже не зная о существовании Бога. Так жители Вест-Индии были простыми людьми и пользовались плодами своей благодатной земли, не зная «о Христе и Боге ничего, кроме того, чему их научила природа» (19). Испанцы — католики нарушили их своеобразный мир, сделав из добродетельных людей рабов и самоубийц. Поэтому язычники, живущие в соответствии с естественным законом, смогут подняться на Страшном Суде и обвинить христиан в их грехах (20), ведь принадлежность к христианскому миру это не привилегия, не гарантия вечного блаженства, а огромная ответственность — вдвойне спросят с того, кому был дан продиктованный Богом закон, чем с того, кто следовал голосу своей души, не зная о Боге.

Неоднократно подчеркивая, что человеческий разум испорчен прехопадением, Дж. Понет тем не менее постоянно

призывает свободный разум оценить деяния человека или государства. И это не противоречие — так же, как Лютер говорил, что испорченный разум не в состоянии постичь сущность Бога и пути спасения, но свободен во всех земных делах, Понет не пытается истолковать неисповедимый божественный выбор, но признает полную способность человека строить свою земную жизнь и оценивать ее. Человек в состоянии и определить, каким приказам властей стоит повиноваться, и какой способ правления необходимо избрать. В течение истории человечества один способ правления сменял другой, т. к. люди искали наиболее выгодное для каждой ситуации правительстве, Бог не вмешивался в это. И язычники с помощью своего свободного разума создавали государства, которые погибли не потому, что были языческими, а потому, что перестали быть выгодными. Сущность власти во всех государствах одна, только способ правления меняется (21). Таким образом, Дж. Понет уже отдает в руки человеку то, что традиционно считалось сферой деятельности только Бога — государственную власть.

Конечно, не следует модернизировать и представлять Джона Понета сложившимся мыслителем Нового времени с четким представлением о ценности личности или индивидуальности. Его взгляды вписываются в традиционную средневековую схему великой цепи бытия с ее представлением о месте каждого человека в государстве и во вселенной. Понет оценивает личность не как нечто ценное само по себе, а как элемент государственного организма, призванный выполнить возложенную на него высокую миссию. Но это не обезличивающее представление, а убежденность в необходимости уважения к каждой личности и к той огромной ответственности, которая возложена на каждого Богом.

Одним из первых в философской разработке концепции толерантности принял участие Джон Локк. Представляется важным, что аргументация Понета во многом совпадает с аргументацией Локка: это и доказательство небожественной природы правителя; и убежденность в равноценности каждого члена государственного организма; и утверждение, что путь к спасению лежит не во внешней деятельности, а во внутренней работе души и в отчете перед собственным разумом (22). Возможно, Дж. Локк был знаком с трудом Понета («Краткий трактат...» дважды переиздавался при жизни автора «Опыта о веротерпимости»), но если их концепции возникли независимо друг от друга — это неудивительно: сис-

темы взглядов этих мыслителей основаны на высокой оценке личности в теолого-политическом аспекте, поэтому правомерно заранее предположить возможность сходных выводов.

Взгляды Дж. Понета могут послужить ценным источником для изучения становления концепции терпимости и той среды, в которой стало возможно ее зарождение. Если попытаться классифицировать ту форму толерантности, которая отразилась в «Кратком трактате о политической власти», было бы полезно обратиться к анализу динамики понятия, данному израильским философом И. Йовелем в статье «Толерантность как добродетель и как право» (23). Йовель разделяет историю концепции толерантности на два периода: первый может быть обозначен как этап покровительственной терпимости (что характерно для мыслителей вплоть до эпохи Просвещения включительно), второй рассматривает терпимость как право, соблюдения которого каждый может потребовать. Толерантность — как — добродетель (*tolerance-as-virtue*) предполагает осознание трансцендентного единства людей, ощущение единства вне индивидуальных различий. С современной точки зрения эта форма терпимости содержит своеобразное неуважение к конкретному человеку, т. к. личность реализуется именно в конкретном воплощении, а не в обезличивающем «универсальном человеке». Для человека XVI в., ценящего личность, но не осознающего значимость индивидуальности, первая форма терпимости была единственно возможной, она обуславливалась максимально возможной для того времени оценкой человека. Поэтому можно определить проявления терпимости у Понета как первую форму толерантности в ее классическом варианте.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Hudson W. S. John Ponet (1516—1556). Advocate of Limited Monarchy. — Chicago, Illinois, 1942.
2. Allen J. W. A history of political thought in XVI c. — London, 1941.
3. Миронова И. А. Общественно-политические взгляды Джона Понета. Автореф. канд. дис. — М., 1951.
4. Ponet J. A. Shorte treatise of politic power and the true obedience, which abjects owe to kinge and other civil governors wits an exhortation to all true natural englishemen//Hudson W. S. Op. cit. — P. 93—94.
5. Ильин В. Н. Борьба Тюдоров с анабаптизмом.//Англия в эпоху абсолютизма./Под ред. проф. Ю. М. Сапрыкина. — М.: Изд. МГУ, 1984. — С. 170—188.
6. Ponet J. Op. cit. — P. 47.
7. Ibid. — P. 80.
8. Ibid. — P. 174.

9. Allen J. W. A history of political thought in XVI c. — London, 1941.— P. 119.
10. Ibid. — P. 34.
11. Ponet J. Op. cit. — P. 50.
12. Ibid. — P. 42.
13. Ibid. — P. 53.
14. Ibid. — P. 18.
15. Ibidem.
16. Ibid. — P. 54.
17. Ibid. — P. 51.
18. Ibid. — P. 41.
19. Ibid. — P. 93.
20. Ibid. — P. 44.
21. Ibid. — P. 10.
22. Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. — М.: Мысль, 1988. — С. 66—91.
23. Yovel Y. Tolerance as Grace and as Right//La tolérance avjourd' hui: Analyses philosophiques. UNESCO Paris, 1993. — P. 113—126.

И. В. НЕМЧЕНКО

ИНДИВИДУАЛИЗМ В АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА: Т. ГОББС И ТЕОРЕТИКИ ВЛАСТИ DE FACTO

Индивидуализм как этический принцип — детище Ренессанса. Утверждение самостоятельной ценности человеческой личности — вне сословий и корпораций — и ее неограниченных возможностей, потрясающий воображение образ homo universalis — всем этим европейская цивилизация обязана мыслителям и поэтам-гуманистам эпохи Возрождения. В то же время нельзя не заметить, что этика и филология, столь блистательно представленные в произведениях гуманистов, вытеснили на задний план другую сферу интеллектуальной деятельности, имевшую давние и прочные корни в истории европейской общественной мысли — политическую теорию. Разумеется, нельзя утверждать, что гуманисты были безразличны к политике — среди них были государственные деятели и герой-борцы. Однако первый действительно выдающийся политический мыслитель XVI в. Никколо Макиавелли был уже весьма своеобразным гуманистом. Рождающаяся в его трудах политическая философия нового времени не совпала с этическими требованиями, реальность упорно не укладывалась в рамки желаемого. Гуманисты привнесли в общественное сознание светское рационалистическое видение мира, предоставив преемникам искать в нем место строгим категориям политической науки.

Проникновение индивидуализма в европейскую политическую мысль XVI—XVII вв. — обширная научная проблема, и ее разрешение не может быть целью данной работы. Отметим лишь обстоятельство, наиболее существенное для задач настоящего исследования.

В 40-х гг. XVII в. в Англии появляются политические трактаты, резко выделяющиеся по своему содержанию и методологии на фоне богатой и вполне средневековой политической мысли этой страны. Их автором был 52-летний оди-

нокий человек, без титула и состояния, занимавший почтенное, но скромное место домашнего воспитателя в семье барона Кавендиша. Его имя было Томас Гоббс. Немного найдется политических философов в Англии, в Европе и в мире, могущих сравниться с ним по силе и глубине мысли, бесстрашию выводов, по степени воздействия на умы современников и, наконец, по количеству посвященных его творчеству исследований (1). В самом деле, наследие Т. Гоббса настолько неисчерпаемо, что каждое поколение историков английской политической мысли обращается к анализу различных его аспектов. Гоббс поистине отец современной политической науки. Как показывает ряд западных исследований, принцип индивидуализма, чуждый средневековой традиции, был привнесен в английскую политическую мысль именно Гоббсом (2).

Остановимся на этом вопросе в контексте интересующей нас проблемы. Одним из важнейших положений учения Гоббса является принцип равенства всех людей от природы. Выступая против освященного столетиями авторитета Аристотеля, Гоббс четко формулирует в «Левиафане»: «Природа создала людей... равными телесно и умственно» (3). С идеей равенства всех людей от природы связана другая — о естественном праве каждого человека. Гоббс пишет, что всякому человеку в равной мере присуще стремление обрести благо и избежать зла для себя. Это врожденные страсти каждого. Самая сильная из страстей — страх насильственной смерти, этого извечного врага человечества, и именно из нее Гоббс выводит естественное право индивидуума. «Первое положение естественного права, — пишет он, — заключается в том, что каждый человек изо всех сил стремится защитить свою жизнь и неприкосновенность». И далее: «...поскольку каждый человек имеет право на самосохранение, его должно также наделить правом использовать все средства и совершать любые поступки, без которых его самосохранение невозможно» (4). В «Левиафане» Гоббс наиболее четко формулирует естественное право индивидуума: «Естественное право (*jus naturale*) есть свобода каждого человека использовать свою силу по собственному усмотрению для сохранения своей природы, ...жизни и, следовательно, все, что по своему суждению и разумению он признает наилучшим для того средством» (5).

Другой важнейшей категорией политического учения Гоббса является естественный закон (*lex naturalis*). Естествен-

ный закон — это общее предписание разума, запрещающее человеку делать то, что разрушительно для его жизни и лишает его средств к самосохранению, и пренебрегать тем, что по его мнению, способствует самосохранению более всего (6). Понятия естественного права и естественного закона, таким образом, коренятся в стремлении индивидуума к самосохранению, но различаются по самому своему существу. Это отмечает Гоббс: «Право заключается в свободе делать что-либо или воздержаться, в то время, как закон определяет, обязывает к чему-то одному» (7). Общее предписание разума гласит, что каждый человек должен стремиться к миру, если есть надежда его достичь, когда же мир невозможен, человек волен искать и использовать все средства и преимущества в ведении войны. Требование первого, важнейшего естественного закона, по Гоббсу, — ищи мира и сохраняй его. Последующие естественные законы по своему содержанию подчинены первому. Гоббс подчеркивает, что несоблюдение естественных законов ведет к войне, прозящей человеку гибелью, и, следовательно, «противоречит первому и основному естественному закону, предписывающему людям искать мира» (8). Итак, самосохранение индивидуума — цель, а мир — наилучшее средство для его достижения.

Пока речь идет о естественном праве и естественных законах самих по себе, цель и средство не приходят в противоречие. Однако в каждом из политических произведений Гоббса («Элементы закона», «О гражданстве», «Левиафан») вслед за первой частью, где рассматриваются эти категории, следует вторая, посвященная проблемам государства, его возникновения и функционирования. Специальное рассмотрение гоббсовских концепций общественного договора и суверенитета не входит сейчас в наши задачи (9). Попытаемся проследить, что происходит с правом индивидуума на самосохранение, когда он по воле Томаса Гоббса становится членом гражданского общества.

Автора «Левиафана» нередко обвиняют в создании модели тоталитарного государства. Учитывая необыкновенную широту полномочий гоббсовского суверена (или государства — эти понятия идентичны), такие утверждения не лишены некоторых оснований. Тем не менее, и пресловутый «меч в руках государства», и беспредельная власть суверена, распространяющаяся даже на имущество и духовную жизнь подданных, оказываются бессильны перед непоколебимым естественным правом каждого человека — правом на жизнь,

на самосохранение. Во имя осуществления этого права заключается общественный договор, по которому люди отказываются от многих других своих прав, данных самой природой. В силу этого властвует могучий левиафан. В противном случае теряется смысл первого и второго, и законопослушные подданные возвращаются в свое естественное состояние.

Справедливости ради отметим, что подобные положения не выступают на передний план в политическом учении государственника Гоббса. Однако они, безусловно, в нем присутствуют. Обратимся к трудам мыслителя. «Назначение суверена, — пишет Гоббс, — будь это одно лицо или собрание лиц, заключается в обеспечении безопасности подданных (10). Долг подданного — подчиняться суверену и не оказывать непослушания. Однако, ни один человек при заключении общественного договора не отказывается от права защиты своей жизни и неприкосновенности в случае, если гражданский закон не может своевременно прийти ему на помощь (11). Более того, ни один закон не может обязать человека пренебречь самосохранением (12). Причем, каждый, согласно своему естественному праву, сам выбирает необходимые средства борьбы и судит, насколько велика опасность (13). Соглашения, обязывающие, не заботиться о своей безопасности, заключаются впустую, они недействительны, т. к. противоречат естественному праву индивидуума. Гоббс приводит в «Левиафане» яркие примеры превосходства естественного права над гражданским. Так, преступник не обязан сознаваться в содеянном, если он не уверен в помиловании, так как ни один договор не может обязать человека обвинять самого себя (14). Если солдат, идущий на войну, дезертирует, но сделает это только из страха, его можно назвать трусом, но не изменником (15).

Вышеизложенное относится к критическим моментам во взаимоотношениях государства и индивидуума. Мысль Гоббса идет дальше и обращается к ситуации, когда не один, а множество людей оказалось в оппозиции власти. «...В случае, если сразу множество людей неправо воспротивились суверену, или совершили какое-нибудь крупное преступление, за которое каждого из них ждет смерть, неужели они не вольны объединиться, помогая и защищая друг друга? Конечно, вольны, ибо они защищают свою жизнь, что равно дозволено виновному и невиновному» (16). Восстание несправедливо по своей сути, т. к. противоречит общественному

договору, но доводить начатое до конца — не значит совершать новую несправедливость (17).

Логическим продолжением этого тезиса служит следующий. Гоббс пишет, что если в войне, внешней или внутренней, враг одержал решительную победу, и потерпевшее поражение государство не может более обеспечивать безопасность подданных, каждый человек может защищать себя теми средствами, какие сочтет нужными» (18). Общественный договор расторгается, но может быть опять заключен в случае, если новый правитель способен обеспечить безопасность граждан.

Обращаясь к вопросу о путях возникновения государства, Гоббс выделяет особый их тип — «приобретенные государства». Они образуются, когда люди заключают негласный общественный договор друг с другом из страха перед тем, кого они признают своим правителем, т. е. с узурпатором, завоевателем. Страх, впрочем, присутствует и при мирном избрании суверена (модель «установленного государства»), т. к. в естественном, догосударственном состоянии «войны всех против всех» жизни человека постоянно грозит опасность. Разница между «установленными» и «приобретенными» государствами состоит только в том, что в первом случае люди избирают суверена из страха друг перед другом, а во втором — перед тем, кого они признают своим правителем. «В обоих случаях они делают это из страха... перед смертью или насилием». Иначе ни один человек в каком бы то ни было государстве не мог бы быть обязан повиноваться (19).

Мы попытались проследить одно из направлений в политическом учении Гоббса, наиболее существенное для понимания теории власти «*de facto*», представленной рядом английских политических мыслителей середины XVII века. Существенно также следующее. Гоббс, как уже упоминалось, обратился к политической теории в весьма зрелом возрасте. В 1640 г. были написаны: «Элементы закона, естественного и политического» (20). Т. О. политическая мысль Гоббса созрела в условиях кризиса стюартовского абсолютизма, до начала вооруженного конфликта между королем и парламентом. Второе его значительное сочинение — «О гражданстве» (21) было опубликовано в Париже два года спустя на латинском языке (английский перевод под названием «*Philosophical Rudiments concerning Government and Society*» увидел свет в 1651 году). Наконец, в 1651 г. в Англии в условиях индепендентской республики был издан «Левиафан».

Характерной особенностью творчества Гоббса является то, что его политическое учение во всех своих основных чертах сформулировано уже в «Элементах закона». В последующих работах Гоббс оттачивал отдельные положения, но нет оснований говорить о сколько-нибудь существенной эволюции его системы в целом. Создается впечатление, что социальные и военные бури, пронесшиеся над Англией в середине столетия — гражданские войны, свержение монархии, установление республики, — не только не поколебали уверенности Гоббса в справедливости его политической теории, но укрепили ее. Это стало возможным потому, что как в 1640-м, так и в 1651-м годах Гоббс писал не о каких-либо конкретных монархах или правительствах, а о государстве как таковом, исходя из неизменной природы человека, наделенного неотчуждаемым естественным правом на самосохранение. Его политическая система рационалистична и абстрактна, в ней нет места верности династии или даже какой-либо одной политической форме.

Современные критики нередко обвиняли Гоббса в «непрактичности». Но именно эта «непрактичность», отвлеченный характер учения позволяли применять его положения и к стюартовской монархии, и к протекторату Кромвеля, и к любому другому виду государства. Гоббс в свое время сетовал, как трудно пройти невредимым между двух воюющих армий. Ему удалось это сделать, поднявшись над «линией фронта». С высоты теоретического осмысления политических вопросов он разглядел многое из того, что было скрыто для участников политических баталий.

Сегодня не вызывает сомнений сильнейшее влияние идей Гоббса на современников (22). Каждое из разнообразных проявлений этого влияния достойно быть темой отдельного исследования. Обратимся к кругу политических авторов, зачастую не скрывавших своей связи с гоббсовскими идеями, чье творчество не получило достаточного рассмотрения в работах современных исследователей. Это так называемые теоретики власти «de facto» конца 40-х — 50-х гг. XVII в. — Энтони Эшем, Марчмонт Нидхем, Томас Уайт, Джон Дюри, Френсис Осборн и некоторые другие (23). Они не были объединены в какой-либо партии или движении, которые во множестве вызвала к жизни Английская революция. Труды их появляются не ранее конца 40-х гг., особенно после казни Карла I и провозглашения республики, которая быстро приобретала черты диктатуры.

Пожалуй, наиболее колоритной фигурой был М. Нидхем (1620—1678), стоявший у истоков английской журналистики. С 1643 г. он выпускник Оксфордского университета, сотрудничает в пропарламентской газете «Mercurius Britannicus» и одновременно учится медицине. В 1650 г. в Лондоне начинает выходить новая газета «Mercurius Politicus», и Нидхем становится ее редактором. На ее страницах он по частям публикует свое наиболее значительное произведение — политический трактат «Дело государства».

Жизненный и политический путь Нидхема извилист. Начав как сторонник парламента, он в 1644 г. призывает к аресту короля, а в 1647 году уже работает в роялистской газете «Mercurius Pragmaticus» и в 1649 г. пишет трактат в защиту Карла I. Отсидев несколько месяцев в тюрьме он готовит «Дело государства в Англии» (1650), где открыто называет себя раскаявшимся роялистом и призывает сограждан последовать своему примеру. Дружит с Джоном Мильтоном, страстным сторонником индепендентской республики, также публикующим свои произведения в газете. Накануне реставрации Стюартов Нидхем оказывается на континенте. Каким-то невероятным образом он получает прощение Карла II и разрешение вернуться в Англию (24). В 1676 г. он — автор трактата, направленного против антикоролевской оппозиции. Остается добавить, что в наиболее смутные периоды жизни Нидхем мудро обращается к врачебной практике и даже посвящает ей особый трактат (1665 г.) (25).

Энтони Эшем (1618—1650) последователен в своих политических пристрастиях. Джентльмен, закончивший Кембриджский университет в 1633 г., он сближается с пресвитерианами, а затем поддерживает сторону индепендентов (26). Член Долгого Парламента. В 1648 г. он издает политический трактат, который более известен под названием, данным его второму изданию 1649 г.: «О беспорядках и революциях власти». Спустя два месяца после казни Карла I им был написан памфлет «Происхождение и цель гражданской власти». Эшем выполняет дипломатические поручения Парламента в Гамбурге летом 1649 г., а в январе 1650 г. он отправился в Мадрид в качестве посла. Его верительные грамоты были подготовлены Мильтоном. На следующий день по прибытии Энтони Эшем был убит в результате заговора роялистской эмиграции.

Таким образом, политические судьбы теоретиков власти de facto весьма различны, связи между ними довольно сла-

бы. Иногда они ссылаются на труды друг друга. Известно, что некоторые были знакомы с Томасом Гоббсом лично. Так, по свидетельству современника, Гоббс, живя в Лондоне, часто посещал Томаса Уайта и даже восхищался им, хотя они постоянно спорили. Френсис Осборн был другом Гоббса (27). Но главное, что дает основания говорить о них как об особом направлении в английской политической мысли середины XVII века, — это содержащаяся в их работах идея подчинения граждан той власти, которая существует.

Казалось бы, эта идея стара, как христианский мир. Необходимость «воздать кесарю кесарево» — общее место средневековой политической философии, в слегка модернизированном виде перекочевавшее в политические трактаты XVI—XVII веков. Лояльность со стороны подданных воспринималась как необходимое условие существования государства, глава которого, в свою очередь, по божественному или естественному закону обязан был заботиться об их благе. В то же время европейская политическая мысль никогда не оставалась равнодушной к вопросу, почему именно необходимо подчинение властям. Апелляции к Священной истории или естественному закону, разнообразные трактовки возникновения государства — все это по духу весьма далеко от идеи подчинения власти просто потому, что она фактически существует. Усилия поколений мыслителей разобраться, почему необходимо подчиняться правителям, сами по себе отрицают такую постановку вопроса.

Кроме того, средневековая и ренессансная политическая мысль содержала сильное противоядие идее слепого подчинения властям. Тираноборчество, присутствовавшее в европейской традиции как привычный элемент, а иногда вырывающееся на свободу в гневных обличениях порочных правителей, требовало в своей теократической или светской формах «воздать Богу Богово» либо следовать естественному закону скорее, чем повелениям неправого монарха. Пассивное — всегда, а иногда и активное сопротивление следовало оказывать тирану, пренебрегшему своими обязательствами перед Богом или подданными.

В мощном русле европейской традиции политической мысли и в особенности на фоне демократических идей, порожденных Английской революцией, концепция подчинения фактической власти может показаться бледной и даже в чем-то аморальной попыткой ее авторов увязать свои взгляды с политической конъюнктурой. Между тем, идеи такого рода, дей-

ствительно, тесно связанные с реалиями современной им Англии (а можно ли считать это исключительным явлением?), обладали собственной логикой и при ближайшем рассмотрении, оказываются гораздо богаче и рельефнее уготованной им схомы.

Отметим прежде всего, что вопрос о подчинении подданных власти, да и о законности самой этой власти, в конце 40-х — начале 50-х гг. XVII в. был более чем актуален. В Англии произошли резкие политические перемены. У власти оказалась партия, посягнувшая на вековые устои английской монархии. Карл I Стюарт был казнен, палата Лордов распущена. Англия стала республикой, но диктатура Кромвеля приобретала все более отчетливые очертания.

Ситуация падения старого суверенитета и утверждения нового, столь обстоятельно рассмотренная Гоббсом еще в начале 40-х гг., стала драматической реальностью для миллионов англичан. Далеко не большую их часть составляли сознательные политические борцы. Широкие массы граждан «вне политики» были потрясены, обескуражены невиданными переменами. Между тем, им предписывалось принятие присяги на верность Республике. Вначале это требование распространилось только на ведущих государственных служащих. В октябре 1649 г. круг лиц, подлежащих присяге, был расширен по решению Парламента, а с февраля 1650 г. принесение присяги стало обязательным для всех граждан (28).

По этому вопросу развернулись дебаты. Ведь англичане уже клялись в верности королю, подписывали Ковенант. Обсуждение вопроса о присяге вызвало к жизни большое количество политических произведений, часть которых издавалась анонимно (29). Многие значительные труды теоретиков власти «de facto» возникли в ходе этой полемики как ее составная часть. В связи с этим неслучайно то обстоятельство, что все они обращены к рядовым гражданам, далеким от государственных дел и власти, к «маленькому человеку», наделенному, тем не менее, разумом и совестью. В стремлении обратить своих читателей на сторону Республики авторы берут на вооружение «гоббистскую» аргументацию. При этом, в одних случаях, прямых ссылок на Гоббса нет, а в других он явно присутствует в качестве авторитета, подтверждающего положение пишущего.

Последнее относится к произведению М. Нидхема «Дело государства в Англии». В самом начале Нидхем упоминает

«знающих людей, которые писали на эти темы раньше и, по всей видимости, говорили правду, т. к. не были заинтересованы в наших делах и не были вовлечены в спор» (30) (по вопросу о присяге — И. Н.). В конце же работы в виде приложения опубликован отрывок из трактата Гоббса «Элементы закона», наряду с фрагментом из «Defensio regia» Салмазия.

Трактат перенасыщен примерами из истории Англии, Европы, а также из Священной истории. Исторический пример, подсказанный широкой эрудицией — верный союзник Нидхема, подкрепляющий любой маневр его изобретательного ума. С точки зрения политической теории, трактат содержит два основных положения. Первое — о временном, преходящем характере любого государства, политической формы, династии. «...Наилучшим образом установленные и могущественнейшие государства мира были лишь временны» (31) — пишет Нидхем. Так, древние четыре монархии существовали по 500 лет каждая, затем наступал «фатальный период», и они уходили в небытие. Иногда время существования государства измерялось половиной этого срока, иногда столетием. В таком случае, «не удивительно, что наша английская монархия, достигшая почти 600-летия со времен нормандского завоевания, должна сейчас, согласно общей судьбе всех других государств, отказаться от своих интересов в пользу некой другой власти, семьи или формы» (32).

В мире, таким образом, царит судьба, которую Нидхем, не слишком углубляясь в суть вопроса, называет также Божественным провидением или фатальной необходимостью. Противостоять этой силе — безумие.

Нидхем небрежен не только в определении сверхчеловеческой силы, распоряжающейся мирскими державами, но и в определении самой смены государственных образований. В названии соответствующего раздела его текста присутствует термин «революция», обозначающий в XVII в., прежде всего, круговорот. Поминается и Платон, впервые в европейской традиции писавший о круговороте политических форм (33). Известно, что идея круговорота, «колеса Фортуны», была достаточно распространена в раннесансной политической мысли. Но у Нидхема «революции» нет, есть упадок той или иной государственности, достигшей своего «фатального периода» без каких-либо надежд на возвращение ее в будущем.

Обратимся ко второму фундаментальному положению трактата. Кратко оно сформулировано в названии второй его

части: «О том, что власть меча есть и всегда была основанием всех прав на власть». На исторических примерах Нидхем показывает, что насилие, «власть меча», было источником власти как первой монархии (имеется в виду правление библейского царя Нимрода), так и всех последующих государств, немонархических в том числе. Отдадим справедливость автору — в примерах такого рода, действительно, нет недостатка. Одна лишь английская история — до- и посленормандская — предоставляет Нидхему благодатный материал. Меч Цезаря, меч саксов, господство датчан, нормандское завоевание, затем убийство Вильгельма Рыжего, борьба между Стефаном и Матильдой, завоевание Ирландии и Уэльса, смещение Эдуарда II и Ричарда II и т. д., наконец, основатель династии Тюдоров Генрих VII, который «пришел с армией и просто силой был сделан королем в армии и армией» (34). «Что до справедливых оснований, их у него не было никаких». Большинство правителей, — полемизирует Нидхем с пресвитерианским священным Эдуардом Ги, — пришло к власти не только без какого-либо «призвания» со стороны подданных, но абсолютно против воли народа. Из 25 королей, которые правили Англией, не более полудюжины получили свою корону по наследству (35). Тем не менее, люди (вся нация) всегда признавали полномочия этих правителей и оказывали им послушание, пока они были у власти. Как глас народа звучит: законно повиноваться тем, кто обладает властью, даже если их право на нее предположительно незаконно и основано на силе (36). Об этом свидетельствует опыт предков, которые так поступали ради сохранения мира (37). Те, кто отказывают новой власти в подчинении из соображений совести, по причине ранее произнесенных присяг, клятв, ковенантов, или ссылаясь на незаконность власти, добытой мечом, — это сварливые люди, упорствующие против разума и обычая всего мира. В глазах закона любой нации это изменники. Если такой человек погибнет, в лучшем случае его признают святым сумасшедших и мучеником дураков (38).

Что касается присяг и клятв, то они даются людьми при определенных обстоятельствах и в определенных политических целях. Если обстоятельства изменились, они не могут оставаться в силе. Нидхем ссылается на авторитет Гуго Гронция: клятва верности, данная магистрату, не связывает более человека, если магистрат перестает быть таковым (39).

Что дает подданному подчинение новой власти? Нидхем

рассматривает этот вопрос «от обратного». III глава его труда называется «О том, что неподчинение государству справедливо лишает людей блага защиты с его стороны». Оказывается, государство защищает подданных в ответ на послушание и дружелюбие тех, кого оно защищает. В противном случае люди ставят себя в положение врагов государства и законно могут быть наказаны. Это анархисты, разрушающие главную цель пражданского объединения — общественную безопасность. Государство, — ссылается Нидхем на Аристотеля, — обеспечивает правосудие, поощряет добродетель и наказывает порок. Без этого невозможно наслаждаться миром и счастьем (40).

В трактате смутно присутствует и идея общественного договора. Какое бы новое государство не было установлено, оно так же прочно *de jure*, как если бы имел место договор всех людей страны (41).

Не удивительно, что Нидхему для подтверждения своей правоты потребовалась апелляция к Гоббсу. Как можно было убедиться, некоторые его утверждения перекликаются с теоретическими положениями мыслителя. Но они односторонне и плоско восприняты. Создается впечатление, что Нидхем относится к Гоббсу примерно так же, как к самой Английской республике — прагматически. Поддерживая победивший режим, Нидхем использует вырванные из контекста и тем самым лишённые глубины положения для достижения поставленной цели. У Гоббса на первом месте — неотчуждаемое естественное право человека. Нидхему же важно доказать, что цареубийца Кромвель не менее достоин подчинения граждан, чем все его предшественники у кормиц власти.

Джон Дюри, как и М. Нидхем, — участник противостояния по вопросу о присяге. В 1650 г. он издаёт два небольших по объёму трактата, в которых спорит с анонимными противниками ее подписания (42). Автор набожный и благочестивый, Дюри стремится освободить совесть подданных от угрызений в связи с ранее произнесёнными клятвами Ковенантами. Присяги приносятся в определенных обстоятельствах и на определенных условиях (Дюри склонен видеть в присяге род общественного договора, при котором обе стороны — подданные и правитель — берут на себя ряд обязательств). Нет уже короля и Палаты Лордов, следовательно, все клятвы, данные им, — недействительны (43). Не

никаких моральных препятствий принятию присяги Республике.

Что, с точки зрения Д. Ж. Дюри, лежит в основе падения монархии и установления республики? Божественное провидение, — лишает он, — пошатнуло основания монархии и лишило ее возможности обеспечить какую бы то ни было защиту и сохранность (preservation) каждому из жителей этой страны и дало такую возможность другой форме государства (44). Отсюда следует, что, согласно природе, суждениям сведущих людей, опыту христиан былых времен и нашим прошлым присягам, мы, по воле Божьей, должны тихо и мирно, оставаясь на своих местах и при своих занятиях (callings), жить под этим правлением и подчиняться ему в том, что требуют от нас власть предержащие. Это законно и необходимо для сохранения нас самих и других людей (45).

В такого рода положениях Дюри отчетливо проступают гоббсовская концепция самосохранения индивидуума (46), его трактовка назначения государства, облеченные в характерную для пуритан религиозную форму. Дюри нигде не упоминает имени мыслителя, хотя не исключено, что под «сведущими людьми» подразумевается именно Гоббс.

Энтони Эшем — один из наиболее глубоких мыслителей рассматриваемого направления. В его политических произведениях, изданных в 1649 году, идея подчинения существующей власти не выступает как самоцель, но логически следует из основных положений автора.

Выше уже отмечалось, что политические теоретики этого круга обращались, прежде всего, к рядовому человеку, гражданину. Более того, интересы этого человека, индивидуума, оказывались в основе их более или менее совершенных построений. Энтони Эшем продвинулся в этом направлении достаточно далеко. Что такое «народ»? — задается он вопросом в памфлете «Происхождение и цель гражданской власти». Общепринято, что народ — это «сорт людей похуже и поглубже». Между тем, народ — это «каждый отдельный человек внутри любой нации или королевства» (47), вне зависимости от его положения в обществе, сословия или богатства, вне разделения на «лучших», более знатных, и «низших», плебеев. Народ, состоящий из отдельных людей, — истинный источник всякой власти. Воля народа, воплощенная в общественном договоре, создает государство в любой из его форм. Мир и благоденствие народа — конечная и единственная — кроме славы Божьей — цель государства. Противно разуму

предположение, что люди могут отказаться от силы, которой они обладают, в пользу короля или правителя ради вреда и собственной гибели (48).

Памфлет Эшема был написан через два месяца после казни Карла I и содержит обоснование права народа, который есть источник всякой власти, избавиться от тирана. Его положения звучат вполне оптимистично. Иной характер носит трактат «О беспорядках и революциях власти, в котором исследуется, насколько человек может законно приспособляться к власти и указам тех, кто с различным успехом владеет королевствами, разделенными гражданскими и внешними войнами» (49). Работа была издана в дополненном варианте в том же 1649 году, но написана в 1648-м. Уже из названия видно, что речь в трактате идет о положении человека в смутное время, когда ни одна из сторон общественного конфликта не добилась прочной победы. Как в этой ситуации чувствует себя народ, этот источник всякой власти на земле? Ответ ясен — люди несут на себе все тяготы войны, испытывают жестокие лишения. Народ редко или вообще никогда не начинает войну, но оказывается втянутым в нее, когда она началась (50). Так было в древние времена, когда триумфы римлян скрывали ужасы войны, так было во времена войны Алой и Белой Розы, так и ныне: люди помимо своей воли оказываются вовлеченными в конфликт, и обе враждующие стороны требуют от них верности. Между тем, человеческая жизнь — это то, что можно однажды потерять, и ничто ее не вернет. Люди вступают в гражданское состояние ради обеспечения своего права на жизнь (51). Сама природа склонна больше к сохранению отдельного человека, чем «тела общественного». Поэтому в периоды гражданских войн человек должен ради сохранения своей жизни соблюдать лояльность к той стороне, которая побеждает, вне зависимости от причин и сути конфликта. Сопrotивление опасно и даже вредит побежденным. Нужно платить налоги, как выкуп за свою жизнь. «Чтобы безопасно миновать полный опасностей лес, — пишет Эшем, — законно иногда облачиться в шкуры зверей, обитающих в этих лесах» (52). Таким образом, по Эшему, нельзя требовать от гражданина соблюдения каких-либо нравственных обязательств правителям, навязавшим ему противное самой человеческой природе состояние гражданской войны. Не из моральных побуждений подчиняются люди победившему в борьбе за власть, а в расчете на политическую стабильность и гражданский мир.

Еще более пессимистичные взгляды выражает Френсис Осборн в работе «Совет сыну», написанной тоже, казалось бы, в поддержку победившей революции (53). Интересы подданных и правителей оказываются совершенно различны. Подданные — это чужаки в собственной стране, и должны вести себя соответствующим образом. Всякая власть тиранична; тирания так же естественна для власти, как возмездие для молодежи (54). Вся мировая история исполнена жестокости и амбиций правителей, заливавших землю кровью. Исходя из этого, подданные должны оставаться глухи к призывам властей принести себя в жертву, в особенности, когда правитель уже смещен. Кровопролития, ужасов войны должен избегать всякий, если он не сошел с ума. Правителям следует оказывать повиновение, пока они обладают властью; судьба власти и подчинения едина, второе заканчивается вместе с первой. Они так далеко над нами, — пишет Осборн о правителях, — они превращаются в ничто для нас, когда теряют возможность себя поддерживать (55).

П. Загорин называет эту концепцию ничиной, полагая, не без оснований, что Ф. Осборн, как и М. Нидхем, чужд истинного республиканизма (56).

Воздержимся от моральных оценок взглядов мыслителя, а также политических режимов, побеждавших ценой жизни тысяч граждан.

Подведем некоторые итоги. Английская политическая теория власти *de facto* 40-х—50-х гг. XVII века — явление внутренне неоднородное. На одном его крыле — М. Нидхем с непостоянством политических пристрастий и готовностью беспрепятственно признать любую власть не менее (хотя и не более) законной, чем все остальные. На другом — Э. Эшем и Ф. Осборн и трагическая необходимость человека подчиниться силе, неизмеримо превосходящей его собственную.

Великий теоретик Томас Гоббс привнес в европейскую политическую науку положение о незыблемости естественного права индивидуума. Отшлифованное столетиями, оно вошло в золотой фонд общечеловеческих ценностей. Однако, история утверждения принципов индивидуализма, ставших достоянием многих современников Гоббса, далеко не проста. Мыслители, воспринявшие идею естественного права человека на самосохранение, сразу же встретились с серьезным препятствием, каковым явилась английская политическая действительность середины XVII века. Гоббсовская идея естественного права логически сочеталась с идеей естествен-

ного закона, концепцией общественного договора и даже учением о суверенитете. Каким же образом могло осуществиться естественное право каждого рядового англичанина в годы гражданских войн 40-х гг.? Теория Гоббса не касалась такой конкретики. На этот вопрос попытались ответить мыслители, названные благодаря содержанию своих ответов теоретиками власти *de facto*. Им не удалось, подобно Гоббсу, пройти без потерь между воюющими армиями, т. к. эти армии переставали быть литературным образом — слишком громко стреляли пушки и лилась кровь. Не общественный договор «каждого с каждым» заключали равные от рождения люди — набирающий силу диктатор требовал поголовной присяги на верность. Удивительным в этой ситуации представляется не пессимизм и даже аполитичность Э. Эшема или Ф. Осборна, а их последовательная приверженность естественному праву человека, который — каждый в отдельности — и составляет понятие «народ».

1. Willms B. *Der Weg des Leviathan: Die Hobbes — Forschung von 1988—1978.* — В. — 1979. — 238 s. Garcia A. *Thomas Hobbes: bibliographie internationale de 1620 a 1986.* — Caen, 1986. Zagorin P. *Hobbes in Our Mind//Journal of the History of Ideas.* — 1990, vol. 51, № 2.

2. Strauss L. *The Political Philosophy of Hobbes, its Basis and Genesis.* — Oxford, Clarendon Press, 1936, XVIII. Macpherson C. B. *The Political Theory of Possessive Individualism: Hobbes to Locke.* — Oxford, Clarendon Press. — 1962. XI. Eccleshall R. *Order and Reason in Politics. Theories of Absolute and Limited Monarchy in Early Modern England.* — Oxford. — 1978, VI.

3. Hobbes T. *Leviathan: or the Matter, Form and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil.* — *The English Works of Thomas Hobbes of Malmesbury. Now first collected and edited by sir William Molesworth.* — V. III. London, 1839.

4. *English Works*, V. II; London, p. 9; V. IV, London, 1840, p. 83.

5. *English Works*, V. III, p. 116.

6. *Ibid.* — P. 117.

7. *Ibidem.*

8. *English Works.* — V. III. — P. 138.

9. См.: Немченко И. В. *Томас Гоббс и Английская революция середины XVII века (к вопросу о ренессансном содержании политической системы Гоббса).* Канд. дисс. — М., 1981.

10. *English Works.* — V. III. — P. 322.

11. *Ibid.* — P. 285.

12. *Ibid.* — P. 288; V. II. — P. 25; V. IV. — P. 103.

13. *Ibid.* — V. IV. — P. 83.

14. *Ibid.* — V. III. — P. 204.

15. *Ibid.* — P. 205.

16. *Ibid.* — P. 206.

17. Ibidem.
18. Ibid. — V, III, — P. 321.
19. Ibid. — V, III. — P. 159.
20. Hobbes Th. The Elements of Law, Natural and Politic. — English Works. — V. IV.
21. Hobbes Th. Philosophical Rudiments concerning Government and Society. — English Works. — V. II.
22. Skinner Q. Thomas Hobbes and His Disciples in France and England. — Comparative Studies in Society and History. — V. 8. — 1966. — № 2. Id. The Ideological Context of Hobbes's Political Thought. — Historical Journal. — V. 9. — 1966. — № 3.
23. Одним из первых обратил внимание на этих мыслителей Перес Загорин (Zagorin P. A History of Political Thought in the English Revolution посвятив им краткие разделы своей монографии. См. также Ibid. — L., 1954), посвятив им краткие разделы своей монографии. См. также Skinner Q. The Ideological context of Hobbes's Political Thought. Nedham M. The Case of Commonwealth of England//Ed. by Philip Knachel. — University Press of Virginia. — 1969. — Introduction.
- Coltman I. Private Men and Public Causes. Philosophy and Politics in the English Civil War. — London, 1962.
24. Nedham M. The Case of the Commonwealth of England Stated./Ed. Ph. A. Knachel — University Press of Virginia, 1969. Introduction. — P. XLI.
25. Подробно биография М. Нидхема см.: Dictionary of National Biographies.
26. Coltman I. Op. cit. — P. 198.
27. Ibid. — P. 121, 226.
28. Nedham M. The Case of Commonwealth. Introduction. — P. XIII.
29. Wallace J. The Engagement Controversy, 1649—52: An Annotated List of Pamphlets. — Bulletin of the New York Public Library. 1964. — P. 384—405.
30. Nedham M. The Case of Commonwealth of England, Stated. — P. 3.
31. Ibid. — P. 10.
32. Ibid. — P. 13.
33. Ibid. — P. 8.
34. Ibid. — P. 25—27.
35. Ibid. — P. 38.
36. Ibid. — P. 28.
37. Ibid. — P. 38.
38. Ibid. — P. 29.
39. Ibid. — P. 50.
40. Ibid. — P. 31.
41. Ibid. — P. 36.
42. Dury J. Just Re-proposals to Humble Proposals. — London, 1650.
- Id. Two Treatises Concerning the Matter of the Engagement. The second of Mr. Dureus maintaining the satisfactoriness of his considerations against the Unknown Authors exceptions. — London, 1650.
43. Dury J. Just Re-proposals. — P. 15.
44. Ibid. — P. 10.
45. Ibidem.
46. Роббе употребляет термин «self-preservation», Дюри — «preservation of ourselves and others».
47. Ascham A. The Original and End of Civil Power. — London, 1649. — Complaint and Reform in England 1436—1714. — N. Y. — 1938. — P. 645.

48. Ibid. — P. 654.
49. Ascham A. Of the Confusions and Revolutions of Governments Wherein is examined How farre a man may Lawfully conforme to the Powers and Commands of those who with various successes hold Kingdomes divided by Civill or Forraigne Warrs. — London, 1649.
50. Ibid. Preface.
51. Ibid. — P. 49.
52. Ibid. — P. 67.
53. Coltman I. Private Men and Public Causes. — P. 226.
54. Ibid. — P. 227.
55. Ibidem.
56. Zagorin P. Op. cit. — P. 130.

**«НІДЕРЛАНДСЬКЕ ПИТАННЯ»
В ЄВРОПЕЙСЬКІЙ ПОЛІТИЦІ АНГЛІЇ
(1576—1585 рр.)**

4 листопада 1576 р., неділя, стала для м. Антверпена, одного з найбільш значних європейських міст, центра світової торгівлі та фінансів того часу, днем «іспанського шаленства». Серед дня іспанські загони вийшли з цитаделі і захопили місто. У вогні, який охопив кращу частину Антверпена та під ударами іспанської зброї загинуло більше 7 тисяч чоловік. Цінність награбованного досягнула 2 мільона флоринів, не рахуючи дорожнечі та товари купців.

Ця подія набула загальноєвропейського значення і багато в чому визначила політику Англії на континенті впродовж майже десятиріччя. Історики, що займались питанням елизаветинської зовнішньої політики відзначали важливість «нідерландського питання» в континентальній дипломатії Англії 1576—1585 рр. Але відносно її характеру, етапів, методів втілення в життя в сучасній історіографії існують розбіжності. Традиційно зберігається «конфесійна» концепція, що вбачає в політиці Англії послідовну підтримку принципів Реформації, внаслідок чого Англія втручалась в події в Нідерландах (Р. Лок'єр, У. МакКафрі). З точки зору інших істориків, таких як Д. Блек, А. Рауз, П. Кроусон союз Англії з нідерландськими повстанцями обумовлювався династійними інтересами Тюдорів та національними інтересами англійської держави. Частина сучасних істориків (К. Рід, С. Біндофф, Р. Уернхам, Ч. Уільсон, Д. Паркер) поєднують ці дві концепції, вбачаючи в політиці Англії відносно континентальних справ сукупність релігійних та національних мотивів (1). В радянській історіографії в працях А. М. Чистозвонова, написаних в часи боротьби з «космополітизмом», це питання розглядалось як англо-французька інтервенція, спрямована на придушення революційного руху народних мас Нідерландів (2).

Відносини з нідерландськими провінціями традиційно займали важливе місце у континентальній політиці Англії. Після спалаху антиіспанського повстання в Нідерландах король Іспанії Філіп II (1555—1598) домагався дипломатичної ізоляції повстанців і в середині 1570-х рр. це йому майже вдалось. Зближення Англії з Іспанією в той час означало, що її політики були дуже далекі від захисту ідей Реформації та протестантської справи. І в Нідерландах королева Англії Єлизавета (1558—1603) підтримувала католицькі сили. Та ця політика не в повній мірі відповідала національним інтересам Англії. Вірніше, вирішення «нідерландського питання» не суперечило національним інтересам країни та давало простір для дипломатичних маневрів англійських політиків.

Особливо сприятлива для Англії ситуація склалась в Нідерландах якраз на кінці 1576 р., коли після «іспанського шаленства» населення південних провінцій скинуло іспанську владу. Реальною силою стали Генеральні штати провінцій, які з жовтня вели у м. Гент переговори з представниками штатів Голландія, Зеландія та принця Оранського. На початку листопада 1576 р. до Люксембургу прибув новий намісник іспанської корони дон Хуан Австрійський, побічний син імператора Карла V, переможець над турками у битві при Лепанто (1571 р.). Це призвело до того, що в кінці 1576 р. у Нідерландах утвердились три політичні сили: Генеральні штати провінцій разом з Державною радою, Штати північних провінцій Голландії та Зеландії на чолі з принцем Оранським та представник іспанської корони дон Хуан Австрійський. Всі вони намагались відіграти самостійну роль на європейській дипломатичній арені. Кожна мала свої зовнішньополітичні орієнтири. Генеральні штати заявили, що вони, як і раніш, вбачають в іспанському королі «свого верховного законодавця і прирощеного господаря» (3). Принц Оранський після фактичної відмови королеви Єлизавети в січні 1576 р. допомогти повсталим провінціям (4), тепер вбачав союзника у Франції. Дон Хуан був послідовним прибічником повернення Нідерландів під владу його зведеного брата Філіпа II. Але плани дон Хуана, і це стало його умовою прийняття місця губернатора Нідерландів, на що Філіп II згодився, включали повалення королеви Єлизавети за допомогою іспанських військ, визволення з англійського полону королеви Шотландії Марії Стюарт і сходження на престол Англії шляхом одруження з Марією (5).

Таким чином, в кінці 1576 р. для Єлизавети та її радників континентальна політика сконцентрувалась навколо «нідерландського питання». На той момент англійська королева визнавала головним завданням нейтралізацію дон Хуана з його далекосяжними намірами. З цією ціллю королева через свого посла Евдарда Горсея наполягала на досягненні угоди Генеральних штатів з дон Хуаном. Це, з одного боку, позбавляло Францію привіда втручатись у нідерландські справи (6), а з другого — не давало наміснику можливості здійснити його задуми, спрямовані на захват англійського трону, бо вони не розділялись депутатами Генеральних штатів. Одночасно представник королеви висловив протест проти передбаченого по «Гентському умиротворенню» виведення іспанських військ із Нідерландів морським шляхом, у безпосередньому приближенні до берегів Англії. Морський маршрут зайвий раз підтверджував серйозність планів дон Хуана відносно вторгнення на острів. Крім офіційних каналів, англійська дипломатія застосувала і вже добре випробовану тактику шлюбних пропозицій: посол натякнув дон Хуану на можливість його шлюбу з Єлизаветою (7). Принц, як вважає сучасний історик, виявився досить вправним дипломатом і навіть виявив бажання відвідати Англію (8).

По відношенню до відроджених Генеральних штатів королева Єлизавета спочатку зайняла вижидальну позицію, розраховуючи на можливість поступок з боку Філіпа II. В цій ситуації симптоматична реакція, проявлена англійцями під час погрому Антверпена. Іспанські солдати вдерлись до «Англійського будинку» (місце, де розмішувались англійські купці та товари) і пограбували купців (9). Незважаючи на це, англійський представник Уільсон запевнив у своїй лояльності Іспанії Херонімо де Рода, бувшого члена Державної ради, який після брюссельських подій вересня 1576 р. очолював іспанські сили у провінціях та ініціював «іспанське шаленство». Уільсон підкреслив, що «коли Штати виступлять проти короля (Філіпа II — О. Д.), то Її Величність (Єлизавета — О. Д.) усіма силами буде перетинати подібні вчинки» (10).

З розумінням зустріла королева запевнення дворянської частини Штатів у відданості свому сюзерену та католицькій релігії (11). Прихильно віднеслась вона і до прохання Генеральних Штатів виступити посередником між ними та королем Іспанії. У відповідь королева за одну лише обіцянку зберегти вірність Філіпу II надала Штатам позику у 20 ти-

сяч ліврів (12), те, чого північні повсталі провінції так і не отримали.

В той же час принц Оранський противівся лінії Генеральних штатів на досягнення домовленості з дон Хуаном. Принц звернувся до брата французького короля Франциска, герцога Анжуйського з проханням узяти на себе захист провінцій. Та спроби представника герцога Анжуйського добитись від Генеральних штатів декларації на його користь виявились марними (13). Не мали успіху і прямі переговори, розпочаті намістником з принцем Оранським. Кальвіністи провінцій Голландія і Зеландія все більш наполегливо виступали проти угоди з королівською владою Іспанії. В оточенні же англійської королеви політика принца Оранського сприймалась надзвичайно негативно і лише один державний секретар Френсіс Уолсінгем підтримував його (14). Хоча в самій Англії суспільна думка була на стороні північних повстанців і багато приватних осіб бажали допомогти Голландії, навіть без санкції королеви (15). Таким чином, вже в кінці 1576 р. Єлизавета схилилась до підтримки тієї частини Генеральних штатів, яка складалась із католицького духовенства, дворянства та великої буржуазії південних провінцій, котрі не бажали повного відокремлення від Іспанії. Фактично це була продворянська, але і проіспанська, прокатолицька політика. Ні про який єдиний реформаційний фронт боротьби з католицизмом не було мови.

Надзвичайний динамізм подій у Нідерландах, суперечливий характер політичних та соціальних процесів у провінціях, непевність політичних прогнозів та необхідність прийняття рішучих мір привели, як вбачається, вже в 1576 р. до повного зовнішньополітичного розмежування серед членів Таємної ради, фактично уряду Англії. Вже під час перебування у Лондоні на початку 1576 р. голландського посольства, яке прибуло до королеви за допомогою, серед радників виявилась різність поглядів на це питання (16). Наближення кінця війни у провінціях вело до ще більших розбіжностей в оточенні королеви.

Звісно, певну рацію, і з цим не можливо не погодитись, мав К. Рід, який вважав, що дві «партії» сановників при дворі королеви остаточно оформились в 1578 р. Прибічники лорда Берлі, першого радника королеви були названі К. Рідом «партією миру». «Партія війни» об'єдналась навколо фаворита королеви графа Лестера та державного секретаря королеви Френсіса Уолсінгема. В основі розподілу лежали

конфесійні мотиви. Та сам історик привів досить багато фактів, що свідчать про суб'єктивні моменти в процесі розмежування. Так, граф Лестер був давнім суперником лорда Берлі у боротьбі за владу. Тому і став на бік герцога Норфолькського, коли той підняв повстання у 1569 р. Арешт герцога та його страта у 1572 р. привели до тимчасового падіння впливу графа Лестера. До 1578 р. його положення виправилось (17).

Без сумніву, складність ситуації в процесі прийняття зовнішньополітичних рішень поглиблювалась внаслідок впливу на державний механізм особистих рис королеви Єлизавети. Як показав Ч. Уільсон, королева часто діяла, виходячи із своїх бажань, примх, жіночих слабкостей (18). Ще А. Поллард відмічав прагнення лорда Берлі, незважаючи на його розходження з групою графа Лестера-Уолсінгема, до більш рішучої політики у порівнянні з політикою королеви (19). К. Рід і слідом за ним інші історики вважали, що боротьба у Таємній раді точилась довкола питання — допомогати чи не допомогати Нідерландам. Та, як вбачається, питання потрібно ставити в дещо іншій площині — яку із соціально-політичних сил у Нідерландах підтримати, щоб з найменшими витратами забезпечити досягнення цілей континентальної політики Англії.

Подальші події у Нідерландах наочно продемонстрували кого ж підтримувала у Нідерландах англійська королева. У лютому 1577 р. після довгих і виснажливих переговорів при посередництві представників імператора і лежського єпископа Генеральні штати і дон Хуан підписали угоду, котра відома під назвою «Вічний едикт». Згідно з його положеннями іспанські війська відзивались з країни впродовж 20 днів, інші іноземні загопи — після виплати жалування. До того ж, вдало для Англії вирішилось питання маршруту виведення військ — Голландія і Зеландія, побоючись нападу з боку іспанців, категорично відмовились пропустити їх через свою територію для відправки морем. Тому іспанські загопи виводились у Італію сушею і в квітні вони залишили провінції. Тоді Генеральні штати признали дон Хуана і в травні 1577 р. він урочисто вступив у Брюссель. Тепер Нідерланди на зовнішньополітичній арені представляли дві сили: іспанський намісник з Генеральними штатами та принц Оранський зі Штатами північних провінцій, який так і не признав «Вічний едикт».

Здавалось, те, до чого так прагнула Єлізавета, досягнуто — Генеральні штати домовились з дон Хуаном, а іспанські війська, які могли загрожувати Англії у зв'язку з планами іспанського принца, залишили провінції. Однак новий посол королеви Уїльсон висловив невдоволення політикою Генеральних штатів по відношенню до Англії. Заяви та дії англійських політиків говорять про деяке збентеження у Лондоні внаслідок досягнутого у Нідерландах перемир'я, бо на це не розраховували. А втім, королева та її радники розуміли складність ситуації у Нідерландах і тільки чекали подальшого розвитку подій. Недарма посол Уїльсон висловився про «Вічний едикт», що «ніколи ще не бачено було, що так мало задоволені були миром» (20). Однак і тоді досить виразно виявився зовнішньополітичний інтерес королеви Єлізавети, котра відмовилась від проекту секретної угоди з Голландією і Зеландією, запропонованої принцем Оранським через Філіпа Сідні, племінника графа Лестера (21).

Ситуація у Нідерландах у першому півріччі 1577 р. залишалась неусталена, що здавалось виправдовувало нерішучість політики Єлізавети. До того ж, дон Хуан, зрозумівши безнадійність «мирного завоювання» країни, 24 липня захопив фортецю Намюр та планував розвернути воєнні дії. Знову в країні утворились три ворогуючі військово-політичні центри, з якими Англія підтримувала дипломатичні відносини: іспанський намісник, Генеральні штати і Штати північних провінцій.

З цього часу починають виявлятися деякі зміни європейської політики Англії та зміщення акцентів у «нідерландському питанні» при збереженні загальної тенденції. Тепер, признаючи зміцнення позицій принца Оранського і не бажаючи остаточно відштовхнути його від Англії, Єлізавета пообіцяла воєнну допомогу Голландії (22). Але головна увага приділялась Генеральним штатам, про підтримку яких на противагу дон Хуану, заявляла королева (23). При дворі за це виступали також лорд Берлі, граф Лестер, державний секретар Ф. Уолсінгем (24). Тому Єлізавета згоджувалась задовольнити прохання прибувчих у Лондон у вересні 1577 р. послів Генеральних штатів про надання їм воєнної та фінансової допомоги. Та після того, як домовленість була майже досягнута, Генеральні штати чемно відмовились від королівської пропозиції (25).

Які ж причини спонукали королеву відійти від політики невтручання та що ж заставило Генеральні штати відказа-

тись від союзу з Англією? Як можливо вважати, ці різнопланові дії стали слідством розширення нідерландського конфлікту, втягнення в його орбіту сусідніх країн та посилення впливу міжнародних факторів на позицію Англії. Насамперед, в Англію йшов постійний потік повідомлень та слухів про підготовку вторгнення католицьких сил у Ірландію (26). В січні 1578 р. Таємна рада постійно займалась ірландськими справами (27). Перешкодити дон Хуану сприяти папській експедиції, зв'язавши його війною у Нідерландах — ось завдання, яке постало на той час перед англійською дипломатією. І не дивно, що невдовзі англійський представник Роджерс повідомляв Уолсінгема з Нідерландів: «...війна починається знову, на користь Англії» (28). В свою чергу переорієнтація Генеральних штатів пояснюється початком боротьби дворянської партії за владу в Нідерландах, її інтригами проти принця Оранського, який би посилив свої позиції з прибуттям англійських військ (29). На початку жовтня 1577 р. Генеральні штати закликали на місце правителя молодшого брата імператора Священної Римської імперії Рудольфа ерцгерцога Матвія Габсбургського. Цим самим усувався претендент на той же самий пост герцог Франсуа Анжуйський, брат французького короля, який мав контакти з принцем Оранським. Але головне те, що дворянська частина Штатів розраховувала правити від імені ерцгерцога Матвія. Тому тільки після 12 листопада 1577 р., дати офіційного визнання ерцгерцога Матвія, Генеральні штати згодились прийняти умови Єлизавети, бо присутність англійців не могла стати перешкодою для їх планів. Договір про допомогу обидві сторони уклали в кінці 1577 р. і ратифікували 7 січня 1578 р. (30). Королева надала Генеральним штатам позику у 100 тисяч фунтів, 5 тисяч піхотинців і 1 тисячу кіннотників, одержавши у заставу міста Фліссінгем, Міддельюрх, Брюгге і Гравелін, можливість контролю над зовнішньою політикою країни, а також 40 кораблів у випадку необхідності. Умовою союзу було збереження Генеральними штатами католицької релігії та відданості Філіпу II.

В січні 1578 р. ерцгерцог Матвій прибув у Брюссель, та дон Хуан почав воєнні дії проти Генеральних штатів і 31 січня розбив їх військо у битві під Жамблу. Ця перемога мала двоякі наслідки. Такі міста як Амстердам і Гарлем з католицького лагера перейшла на бік кальвіністів і принця Оранського. А Єлизавета знову вернулась до позиції спостергача і вже в березні 1578 р. в Нідерландах політики зро-

зуміли, що сподівання на англійську допомогу не виправдуються. Не скидаючи з рахунку острах Єлизавети перед відкритим зіткненням з Іспанією (31), слід підкреслити одну обставину, яка зіграла немалу роль у нідерландській політиці Англії. У Лондоні вирішили, не надаючи явного привіду Філіпу II для невдоволення, протиставити ерцгерцогу Матвію і принцу Оранському свого ставленика. В Таємній раді розглядалися кандидатури католицького принца Франсуа, герцога Анжуйського і безземельного германського князя (брата протестантського курфюрста Пфальцького) кальвіністського пфальцьєра Іоана-Казіміра, постачавшого ландскнехтів різним європейським державам. Перевага була віддана останньому і англійська королева запропонувала Генеральним штатам замість власних військ кошти на утримання 11 тисяч найманців пфальцьєра Іоана-Казіміра (32). В умовах, коли в очах королеви Єлизавети Генеральні штати дискредитували себе, виявившись неспроможними домовитись з Філіпом II і коли Штати все більше підпадали під вплив принца Оранського, така позиція англійського уряду знаменувала початок нового підходу до нідерландських подій.

Значну роль в посиленні уваги до континентальних справ зіграли міжнародні фактори. Прямим слідством зриву досягнутої в грудні 1577 р. домовленості між Англією та Генеральними штатами стала орієнтація Штатів на Францію. В кінці березня 1578 р. почались переговори Штатів з герцогом Анжуйським (33). Правда, не до кінця ясно, хто виступив ініціатором їх проведення. В історіографії взаємовиключні точки зору подані в роботах К. Ріда і А. М. Чистозвонова (34). Але як би там не було, у королеви ці контакти викликали неспокій. На її вимогу англійський представник Девісон зробив офіційний запит Генеральним штатам про їх відносини з герцогом (35).

По пропозиції лорда Берлі, з метою протидіяти небажаному для Англії французькому впливу в Нідерландах та не втратити контроль над подіями у провінціях вирішили відправити у Брюсель послами лорда Кобхема і Уолсінгема (36). Посольству придавалось дуже важливе значення, про що говорить його склад — два члена Таємної ради. Єлизавета ще не посилала такої представницької місії у Нідерланди. Цікаво, що лорд Кобхем входив до «партії миру», був відомий своїми проіспанськими симпатіями, а Уолсінгем очолював «партію війни» і у донесеннях з Лондону в Мадрид характеризувався як головний ворог Іспанії. Д. Блек і

Р. Уерихам вважали завданням посольства «проведенн» посередницької місії між ворогуючими сторонами (37). Та матеріали переговорів це не підтверджують. Дійсно, на початку зустрічі обговорювалось питання відношення Генеральних штатів до миру і посередницькій ролі Англії. Але згодом до такого безнадійного питання як посередництво більше не повертались. Головна проблема — взаємовідносини Генеральних штатів і герцога Анжуйського розглядалась в кінці зустрічі. Принц Оранський від імені Генеральних штатів виразив рішучість продовжувати війну і вказав посла на правоспроможність Штатів вибирати собі союзників. Він додавив, що майбутнє договору з герцогом Анжуйським багато в чому залежить від позиції Єлизавети (38). Сучасники подій також відкидали ідею про посередницькі зусилля посольства. Так, у Германії не без підстав вважали головною ціллю посольства намагання переконати Генеральні штати прийняти пфальцграфа Іоана-Казіміра як капітан-генерала збройних сил провінцій (39).

Посли рекомендували королеві піти назустріч вимогам принца Оранського (40). Та літом 1578 р. останній заявив, або королева реально допомагає, або не заважає їм вести переговори (41). В результаті в червні війська герцога Анжуйського увійшли в Нідерланди, а 13 серпня він отримав почесне звання «Захисник вільностей Нідерландів». Штати віддавали в його особисте володіння шадбання, які він зробив за р. Маас, тобто в Люксембурзі та Лімбурзі, поступались трьома містами в заклад і обіцяли віддати перевагу при виборах нового суверена (42). Англійські послы, які висловили протест проти союзу з герцогом Анжуйським, отримали різку відсіч. Втім, самі послы, Уолсінгем і лорд Кобхем, признавали необхідність французької допомоги для досягнення згоди з дон Хуаном (43).

Що ж крилось за перепіттями дипломатичної боротьби березня-серпня 1578 р? Ще на початку весни Єлизавета робила ставку на герцога Анжуйського, який перед вторгненням у Нідерланди розпочав з нею переговори про шлюб. Історики відмічають зв'язок між зростанням політичного значення французького герцога та початком його шлюбних домагань. Вважається, що королева подібним шляхом розраховувала посилити вплив на події без зростання особистих витрат та ризику (44). Але англійська королева помилилась, бо герцог Анжуйський, як справедливо відмітив К. Рід, прикриваючись «шлюбним проектом», зумів відвернути Єлиза-

вету від своїх дій у провінціях (45). Зміцнення позицій герцога в цій країні, успіх його дипломатії спричинили відповідні кроки з боку Англії: влітку 1578 р. Єлизавета орієнтувалась вже не на герцога Анжуйського, як вважав Р. Уерхам (46), а на пфальцьєра Іоана-Казіміра, який повинен був, по її задумці, протистати у Нідерландах усім існуючим політичним і воєнним силам. 7 серпня найманці пфальцьєра перейшли через р. Рейн і ринули у багаті нідерландські землі, грабуючи, руйнуючи все і відмовляючись підкорятись Генеральним штатам. У жовтні Іоан-Казімір остаточно розірвав зі Штатами та принцем Оранським, а потім подався до м. Гент (47). Вважається, що Іоан-Казімір лиш скомпроментував королеву Єлизавету. Однак, як вірно підкреслив Л. Стоун, він фактично зруйнував плани Генеральних штатів, які прагнули, використовуючи герцога Анжуйського, добитись миру з дон Хуаном і зробив розкол між католиками і протестантами, дворянською «партією» Генеральних штатів і принцем Оранським неминучим (48). Дійсно, пфальцьєр Іоан-Казімір фактично втілював у життя задумки королеви Єлизавети — ще більше розпалив у Нідерландах вогонь громадянської війни.

Одночасно з введенням військ Іоана-Казіміра в Нідерланди англійські послы, виконуючи інструкцію, направили свою енергію на розрив позначившогося франко-нідерландського союзу. Визнаючи слабкість англійських позицій у Нідерландах послы вже в котрий раз радили королеві прийняти вимоги принця Оранського (49). Але та не вважала бажаним для себе союз з радикальними силами, з якими на той час уособлювався принц Оранський. До того ж вже виявився результат рейду військ пфальцьєра Іоана-Казіміра і розуміючи, що як політик він вже нічого не зможе зробити в Нідерландах, королева розраховувала за потрібне шукати шляхи до згоди з дон Хуаном (50). Спроба послів домовитись з останнім і створити противіс франко-нідерландському альянсу виявилась безрезультативною. Ця зустріч докладно висвітлена в роботі К. Ріда (51). Проте, було вже і пізно — 1 вересня угода з герцогом Анжуйським набула чинності.

Вересень 1578 р. знаменував зміни англійської зовнішньої політики в Нідерландах: від політики підтримки однієї з політичних сил до політики зіткнення цих сил між собою. Єлизавета дуже негативно відізналась відносно позиції принця Оранського, заявив про можливість розриву дружніх відносин з ним. В свою чергу Генеральні штати, звинувативши

англійську королеву в порушенні угоди, залишили за собою право вибору союзників (52). Така взаємна запеклість тим більш дивна в той момент, коли в Нідерланди вступили французи — факт, що на думку англійських істориків, дуже лякав Єлизавету (53). Ситуація була ще більш незрозумілою, якщо згадати невдачу, яка спіткала, не без допомоги королеви посольство лорда Кобхема і Уолсінгема, відправлене перешкодити проникненню французів у провінції та добитись миру Генеральних штатів з дон Хуаном. Важко погодитись з К. Рідом, що королева порохувала появу французів у провінціях безпечною, а посольство не підтримала, побачивши недосяжність примирення дон Хуана зі Штатами (54).

Справа скоріш у розумінні ситуації у Нідерландах, передбаченні можливих ускладнень, небажаних для Англії. В провінціях поширювався демократичний рух народних мас, що не піддавався ніякому контролю, також як і загони найманців різних іноземних претендентів на владу. Присутність французів надавала привід Іспанії для війни з Францією, а перебування військ пфальцграфа Іоана-Казіміра ускладнювали відносини кальвіністів і католиків. Дуже гострою стала загроза територіального поділу Нідерландів. Герцог Анжуйський претендував на південні прикордонні міста, йому були обіцяні землі за р. Маас, дворянська «партія» провінції Геннегау прагнула відділити валлонські провінції.

Тому громадянська і релігійна війна, де з одного боку були дворянсько-католицькі сили, підтримувані французькими військами, а з другого — кальвіністські та радикально-буржуазні сили з найманцями Іоана-Казіміра, відповідала планам англійського уряду. Розрахунок був якраз на те, що Філіп II, зайнятий нідерландськими справами, нічого не зможе прямо розпочати проти Англії.

Однак королева оставалась спокійною недовго. Герцог Анжуйський, не заслуживши слави на полях битв, вирішив силою здійснити свої честолюбні задумки та спробував осіною 1578 р. двічі, але невдало, захопити столицю провінції Геннегау м. Монс. Тоді дворянська «партія» Геннегау відріклась від невдачливого герцога і вступила в переговори з пармським принцем Александром Фарнезе, сином бувшої правительниці Нідерландів Маргарити, який змінив на посту намісника, померлого 1 жовтня 1578 р. дон Хуана. В січні 1579 р. герцог Франсуа Анжуйський відбув зі своїм військом у Францію. Герцог мотивував свій від'їзд ненавистю нідерландців до французів (55). 6 січня Штати провінцій Ар-

туа, Геннегау і Дуге склали з губернатором «Арраську унію», яка передбачала додержання статей «Гентського умиротворення» і «Вічного едикту», оголошення загальної амністії; вивід іспанських військ, збереження суверенітету Філіпа і католицької релігії. Приєднання до унії нових провінцій і підписаний 27 травня 1579 р. валлонськими провінціями договір, який повністю признавав владу Філіпа II, докорінним чином змінив ситуацію та співвідношення сил в південних провінціях на користь Александра Фарнезе. У відповідь північні провінції на чолі з Голландією і Зеландією утворили «Утрехтську унію». Поміркова католицька більшість Генеральних штатів займала проміжне положення, розраховуючи на компроміс з Філіпом II. У підсумку розгорнулась війна між південними католицькими провінціями у союзі з іспанцями та північними кальвіністськими провінціями. Це привело до того, що кінець 70-х рр. характеризувався значним послабленням інтересу королеви Єлизавети до «нідерландського питання» і взагалі до європейських подій. Висловивши обурення Генеральним штатам відносно від'їзду герцога Анжуйського (56), вона відізвала у травні 1579 р. свого представника у Нідерландах, не визначивши його наступника (57).

Залишившись без союзників, Генеральні штати пішли на переговори у м. Кельн з представником Філіпа II. Знову Штати дискутували питання іноземної допомоги. Один із самих близьких радників принца Оранського де Сінт-Альдегонде запропонував депутатам Штатів вибрати між Іспанією і Францією. В червні 1579 р. почались нові переговори Генеральних штатів з герцогом Анжуйським, які продовжувались і у 1580 р. (58).

Між тим, у самих Нідерландах не всі були згодні з вибором нового суверена. Частина провінцій підтримувала кандидатуру герцога Анжуйського, північні провінції висували принца Оранського (59). Брат останнього Іоан Нассауський, голова «Утрехтської унії», вважав безперспективним кроком вихід із складу германської імперії. Представники Антверпена заявили, що нідерландський народ може обійтись без французького герцога, узявши на себе захист та правління країною. Проти цього різко виступив де Сінт-Альдегонде (60). Накінець, після тривалих переговорів у Генеральних штатах, 23 січня 1581 р. вони визнали герцога Анжуйського «государем і правителем Нідерландів», а 26 липня 1581 р. опублікували «Акт про повалення Філіпа II».

Впродовж всього цього періоду (1579—1581 рр.) англійські політики, визнаючи громадянську війну в Нідерландах вигідною з точки зору цілей зовнішньої політики Англії, займали позицію спостерегача. Та повністю відмовитись від можливості втручання у нідерландські справи Єлизавета не могла. Тому у 1579 р. відродився проект шлюбу королеви з герцогом Анжуйським (61). Обговорюючи в Таємній раді політичні перспективи у Нідерландах, Берлі пропонував виходити з факту остаточного розриву Голландії з Іспанією. Тому, роблячи ставку на герцога Анжуйського, «нідерландське питання» і шлюб королеви, розглядати у сукупності (62). Тому неможливо згодитись з Д. Блеком, який оголосив переговори про шлюб ключем до дипломатії того часу (62). Бо коли герцог підписав угоду з Генеральними штатами, Єлизавета майже не прореагувала на цю подію (64). У 1580 р. новий чинник європейської політики значно вплинув на континентальну дипломатію королеви: іспанський король Філіп II заявив претензії на корону Португалії. Тим самим, нідерландський напрям англійської політики відходив на другий план. Створювались умови для нового зближення Англії і Франції, незважаючи на те, що цілі їх при цьому багато в чому не співпадали.

Єлизавета, намагаючись втягти Францію у війну з Іспанією, прагнула використати у своїх планах і португальське питання, і династичні претензії французького королівського дому, залобки захопленого би Нідерланди під владу одного із своїх членів, і побоювання Парижу можливістю виникнення нової релігійної війни. У свою чергу, король Франції, розраховуючи втягнути Єлизавету у війну з Філіпом II, обумовив нідерландський похід свого брата прямою участю в ньому Англії (65). При таких обставинах відбулось посольство Уолсінгема до Франції з метою заключення наступального та захисного союзу, шлюбного договору та секретної угоди з Нідерландами (66). Уолсінгем прекрасно зрозумів своє завдання. «Головне питання, — писав він Єлизаветі, — забезпечити дружбу між королем та Вами без укладення шлюбу» (67). Виявивши прихильність до подібного компромісу, герцог Анжуйський став вимагати від Єлизавети 100 тисяч крон, як засіб забезпечення нідерландської експедиції (68).

У Франції Уолсінгему прийшлося зіткнутись з серйозними труднощами, бо при французькому дворі не забули слів, які висказав Морвіль ще в 1572 р., що Єлизавета прагне

«сидіти у вікна і спостерігати» за війною Франції та Іспанії (69). Не допомогли запевнення Уолсінгема Єкатерині Медічі про твердість позиції Англії, гарантом чого буде служити перехід контролю над англійською торгівлею до герцога Анжуйського (70). Кінець кінцем Єлизавета просто передала у серпні 1581 р. герцогу 30 тисяч фунтів стерлінгів, надав йому можливість вторгнутись у Нідерланди і захопити м. Камбре. Втім, гроші досить скоро закінчились і герцог Анжуйський вже в жовтні 1581 р. прибув до Англії (71). Отримавши нову позику у розмірі 60 тисяч фунтів стерлінгів (72), він, після багаторазових закликів голландців, французів і англійців у лютому 1582 р. відбув до Нідерландів. Через графа Лестера королева Єлизавета попрохала принца Оранського подовше затримати герцога у фламандських ботах (73).

На той час Нідерланди як єдине ціле практично не існували. Прибічники іспанського короля, різні за соціальним складом католицько-аристократичні групівки південних провінцій, оранжисти — прибічники принца Оранського, провінції Утрехтської унії, радикальнокальвіністська опозиція, окремі міста, купецька олігархія, Генеральні штати і Штати окремих провінцій — усі кинулись вирішувати свої справи. Це неодноразово відмічав у своїх донесеннях з Нідерландів до Уолсінгема англійський агент Томас Стоукс (74). Показово, що провінції Голландія і Зеландія не признали герцога Анжуйського своїм сувереном, а Єлизавета, яка твердила, що ні за що не допустить посилення Франції у Нідерландах (75), дізнавшись про появу у провінціях французьких військ маршала Бірона, лише перестала фінансувати герцога Анжуйського. По відношенню до Генеральних Штатів королева зайняла жорстку позицію, вимагаючи виплати боргів по раніш отриманих позиках (76). Цим вона фактично зривала плани герцога Анжуйського, бо Штати відмовлялись давати тому гроші і війська. Така політика Англії сприяла розповсюдженню слухів про підтримку Єлизаветою принца Пармського, який добився у 1582 р. значних воєнних успіхів (77). Хоча прямо це документально не підтверджується, такі коливання політики королеви вірогідні. Справа у тому, що надії на перетворення Португалії у «другі Нідерланди» (78) не виправдались: вже 28 червня 1581 р. Філіп II урочисто вступив у Ліссабон, а літом слідуючого року прибічники підтримуваного Францією португальського претендента дона Антонію потерпіли поразку. А ще до цього Філіп II

уклав угоду з султаном Османської імперії, що дозволило йому збільшити фінансування знову з'явившихся у Нідерландах весною-літом 1582 р. іспанських військ принца Пармського, які захопили фортецю Уденарде (79).

Не виявивши себе ні на військовому, ні на політичному поприщі, витративши гроші, герцог Анжуйський, відчувши, як нідерландці, за його словами, «перетворюють його на Матвія», у січні 1583 р. спробував захопити декілька міст країни (80). Народні маси героїчним опором зірвали плани французів. Герцог Анжуйський в червні 1583 р. відступив у Францію, а принц Оранський і Генеральні штати після того як принц Пармський у липні 1583 р. захопив ряд міст, перетікали з Антверпену на північ. Однак принц Оранський не перервав відносини з герцогом Анжуйським, хоча народні маси вже мало вірили і тому, і другому.

Втративши політичну опору у Нідерландах Єлизавета весною-літом 1583 р. знову зробила ставку на герцога Анжуйського, незважаючи на його поразку. Тому вона направляла зусилля на зглаженні розбіжностей між ним і Генеральними штатами. Останні все ж віддавали перевагу безпосереднім контактам з Єлизаветою і прямо звертались з проханням про допомогу до неї. Це визначалось орієнтацією правлячих кіл провінцій на іноземне втручання. Один із провідних політичних діячів провінцій де Сінт-Альдехонде у своїй роботі того часу «Нагадування наймогутнішим і найсвітлішим монархам» доказував необхідність допомоги європейських країн, так як власними силами Нідерланди не зможуть перемогти Іспанію. Але Штати настановились на тверду відмову королеві, яка наполягала на поверненні коштів, узятих провінціями по позиках. Як компенсацію витрат, вона була готова захопити один із голландських торговельних флотів, що йшли в Іспанію (81). Головне, що королева не бажала здійснювати ніяких дій у континентальній політиці.

Тим часом, літо-осінь 1583 р. принесли нові успіхи принцю Пармському: його війська взяли м. Дюнкерк, Аксел, Хюлет і підійшли до Генту. А цей час був витрачений графом Лестером, Уолсінгемом і голландським представником Ортелом на безуспішні спроби переконати королеву та Берлі посприяти Штатам (82).

Англійська політика 1583—1585 рр. не багата зовнішніми подіями. «Нідерландське питання» тимчасово відійшло на другий план. Зростала напруга на кордонах Англії. У Манстері продовжувалось повстання ірландців, хоча головні

їх сили були вже розбиті. Але значною небезпекою став позначившийся з початку 1584 р. зворот Шотландії до союзу з католиками Франції, панським Римом та Іспанією. У Франції католики на чолі з Гізами склали в кінці 1584 р. спілку з Філіпом II для «викорінення ересі» у Франції, Нідерландах і усунення Генріха Наварського від трону. Тому розпочаті нідерландськими Штатами нові переговори з герцогом Анжуйським, а після його смерті літом 1585 р. з королем Франції досить спокійно сприймалися у Лондоні. Правда, Уолсінгем вважав, що потрібні спільні франко-англійські дії у Нідерландах. Та на противагу йому королева продовжувала тільки витолошувати промови про «захист народу Нідерландів і його старовинних привілеїв і вільностей». В цілому Англію влаштовувало утягування Франції на шлях конфронтації з Іспанією. І тільки коли не спрацювали всі інші плани вирішення «нідерландського питання», не пов'язані з безпосереднім втручанням Англії, Єлизавета в кінці серпня 1585 р. прийняла рішення про відправку англійської експедиції у Нідерланди (83). Але це вже новий етап англійської зовнішньої політики.

Таким чином, англійська політика у «нідерландському питанні» в 1576—1585 рр. притерпіла значну еволюцію. З одного боку позиція Англії формувалась як складова частина її континентальної політики, а з другого — визначалась протиборством сил у самих провінціях. В загальноєвропейському контексті ставка робилась на перетворення Нідерландів в арену іспансько-французької війни, яка відволікала б в першу чергу Іспанію від самої Англії. Внаслідок втручання французів і німців, інспірованого англійськими політиками, громадянська війна у Нідерландах в кінці 1570-х — початку 1580-х рр. розгорнулася з новою силою. В цілому англійська політика пройшла шлях від формального союзу з одною із політичних сил (спочатку з іспанською адміністрацією, потім з феодально-католицькими Генеральними штатами) до політики зіткнення військово-політичних сил у провінціях між собою. Таку позицію Англії в «нідерландському питанні» в контексті європейської політики королеви Єлизавети можливо охарактеризувати як тактику «активного вичікування».

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Lockyer R. Tudor and Stuart Britain, 1471—1714. — L., 1966; MacCaffrey W. T. Queen Elizabeth and the Making of Policy, 1572—1588. — Princeton, 1981; Black J. B. The Reign of Elizabeth. — Oxford, 1937; Rowe A. The Expansion of Elizabethan England. — L., 1955; Crowson P. S. Tudor Foreign Policy. — L., 1973; Read C. Mr. Secretary Cecil and Queen Elizabeth. — L., 1955; Bindoff S. T. Tudor England. — L., 1951; Wernham R. B. Before the Armada: the Growth of English Foreign Policy, 1488—1588. — L., 1966; Wilson C. Queen Elizabeth and the Revolt of the Netherlands. — L., 1970; Parker G. Spain, her Enemies and the Revolt of the Netherlands, 1559—1648//Past and Present. — 1970. — № 49.
2. Чистозвонов А. Н. Английская политика по отношению к революционным Нидерландам (1572—1585)//Средние века. — Вып. 5. — М., 1954.
3. Пиренн А. Нидерландская революция. — М., 1937. — С. 191—192.
4. Kervyn de Lettenhove J. M. Relations politiques des Pays-Bas et de l'Angleterre sous le regne de Philippe II. — Dans II t. — Bruxelles, 1882—1900. — Т. 8. — P. 118—123; (Надали — Kervyn de Lettenhove); Calendar of State Papers. Foreign series of the reign of Elizabeth. — In 23 v. — L., 1863—1950. — V. 11. — № 574; (Надали — CSP. For.).
5. Пиренн А. Указ. соч. — С. 200, 203; Elliot J. H. Imperial Spain, 1469—1716. — N. Y., 1964. — P. 258.
6. Journal of Sir Francis Walsingham, from dec. 1570 to april 1583. Ed. by C. Martin//Camden Miscellany. — V. 6. — L., 1871. — P. 29; Kerveyn de Lettenhove. — Т. 9. — P. 85—90, 315.
7. Gachard L. P. Correspondence de Philippe II sur les affaires des Pays-Bas. — Т. 4. — Brussels, 1855. — P. 134.
8. CSP. For. — V. XI. — № 1322; Petricc C. Don John of Austria. — L., 1967. — P. 290.
9. Tudor Tracts, 1532—1588. Ed. by A. F. Pollard. — L., 1903. — P. 447.
10. Ibid. — P. 425.
11. CSP. For. — V. 11. — № 1187; Kervyn de Lettenhove. — Т. 9. — P. 23—24.
12. Calendar of Letters and State Papers relating to English affairs, preserved principally in the archives of Simancas. — L., 1894. — P. 533, 535—536, 541; (Надали — CSP, Spain); CSP. For. — V. 11. — № 974, 1191, 1233.
13. Пиренн А. Указ. соч. — С. 203.
14. Read C. Mr. Secretary Walsingham and policy of Queen Elizabeth. — V. 1. — Oxford, 1925. — P. 345.
15. Pollard A. F. The History of England from the accession of Edward VI to the death of Elizabeth. — L., 1910. — P. 345.
16. CSP. For. — V. 11. — № 550.
17. Read C. Walsingham and Burghley in Queen Elizabeth's Privy Council//English Historical Review. — 1913. — V. 23. — № 109. — P. 34—39, 42—43.
18. Wilson C. Op. cit. — P. 123.
19. Pollard A. F. Op. cit. — P. 344—345.
20. Kervyn de Lettenhove. — Т. 9. — P. 211.
21. Ibid. — P. 309—314, 356—358.
22. Ibid. — P. 452—453.
23. Ibid. — P. 444—446.
24. Read C. Mr. Secretary Walsingham... — V. 1. — P. 353.

25. Kervyn de Lettenhove. — Т. 9. — P. 540—542; Wernham R. B. Op. cit. — P. 330—331.
26. Осипова Т. С. Освободительная борьба ирландского народа против английской колонизации (вторая половина XVI — начало XVII в.). — М., 1962. — С. 108—109.
27. Journal... — P. 34.
28. CSP. For. — V. 12. — № 47.
29. Kervyn de Lettenhove. — Т. 10. — P. 85—88.
30. A general collection of treaties, manifestes, contractes, contractes of marriage, renunciations and other public papers, from the years 1495 to the years 1712. — V. 2. — L., 1732. — P. 81—82.
31. Пиренн А. Указ. соч. — С. 230; Read C. Mr. Secretary Walsingham... — V. 1. — P. 365; Чистозвонов А. Н. Нидерландская буржуазная революция. — М., 1958. — С. 114.
32. Calendar of State Papers, relating to English affairs, preserved principally at Rome, in Vatican archives and library. — V. 2. — L., 1926. — № 786 (Надали — SP. Rome); Kervyn de Lettenhove. — Т. 10. — P. 342—343.
33. CSP. For. — V. 11. — № 830; Journal... — P. 36; Kervyn de Lettenhove. — Т. 10. — P. 319—320.
34. Read C. Mr. Secretary Walsingham... — V. 1. — P. 375; Чистозвонов А. Н. Нидерландская буржуазная революция. — С. 115.
35. Kervyn de Lettenhove. — Т. 10. — P. 481—482, 490—493.
36. Ibid. — P. 465—467; CSP, Rome. — V. 2. — № 876, 895.
37. Black J. B. Op. cit. — P. 299; Wernham R. B. Op. cit. — P. 334.
38. Kervyn de Lettenhove. — Т. 10. — P. 558—564.
39. CSP, Rome. — V. 2. — № 891.
40. Kervyn de Lettenhove. — Т. 10. — P. 588—590.
41. Ibid. — P. 600—604.
42. CSP, Rome. — V. 2. — № 932, 934.
43. Kervyn de Lettenhove. — Т. 10. — P. 689—693, 708—709, 720—722.
44. Pollard A. F. Op. cit. — P. 344.
45. Read C. Mr. Secretary Walsingham... — V. 1. — P. 396—397.
46. Wernham R. B. Op. cit. — P. 336.
47. CSP, Rome. — V. 2. — № 900.
48. Stone L. An Elizabethan: Sir Horatio Palavicino. — L., 1956. — P. 70.
49. Kervyn de Lettenhove. — Т. 10. — P. 724—727.
50. CSP, Rome. — V. 2. — № 924.
51. Read C. Mr. Secretary Walsingham... — V. 1. — P. 408—412; Petrie C. The Great Tyrconnel: a Chapter in Anglo-Irish relations. — Dublin, 1972. — P. 325—326.
52. Kervyn de Lettenhove. — Т. 10. — P. 798—799, 806—809.
53. Read C. Mr. Secretary Walsingham... — V. 2. — P. 2; Wernham R. English Policy and the Revolt of the Netherlands//Britain and the Netherlands. — V. 1. — L., 1960. — P. 29—31.
54. Read C. Mr. Secretary Walsingham... — V. 1. — P. 421.
55. Чистозвонов А. Н. Крестьянские движения в период нидерландской революции//Средние века. — Вып. 4. — М., 1952. — С. 198—200.
56. Чистозвонов А. Н. Английская политика... — С. 216.
57. CSP, For. — V. 13. — Preface. — P. 2.
58. Read C. Lord Burghley and Queen Elizabeth. — N. Y., 1960. — P. 227.
59. Pollard A. F. Op. cit. — P. 349.

60. Любович Н. Н. Марникс де Сент-Альгедонд, как политический деятель. — Киев, 1910. — С. 123—134.
61. Read C. Lord Burghley... — P. 207—221.
62. CSP, For. — V. 14. — P. 343, 348.
63. Black J. B. Op. cit. — P. 306.
64. Read C. Lord Burghley... — P. 229.
65. CSP, For. — V. 14. — P. 520; Camden W. The History of the most renowned and victorious Princess Elizabeth Late Queen of Elizabeth. Ed. by W. T. MacCaffrey. — Chicago, 1970. — P. 134—135.
66. The Compleat Ambassador. Ed. by D. Digges. — L., 1655. — P. 355—356.
67. Ibid. — P. 391.
68. Ibid. — P. 367—368.
69. Sutherland N. M. The Massacre of St. Bartholomew and the European conflict, 1559—1572. — L., 1973. — P.
70. The Compleat Ambassador. — P. 369—370.
71. Ibid. — P. 44; Wernham R. B. Before the Armada. — P. 362.
72. CSP, For. — V. 15. — P. 361, 409.
73. CSP, Spain. — V. 3. — P. 295; Camden W. Op. cit. — P. 142—143.
74. CSP, For. — V. 15. — P. 346, 415, 466.
75. CSP, Spain. — V. 3. — P. 346.
76. CSP, For. — V. 15. — Passim.
77. Pollard A. F. Op. cit. — P. 351.
78. CSP, For. — V. 14. — P. 188.
79. Braudel F. La Méditerranée et le Monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. — P., 1949. — P. 1008—1030; Parker G. The Dutch Revolt. — L., 1979. — P. 209.
80. Camden W. Op. cit. — P. 143; Parker G. The Dutch Revolt. — P. 206.
81. CSP, For. — V. 18. — P. 43, 73, 120—122.
82. CSP, Spain. — V. 3. — P. 498; Pollard A. F. Op. cit. — P. 392.
83. Демин О. Б. Из истории экспедиции графа Лестера в Нидерланды//Вопросы новой и новейшей истории. — Вып. 38. — Киев, 1992. — С. 134—137.

Е. В. ПОЛЕВЩИКОВА

**У ИСТОКОВ «ПАМФЛЕТНОЙ ВОЙНЫ»
КОНЦА XVIII ВЕКА (К ИСТОРИИ СПОРОВ
ВОКРУГ «БЕСЕДЫ О ЛЮБВИ К НАШЕЙ СТРАНЕ»
Р. ПРАЙСА)**

Осенью 1788 г. английское общество с размахом праздновало столетнюю годовщину Славной революции. В юбилейных торжествах, прошедших по всему королевству, приняли участие официальные лица, представители всех политических группировок. И в столичной прессе, и в сообщениях, прибывших из Эдинбурга, Дублина и других городов страны, признавалась исключительная роль Вильгельма Оранского, при котором британским подданным были «дарованы свободы». Спустя же несколько месяцев большинство англичан с воодушевлением приветствовали начало событий, освободивших французов от тирании Старого порядка.

Славную революцию в Англии и Великую Французскую революцию разделяло столетие, вместившее целую историческую эпоху: XVIII век, век Просвещения с его иллюзиями и разочарованиями. Зарождение этой эпохи было исполнено самых радужных надежд, конец столетия одним казался их воплощением, а у других порождал мрачные прогнозы... Но столь непохожие события связаны друг с другом как звенья одной цепи, как пролог и эпилог еще одной драмы истории, единство композиции которой достигалось в значительной мере общностью социально-политических теорий, в конце XVII в. сформулированных в классическом виде «сыном классового компромисса 1688 г.» Джоном Локком и ставших «политическими принципами» 1789 г. На пути от Билля о правах до Декларации прав человека и гражданина в политическую лексику XVIII в., в сознание современников все прочнее входило представление о правах и свободах человека. Не утихали споры о содержании этих понятий, вовлекая все новых участников. Одна из самых острых дискуссий по ключевым проблемам просветительской мысли в конце сто-

летия, сопровождавшаяся очередной «памфлетной войной», была начата видным английским философом-моралистом, диссентерским проповедником Ричардом Прайсом (1723—1791). В исторической и философской литературе рассмотрены главным образом его философские взгляды и религиозные убеждения, в меньшей степени — участие доктора Прайса в политических кампаниях и дискуссиях своего времени (1). В данной статье предпринята попытка освещения резонанса в английском обществе, вызванного последним крупным выступлением Прайса-политика. Эта проповедь была одним из первых сочинений, в котором на рассуждения о событиях 100-летней давности падал ответ начавшейся революции во Франции, актуализируя как достижения Славной революции, так и доставшиеся в наследство XVII в. нерешенные проблемы политической системы Великобритании.

Для воссоздания исторического контекста этого события, тесно связанного с деятельностью Лондонского Общества революции, были привлечены материалы из Воронцовского фонда Научной библиотеки Одесского университета (памфлетная литература, трактаты, пресса 1788—1798 гг.).

Итак, юбилейные торжества привели к оживлению политической жизни Великобритании. В ознаменование столетия Славной революции, ставшей важным рубежом в истории нового времени, в столице и провинциальных городах состоялись торжественные богослужения, многочисленные иллюминации, праздничные банкеты и юбилейные заседания многих клубов и политических обществ. По данным исследователей, только в Лондоне юбилейные обеды организовали семь крупных клубов и несколько более мелких (2). Существовавшие во многих городах страны Общества революции готовились отметить 1788 г. как «праздник политической свободы» (3). Самым влиятельным среди них было Лондонское общество революции, имевшее обычай устраивать банкет в годовщину революции 1688 г. — 4 ноября (4).

Осенью 1788 г. английские газеты и журналы сообщили своим читателям о банкете в «Лондонской таверне» под председательством графа Стэнхоупа, на котором присутствовало около 800 человек, а также об иллюминации, устроенной участниками встречи. Убранство помещения имело все атрибуты события 100-летней давности: портреты Вильгельма III, аллегорические изображения Великобритании с Биллем о правах в руках. Праздничному банкету предшествовала служба, на которой с проповедью выступил преподобный доктор

Киппис (5). В честь этого события члены Общества революции вместе с клубом вигов задумали проект возведения памятной колонны. Многолюдными были банкеты Конституционного общества и клуба вигов (6).

Последняя треть XVIII в. была ознаменована появлением целого ряда политических клубов и обществ либерального толка, составивших одну из традиций политической жизни Англии и игравших важную роль в формировании общественного мнения страны. Наряду с парламентариями, титулованными аристократами, видными деятелями политической оппозиции в период правления Георга III в политические общества все чаще вступали выходцы из средних слоев английского общества, среди которых было немало последователей различных протестантских сект, отделившихся от англиканской церкви неконформистов. Неконформистские группы диссентеров активно вовлекались в политическую жизнь Великобритании тех лет (7). Одни (Джон Картрайт, Джеймс Бург, Томас Б. Холлис и др.) еще со времени англо-американского конфликта были опытными участниками политических дискуссий, кампаний внепарламентской оппозиции, другие (Уильям Годвин, Мэри Уолстонкрафт, Томас Уокер) делали свои первые шаги на новом поприще. Вместе с либерально настроенными членами английской церкви (в их числе исследователи называют Кр. Уайвилла, Дж. Джебба, Дж. Хорн Тука, Гр. Шарпа) диссентеры составили костяк образованного в 1780 г. Общества конституционной информации, включившись в движение за демократизацию политического строя Великобритании в конце XVIII в. и парламентскую реформу, необходимость проведения которой становилась все очевиднее в эпоху начавшейся промышленной революции (8).

Как отмечает английская исследовательница Дж. Грэм в своей критике состояния гражданских прав в Британской империи члены этой группы прибегали к языку Общества сторонников билля о правах, родившегося на гребне движения внепарламентской оппозиции, возглавляемой в 1768—1769 гг. неутомимым лидером Общества — Джоном Уилксом (9). (Впрочем, на мой взгляд, нельзя преувеличивать сходство позиций уилкитов и собравшихся в «Лондонской таверне» осенью 1788 г.). И хотя исследователи затрудняются точно определить число постоянных членов Лондонского Общества революции (10), нет сомнения, что среди них также было немало диссидентствующих проповедников, как, например, уже упоминавшиеся Э. Киппис и Р. Прайс. Имён

но Р. Прайс, а также знаменитый естествоиспытатель, ученый и философ Джозеф Пристли (1733—1804) были подлинными интеллектуальными лидерами английского диссента 1770—1780-х годов, примыкавшими к группе «истинных вивов» (11).

Первые интеллектуальные успехи пришли к Р. Прайсу и его младшему другу в диссентерских академиях, где будущие философы формировались в типичной для этой культурной среды атмосфере уважения прав и свобод личности, и прежде всего — свободы совести, религиозной терпимости, высокого статуса научных знаний и приоритета нравственных начал. В теологическом и общеполитическом плане между Дж. Пристли и Р. Прайсом, связанными узлами многолетней дружбы и высоко ценившими взгляды и уважавшими моральные качества друг друга, сохранялись глубокие расхождения: Дж. Пристли был унитарием, в то время, как Р. Прайс принадлежал к арианскому течению английских диссидентов; первый известен как яркий представитель английского материализма XVIII в., второй же оставался на позициях философского идеализма. Что же касается социально-политических воззрений, то они во многом совпадали у этих мыслителей, сыгравших заметную роль в формировании политической философии своего поколения. По мнению известного английского ученого Л. Стивена, в их произведениях «мы впервые улавливаем истинно революционный тон. Либеральные диссентеры, которых они оба представляли, составляли хребет партии реформ в Англии» (12).

Для англиканского большинства населения страны были все еще характерны стойкие предубеждения в отношении диссентерских меньшинств. Неприятие взглядов одного из наиболее радикально настроенных диссентеров — Дж. Пристли наглядно проявилось в погроме его дома и лаборатории в Бирмингеме, учиненного толпой в ходе городских волнений 1791 г. (13). В прессе публиковались многочисленные свидетельства подобных предубеждений и выпадов против Дж. Пристли и Р. Прайса. По выражению одного из корреспондентов консервативного «Джентельменз мэгэзин», нельзя оставлять без внимания призывы этих «беспокойных умов» (14). «У Франции был Вольтер, у Англии есть Пристли», — писал другой автор этого издания и советовал сжечь все книги английского ученого (15).

«Антидиссентерская» кампания особенно оживилась в связи с начавшимися в парламенте слушаниями вопроса об

отмене Акта о присяге (согласно этому закону, принятому в 1673 г., претендующий на государственную должность был обязан принять причастие в соответствии с обрядом англиканской церкви). Диссентеры уже давно добивались отмены содержащихся в нем дискриминационных ограничений своих прав: они были практически отстранены от парламентской и муниципальной деятельности (16). В 1773 г. был принят билль о послаблениях протестанским диссидентам, а кампания за отмену актов продолжалась, порождая поражения и в 1787 г., и в 1789 г. Дж. Пристли и Р. Райт приняли самое активное участие в этих кампаниях. В письме, опубликованном в «Джентельменз мэгэзин», эти попытки были расценены как попытки вовлечь протестантов в борьбу против основ политического устройства Великобритании. Автор письма напоминает, что именно диссентеры поддержали восстание колонистов в Северной Америке (17).

Обвинения в адрес диссентеров в распространении революционных настроений участились с началом Великой французской революции. Весьма любопытна заметка в «Лондон кроникл», помещенная в газете в сентябре 1789 г. Включившись в дискуссию об отмене указанных законов, один из корреспондентов газеты инкриминирует диссидентам разжигание внутривнутриполитических страстей и предлагает подобным опасным для общественного порядка элементам переехать «во Францию или Америку» или любое другое место, где можно наслаждаться раздорами и мятежами», туда, где бесправный король содержится в заключении, а знать лишена всех своих титулов и привилегий, где разграблены церкви и приюты, а отпущенные на свободу преступники помогают бунтовщикам, где попораны законы и уничтожен порядок. «Именно такую свободу наши современные патриоты и реформаторы, которым нечего терять, желали бы видеть и в нашей стране, но мы надеемся, что они будут разочарованы», — заключал автор, скрывавшийся под псевдонимом «Пацификус» (18). Несмотря на очевидную предвзятость «миролюбивого» корреспондента, в этой заметке показательно восприятие диссентеров многими англичанами в качестве сторонников революционных перемен в Северной Америке и Франции. Насколько правомерны были эти оценки? В историографии проблемы поиски ответа на этот вопрос занимают значительное место. Определенный интерес в этом контексте представляет, на мой взгляд, обращение к свидетельствам о Лондонском Обществе революции и в пер-

вую очередь — к прозвучавшей перед его членами проповеди Р. Прайса.

Как известно, английские диссентеры различных направлений в целом поддержали освободительное движение в Северной Америке, выступив в 1770-х гг. против ужесточения колониального курса британского правительства. К тому же многих из них (в том числе Р. Прайса и Дж. Пристли) связывали дружеские узы с единомышленниками за океаном. Объяснение реакции этой части английского общества на события во Франции в конце XVIII в. представляет собой более сложную исследовательскую задачу. Дело в том, что сложившееся и даже враждебное отношение многих англичан к диссентерам было в значительной мере результатом продуманной многолетней кампании. Нагнетание панических настроений, своего рода «психологический» террор, развязанный властями в 1790-е гг. по отношению к инакомыслящим, — все это приводило к тому, что многие диссентеры с рвением демонстрировали свою лояльность к существующим порядкам, стремясь показать себя защитниками стабильности в обществе (что не исключало весьма радикальных позиций таких деятелей, как Дж. Пристли). Однако связанные с отмеченными обстоятельствами проблемы возникают при обращении к ситуации, сложившейся в английском обществе со второй половины 1791 г., когда восприятие событий во Франции все больше разъединяло, а не объединяло либеральное общественное мнение Великобритании. Выводы же историков о реакции английского общества на первые месяцы Великой французской революции на редкость единодушны. Как отмечает Е. Б. Черняк, «французская революция вызвала вначале самый благоприятный отклик в Англии и у настроенного в духе просветительских идей либерального общества, и у вигов, видевших во французском 1789 г. повторение английского 1688 г.» (19). Революцию во Франции приветствовали все участники движения за реформу в Англии, но особое воодушевление она вызвала среди диссентеров, получивших мощный импульс для активизации борьбы против ущемления своих прав: «девять из десяти англичан, симпатизировавших революции, не принадлежали к церкви Англии» (20). Положение диссентеров в Великобритании выглядело особенно одиночно на фоне «внезапной победы... терпимости» в первые месяцы Французской революции (21).

Надежды, вызванные революционными событиями за Ла-Маншем, которые питали критически настроенные к ситуации в собственной стране англичане, выражает анонимный памфлет «Размышления о возможном воздействии Французской революции на Великобританию», изданный в 1790 г. Его автор, анализируя отношение своих соотечественников к событиям во Франции, полагает, что, если бы их последствия серьезно и без предубеждения учитывались в Англии, вся страна без исключения была бы охвачена «восхищением, близким к энтузиазму» (22). Заслуживает ли имени англичанина сохраняющий холодное безразличие при виде того, как Франция раскрепощается, пробуждаясь от летаргии, рвет свои цепи и с беспримерным в истории единодушием требует свободной Конституции, при виде того, как рушится тирания, отворяются двери темниц? — риторически восклицал автор памфлета. Вид великих перемен, произведенных во Франции, может уменьшить страх перед новациями, бытующий среди многих англичан, ссылка же на традицию слишком часто служит оправданием существующей порочной практики злоупотреблений в политическом устройстве Великобритании (23). Итак, против Французской революции могут выступать лишь те, чьи интересы не совпадают с интересами нации (гордые пэры, церковники, законники, местечковые тираны, вест-индские торговцы и т. д.), но «империя разума и гуманности» не будет брать их в расчет (24). Автор этого памфлета включился в разгоревшийся в английском обществе спор о сути происходящего за Ла-Маншем и возможных последствиях Французской революции для Англии и всей Европы. Начало этой дискуссии, занявшей важное место в истории общественно-политической мысли конца XVIII в., было положено на очередной встрече Лондонского Общества революции 4 ноября 1789 г. (на ней присутствовали лорд-мэр Лондона и несколько членов парламента), когда в диссентерском молельном доме Олд-Джури с проповедью перед членами Общества выступил доктор Прайс (25). По словам Ф. Брауна, «в тот вечер Прайс вошел в историю» (26).

Широкому кругу читателей гораздо лучше известны отклики на эту проповедь, чем содержание самого выступления Р. Прайса (27). Поэтому выделим основные положения «Беседы о любви к нашей стране» (под таким названием была опубликована проповедь), вызвавшие наиболее живую полемичку среди современников.

Это сочинение Р. Прайса, к тому времени опытного политического мыслителя, крупного авторитета в области статистики, автора известных трактатов (28) можно рассматривать как своеобразную квинтэссенцию его взглядов, выдержанных в духе просветительского рационализма. «Невежество порождает фанатизм, нетерпимость, преследование и рабство». Просветите и наставьте человечество и все эти пороки будут изгнаны, — вот лейтмотив проповеди философа, желавшего наряду с Мильтоном, Локком, Сиднеем, Монтескье, Тюрго «содействовать своими советами распространению среди своих сограждан знаний о своих правах, религии, природе и задачах гражданского правительства» (29).

Взгляды Р. Прайса на природу и сущность общественной свободы вполне укладывались в схему, в основе которой лежали социологические построения Локка, Монтескье, Блэкберна. Общественная свобода предполагает возможность управления гражданским обществом или Государством по своему усмотрению или в соответствии с принятыми им законами, не подвергаясь злоупотреблениям со стороны любой власти (30). Это положение «Замечаний о природе общественной свободы...» Прайса служит теоретическим фундаментом его размышлений о революции 1688 г. Прайс, как и Дж. Пристли, видел в перевороте 1688 г. реализацию права народа смещать и наказывать правителей за злоупотребления, ведь они — лишь «слуги народа» (31), именно народ является «источником власти, целью и опорой правительства», — провозглашал Дж. Бург (32).

В «Беседе...» Прайс вновь напоминает о принципах Славной революции. Они исходили из неотчуждаемых прав человека: свободы совести, права оказывать сопротивление угнетению и права народа «самому выбирать правителей». Опираясь на эти принципы, события 1688 г. не имели ничего общего с мятежом. Прайс подчеркивает бескровный характер свержения деспотизма в 1688 г. и выбора народом монарха, предоставившего гарантии безопасности собственности и свободы убеждений (33). Однако, несмотря на высокую оценку итогов Славной революции, он был убежден в том, что в результате событий 1688—1689 гг. веротерпимость в Англии так и не была вполне достигнута (положение диссентеров было тому доказательством). Но самое важное проявление несовершенства английской конституции после Славной революции — неравенство представительства в стране. Устранение этого фундаментального порока британ-

ской политической системы Прайс считал главной задачей всех истинных патриотов Великобритании (34). Вслед за Дж. Бургом и Дж. Картрайтом — наиболее радикальными сторонниками политических реформ среди английских диссентеров, более осторожный Р. Прайс также писал, что «спасение королевства действительно зависит от реформы парламента» (35). По его мнению для осуществления этой цели наступил, наконец, благоприятный момент. Автор «Беседы...» вдохновенно пишет о благотворных переменах, свидетелем которых ему довелось быть и заканчивает призывом всех «друзей свободы» действовать: «Ваши труды не напрасны... Смотрите, как свет, который вы зажгли, освободив Америку, бросил ответ во Франции... и созревает и освещает всю Европу! Трепещите, угнетатели мира! ...Вы не сможете удержать мир во тьме...» (36). Этот пассаж, исполненный высокой риторики, нельзя назвать типичным для человека, который, по всеобщему признанию, был по натуре рассудительным, спокойным, «умеренным энтузиастом» (37), но волнение переживаемого момента сказалось на заключительных строках «Беседы...», высоко оцененных прессой революционной Франции (38).

В качестве приложения к «Беседе...» была помещена «Декларация прав человека и гражданина», принятая Национальным собранием Франции. Это объяснялось сходством основополагающих идей этого документа и речи Прайса, на что указывал сам автор (39).

Следует отметить, что Общество революции не имело Конституции в строгом смысле этого слова. «Беседу...» Прайса можно в известной степени рассматривать как программный документ этой организации. В докладе Комитета Общества рассмотренные положения проповеди Р. Прайса принимались в качестве основных принципов Общества. На состоявшемся 4 ноября 1789 г. под председательством лорда Стэнхюпа собрании были сформулированы цели Общества. Для пропаганды принципов Славной революции и сохранения ценностей британской конституции предлагалось основать подобные общества по всей стране. Их члены, прочно связанные друг с другом, должны были «создать ...сплоченный союз истинных друзей общественной свободы», столь необходимый для ее сохранения (40).

По предложению Р. Прайса, единодушно поддержанному членами Общества, было принято Обращение к Национальному собранию Франции, в котором шла речь о вдох-

повляющем примере Французской революции для всего мира. Этот факт имел чрезвычайно громкий резонанс, поэтому остановимся несколько подробнее на обстоятельствах данного эпизода.

Английская и французская пресса уделила большое внимание переписке между Лондонским Обществом революции и Национальным собранием Франции, опубликовав фрагменты писем доктора Прайса и графа Стэнхоупа герцогу Ларошфуко. В письме к герцогу Прайс подчеркивал важность деятельности представителей французского народа для всего человечества. Зачитанный в Национальном собрании 25 ноября адрес Лондонского Общества революции был встречен аплодисментами; тогда же герцог Ларошфуко назвал английского проповедника «прославленным апостолом свободы», а его соратников — друзьями свободы и счастья народа» (41).

В годовщину Великой Французской революции 14 июля 1790 г. на банкете под председательством Стэнхоупа присутствовало 652 «сыновей свободы», в том числе много членов Общества революции, а также Горн Тук, Шеридан и другие деятели оппозиции. Прайс поднял тост за союз Франции и Англии, который мог стать гарантией всеобщего мира и счастья (42). Лондонскому Обществу революции представился случай оказать услугу делу мира: когда инцидент между Англией и Испанией грозил втянуть в конфликт Францию, Прайс обратился к Национальному собранию этой страны с миролюбивой речью (43).

Обращение Лондонского Общества революции было зачитано в Национальном собрании Франции летом 1790 г. и воспринято как свидетельство солидарности с революцией. В ходе прений Шарль Ламет предложил воспользоваться этим случаем, «чтобы обратиться к английскому народу через это общество» и убедиться, что прежний соперник (то есть Англия) не имеет намерения покушаться на свободу французов. Это выступление вызвало возражения некоторых членов Национального собрания, заметивших, что Англия «управляется не клубом, а парламентом», и именно с ним и следует вести диалог (44). Несмотря на эти замечания, судя по реакции членов собрания, обращение Лондонского Общества революции имело некоторый эффект.

Позднее в 1791—1792 гг. к Законодательному собранию, а впоследствии и к Национальному Конвенту обращались с приветствиями различные демократические клубы и организации Англии, в том числе Лондонское общество конститу-

ционной информации (45). Таким образом, адрес, направленный осенью 1789 г. Обществом революции, создавал прецедент, следуя которому, корреспондентами деятелей Французской революции стали довольно видные англичане. Впрочем, исследователи предполагают, что важность этой переписки несколько преувеличивалась современниками событий, а впоследствии, когда общественное мнение в Англии определенно настроилось против Французской революции, этот факт обернулся против Лондонского общества и его членов (46).

Главной темой переписки, продолжавшейся до начала 1792 г., было установление гармонии в мире. Однако к идеям Прайса и наиболее пылких поклонников событий за Ламаншем о вечном мире между Англией и Францией отнеслись в целом весьма скептически. Со временем ирония сменилась холодным недоброжелательством, а затем — откровенной враждебностью. Тем не менее следует подчеркнуть любопытный факт: в 1789—1790 гг. в обеих странах раздавались голоса о возможности покончить с традиционной враждой и установить союз давних соперников и даже «стать одной семьей» на основе приверженности народов Англии и Франции идеалам Свободы. Не стоит преувеличивать степень распространенности подобных иллюзий, однако отметим общность посылок к таким парадоксальным выводам.

Здесь уместно вернуться к проповеди Р. Прайса, не случайно озаглавленной «Беседа о любви к нашей стране». Что же понимал под родиной Прайс? Это, по его мнению, «не почва или место на земле, на котором нам случилось родиться; не леса и поля, а то сообщество, членами которого мы являемся ...совокупность ...друзей и родственников... защищенных общими законами и связанных вместе общим гражданским образом правления» (47). Любовь к своей родине, а не ко всему человечеству для Прайса — проявление близорукости. Поэтому «мы должны рассматривать себя как граждан мира и заботиться о поддержании... прав в других странах» (48). В таком же духе рассуждал и автор анонимного памфлета о возможном воздействии Французской революции на английское общество. Он обвинял своих соотечественников в узком национальном эгоизме, напоминая, что «истинные интересы нации никогда не противоречат общим интересам человечества», победа останется за тем, кто будет способствовать счастью всего человечества, «расши-

рять империю разума, гуманности и истинной философии» (49). Именно подобный подход, основанный на приоритете общих интересов человечества в ущерб национальным, «помог» и Прайсу, и автору упоминавшегося памфлета, и некоторым членам Национального собрания Франции сделать прогноз, сколь парадоксальный, столь же и нереальный, игнорирующий всю сумму исторических обстоятельств, относительно возможной гармонии между Англией и Францией. Рецензент «Джентельменз мэгэзин», пытаясь отрезвить наиболее восторженных почитателей Французской революции, вполне точно определил взгляды таких авторов, как «слишком умозрительные и оторванные от реальности», так как они основаны на утверждении о том, что «все люди по природе свободны и равны», что невозможно осуществить в любом гражданском обществе (50). Важное наблюдение делает Дж. Вейч: в результате контактов французских и английских обществ в последних усилиях дух доктринерства и соображения целесообразности, более свойственные национальному характеру англичан, уступали доктрине прав человека (51).

Английская консервативная пресса отразила как традиционно недоверчивое отношение к интеллектуалам-лидерам диссентерских общин, так и растущую враждебность к революционной Франции. В ряде случаев обе темы переплетались. Вновь стала актуальной проблема отношения к Акту о присяге. Его защитники напоминали своим читателям о «свидетельствах вульгарности и зловредности», содержащихся в проповеди доктора Прайса и усматривали в выступлениях диссентеров опасный источник заблуждений и нестабильности (52). Довольно нелицеприятные выпады против проповеди и ее автора не были редкостью в таких изданиях как «Джентельменз мэгэзин». Уже после смерти Р. Прайса в журнале печатались упреки в его адрес в предательстве родины ради «французской черни» (53) в стремлении подражать парижским обществам и клубам, в разрушении авторитетов. Опасными представлялись уже известные нам рассуждения Прайса о том, что стать гражданином мира вовсе нетрудно и что подлинная любовь к своей стране отнюдь не заключается в стремлении к ее процветанию за счет других народов, а как раз наоборот (54). Красноречивый псевдоним взял один из оппонентов Р. Прайса — «Анти-Прайс» (55). Свои возражения Прайсу высказали и те, кто подписывался именем «честного вига». В этой заметке дана высо-

кая оценка личных качеств и добродетелей доктора Прайса, а подробный анализ проповеди включал рассуждение о «фанатизме свободы» (56). Обозреватель «Мансли ревью» был более лоялен к лидеру английских диссентеров. Возражая против резких обвинений «этого честного человека», он, однако, отметил особую склонность доктора к абстрактной идее народного суверенитета (57). Позднее, в конце 1790-х гг. тон обсуждения будут задавать издания типа «Антиякобинского обозрения», публиковавшего многочисленные выпады против диссентеров, настойчиво внушавшего своим читателям, что и доктор Прайс, и доктор Пристли — «подстрекатели, смутьяны», призывавшие к мятежу. Поэтому и революция во Франции была воспринята английскими диссентерами «с энтузиазмом, граничащим с безумием» (58). При этом в качестве доказательства ссылались именно на «Беседу...» Прайса, в которой можно «найти немало пассажей самого опасного свойства». О позиции, занятой этим изданием по отношению к событиям во Франции, многозначительно говорит само его название...

Напомним, однако, что вплоть до 1790 — начала 1791 гг. в высказываниях англичан о французских делах преобладали доброжелательные тона. К тому же многие английские либералы полагали, что революция во Франции близится к завершению и вполне уместно внимательнее присмотреться к ее опыту и проведенным реформам (59). Поэтому выступление в парламенте 9 февраля 1790 г. самого блестящего оратора вигской оппозиции Эдмунда Берка (1729—1797) стало своеобразной сенсацией. Берк был первым государственным деятелем Великобритании, охваченным ужасом перед Французской революцией, — пишет Т. Мэй (60). Берк отметил опасный характер примера Франции, установившей кровавую, жестокую и тираническую демократию. Французы за два месяца разрушили то, что нельзя восстановить за несколько столетий, они опрокинули монархию, церковь, законы, армию, торговлю, конституцию (61). Берк предположил также, что события во Франции приведут к расколу в рядах прежних сторонников в английском парламенте. И оказался прав. Граф Стэнхоуп опубликовал открытое письмо Э. Берку (62); ему возражали и Ч. Дж. Фокс, Р. Б. Шеридан — самые крупные и яркие фигуры среди либерально настроенных вигов. Шеридан заявил, что Берк оклеветал поборников свободы и таким образом оказал поддержку деспотизму, он же, напротив, пожелал успехов французским

революционерам (63). В ответ Берк заявил, что с этого момента он навсегда разошелся со своими недавними соратниками (окончательный раскол оппозиции произошел в мае 1791 г.). Таким образом, в начале 1790 г. в палате общин прозвучали первые аргументы участников дебатов, вскоре принявших общенациональный размах. Спустя несколько месяцев появилось одно из самых знаменитых сочинений конца XVIII столетия — «Размышления о Французской революции» Э. Берка, после чего начавшаяся дискуссия обрела особенно острый характер.

Книга Э. Берка породила огромную научную литературу. В центре внимания исследователей, как правило, — анализ его концепции Великой французской революции (64). В данном же случае предметом специального рассмотрения является оценка деятельности Лондонского общества революции, вынесенная Берком, а также характер разногласий между ним и Р. Прайсом. Напомним, что проповедь Прайса, произнесенная 4 ноября 1789 г. и документы, принятые на заседаниях Обществ, послужили дополнительным толчком к написанию знаменитого памфлета (что отражено в его полном названии) (65).

Итак, предоставим слово Э. Берку — не философу и историку, а пристрастному наблюдателю за собраниями Общества революции. Не следует, однако, забывать, что именно его глазами многие современники воспринимали события политической жизни столицы. С другой стороны, парадокс заключался в том, что в книге Берка преобладали эмоции, когда он обращался к конкретным ситуациям, но он оказывался достаточно прозорливым в общей оценке долговременных последствий процессов, развернувшихся в Европе. Это причудливое переплетение близорукости и проициательности (Вейч рассматривает его как конфликт рационального и эмоционального в натуре публициста) (66) особенно очевидно проявляется, на мой взгляд, в выпадах Берка против Лондонского Общества революции и его лидеров.

Э. Берк взял на себя труд разоблачить перед лицом английской нации участников заседаний Лондонского Общества революции. Отсюда пренебрежительный тон автора: оказывается, члены этой организации, не ограничиваясь веселыми застольями и проповедями по тому или иному поводу, вовлечены в общественную деятельность и даже взяли на себя смелость направить приветственный адрес Национальному собранию Франции! (67). Как только он не называет

членов общества: «поставщики правительств», «героическая группа ниспровергателей монархов», «выборщики суверенов», «вожди, приводящие королей к триумфу».. Прослушав проповедь Прайса, они поспешили поделиться с миром полученными знаниями, для чего объединились и двинулись из церкви в «Лондонскую таверну», где вновь выступил доктор Прайс, из которого все еще не вышел дух оракула (68)...

Все вызывает раздражение, презрительную насмешку или же негодование Берка: фигура оратора, содержание его речи и, конечно же, «опасный характер» идей и призывов, прозвучавших в проповеди этого «доктора от политики»: «редко кто-либо излучал с кафедры меньше духа терпимости», чем автор лекции в Олд-Джури, выступивший с «антиконституционной» доктриной (69). В выступлении Р. Прайса Берк был склонен увидеть один из примеров вовлечения диссентеров в политическую жизнь. Однако «политика и кафедра плохо согласуются друг с другом», от этого смещения обязанностей страдают как интересы религии, так и дело гражданской свободы (70). Неопытные в делах политики, безответственные и самонадеянные «новоявленные доктора прав человека» лишь возбуждают страсти, и в этом главная опасность вновь возродившегося в Англии «кафедрального стиля» (71).

Но дело не только в неприятии Берком самого образа проповедника, занявшегося «не своим делом» (72). С кафедр вновь раздаются сигналы к революциям, проповедаются «бунтарские» доктрины, которые подрывают основы конституции Великобритании (73). Как уже отмечалось, продолжая локковскую традицию, представители радикального направления английского диссента исходили из признания права народа на сопротивление угнетению. Эти идеи вызывали особое негодование Э. Берка (74). Вступая в спор с «новыми фанатами» идеи «деспотической власти народа», он стремился противопоставить им сакральную силу традиции, право наследования. Таким образом, исследователи не случайно обращаются к наследию Э. Берка, изучая истоки европейского консерватизма (75). Как справедливо подчеркивает Ф. Браун, не революция во Франции превратила Берка в апологета традиции и противника «абстрактных прав и свобод»: она лишь ярче раскрыла эту грань его мировоззрения (76).

Здесь следует вспомнить, что разногласия между Берком и Прайсом (а в его лице — и другими защитниками «прав

человека») наметились еще раньше, в годы войны североамериканских колоний за независимость. Казалось бы, в тот период они были союзниками, выступая против жесткого курса британского правительства за компромиссный исход конфликта, необходимость принять во внимание права колонистов. Однако это согласие носило довольно формальный характер. В «Речи о примирении с колониями» (1775) Берк писал: «необходимо точно следовать природе и обстоятельствам предмета, который мы рассматриваем. Ибо... мы должны управлять Америкой в соответствии с этой природой и обстоятельствами, а не согласно нашим собственным представлениям или абстрактным идеям о правах и уже ни в коем случае не руководствуясь этими общими теориями, прибегать к которым в сложившейся ситуации было бы очевидной глупостью» (77). В основе же анализа Прайса, по его собственным словам — не прецедент, а разум, справедливость и права человека (78). В своих трактатах, написанных в годы англоамериканского конфликта, он стремился выявить соответствие колониальной политики Великобритании общим идеям о природе и принципах общественной свободы (79). Но общественная свобода, по мнению Берка, далека от абстракций метафизиков, которые «как анатомы препарируют доктрину свободного правительства и именуют тиранией и узурпацией всякий способ правления, не соответствующий их представлениям» (80).

Подобные высказывания Э. Берка — не риторические приемы; в них отразилось давно, еще со времени написания первого шумевшего сочинения «Защита естественного общества» (1756) выношенное неприятие им идеи всемогущего разума: «разум, не сдерживаемый пониманием собственной слабости, своего подчиненного положения в мироздании, опасности давать свободу воображению в отношении определенных предметов, вполне может обрушиться на все самое прекрасное и святое» (81). Наблюдая за ходом революционных событий во Франции, Берк еще более убеждался в том, что «абстрактные права человека» теоретиков имеют мало общего с реальной действительностью: при соприкосновении с жизнью эти метафизические права, подобно лучам света, проникающим в темную среду, по законам природы преломляются и отклоняются от своей прямой линии, — пишет он в «Размышлениях...» (82). Прайс же никогда не сомневался в возможностях Разума. Игнорируя исторический метод, он предлагал реформировать общество без учета тра-

дий, которыми оно было до сих пор связано и был равнодушен к той концепции континуитета социального организма, которая составляла столь важный элемент взглядов Э. Берка.

Итак, яростное неприятие проповеди, произнесенной Прайсом 4 ноября 1789 г. и побудившей Э. Берка к написанию «Размышлений о Французской революции», нельзя, как это делает А. Лабуше, объяснять лишь изменением ситуации в Европе (83). С началом Великой французской революции глубокие внутренние противоречия между подходами Р. Прайса и Э. Берка к анализу общества и государства раскрылись в полной мере. Берк осудил абстрактные принципы революции прежде всего потому, что в их опасности его убеждали практические действия участников событий во Франции. Прайс, напротив, вновь вдохновился идеей скорого воплощения абстрактных прав по обе стороны Атлантики, укрепляя подозрения Берка в реальности «атлантической революции» (84): свет Свободы и Разума уже засиял в Америке, теперь зажегся во Франции и, как он надеялся, должен был явиться и в Англии (85).

Отмечая «пространный» стиль проповеди Прайса, Берк, тем не менее, точно выделяет главный элемент этой «путаницы». Это, конечно же, революция во Франции, которая вызвала у Прайса и его единомышленников восторг, близкий к экзальтации. В том, что происходило в этой стране, они видели лишь проявление Свободы. Но, восклицал Берк, можно ли поздравлять сумасшедшего, покинувшего мрак своей темницы и вновь обретшего свет и свободу? (86).

Метафора безумия возникает не случайно. Это важнейший прием, к которому прибегает Берк, чтобы показать, как революция искажает чувство реальности. «Англичане и французы помешались, послушавшись революционных фантазий, подобных проповеди Р. Прайса», защитники Французской революции, приветствуя свободу в виде метафизической абстракции, сами являют собой результат иллюзорных фантазий самого опасного свойства. Поэтому Берк рассматривает свои «Размышления...» как лекарство против этого революционного безумия, как инъекцию реализма, столь необходимую политическому телу Европы, которое лихорадило (87).

Таким противоядием, по мысли Берка, могло стать обращение к опыту Славной революции 1688 г. и ценностям британской конституции. Однако «политики из Олд-Джури (то есть члены Лондонского Общества революции), рассужда-

о революции 1688 г., постоянно смешивают ее с событиями во Франции спустя столетие. Нет ничего удивительного в том, что заговоры и убийства для таких «политиков» — весьма тривиальная цена за приобретенные «права и свободы» (88). Так в книге Берка возникает тема заговора против порядка и стабильности как во Франции, так и в Европе в целом. Опасность заговора угрожает и ценностям британской конституции. Отсюда столь пристрастное отношение Берка к проповеди Прайса, которую он рассматривает как публичное заявление человека, связанного с интриганскими философами, с политиканствующими богословами и проповедующими политиками и в Англии, и за границей: «они выставили его как оракула», исполняющего свою партию в полном согласии с их намерениями (89). Таким образом, речь Прайса, несущая в себе дух заговора, — это часть плана «смещения королей за недостойное поведение» (90).

Глубокое беспокойство Берка вызывало намерение увлечь англичан примером Национального собрания Франции, которое обнаруживают материалы Общества революции (91). Он был склонен рассматривать это как признак общеевропейского кризиса, самым поразительным и опасным проявлением которого и была Великая французская революция. Свои «Размышления...» Э. Берк завершил пожеланием соотечественникам не перенимать у соседей новые рискованные модели общественно-политического устройства, а служить примером для всей Европы, демонстрируя преимущества британской конституции, детища Славной революции (92).

Таким образом, сопоставление сочинений Э. Берка и Р. Прайса отражает не только их разногласия в оценках событий во Франции. Они свидетельствуют о том, что, несмотря на неприятие обоими архаичности некоторых элементов английской политической системы и особенно коррупции, оппоненты ориентировались на различные ценности: для Берка была исключительно важна идея общественного порядка, который следовало сохранить ради благополучия и спокойствия нации, для Прайса приоритетными были идеи политической и гражданской свободы, прав человека.

Книга Э. Берка сразу же вызвала большой резонанс в английском обществе (в течение нескольких месяцев она разошлась тиражом в 30 000 экземпляров). Об этом свидетельствует памфлетная литература, публицистика, заметки в прессе. В газетах и журналах печаталось немало откликов на «Размышления...». В одном из них, весьма пространным,

осуждалось как «абсурдное» поведение членов Общества революции, прежде всего — их контакты с Национальным собранием Франции. Рецензент заявил о своем полном согласии с резкими оценками Берка. Он исходил из того, что симпатии к Французской революции несовместимы со званием гражданина Великобритании, но выражал надежду, что можно положиться на осмотрительность большинства англичан, которых нелегко сбить с толку. Сомневающимся он рекомендовал «Размышления...» как наставления трезвого ума (93).

Кроме восторженных откликов на книгу Берка в прессе публиковались и более сдержанные, а также критические замечания. Так, обозреватель «Мансли ревью» подчеркивал, что мастерство Берка-писателя превосходило глубину анализа Берка-теоретика; сила его чувства и живость мысли часто подгоняли его к поспешным и противоречивым выводам, панегирик и инвективы постоянно заменяли аргументы и приводили к ошибочным суждениям (94).

Учитывая накал полемики, довольно странной, на первый взгляд, представляется реакция самого Р. Прайса на столь нелюбезную критику в свой адрес. Он весьма неохотно откликнулся на «Размышления...» Берка и начавшуюся дискуссию (95). В «Предисловии и дополнении» к «Беседе о любви к нашей стране» развитие получила лишь одна тема, впрочем, весьма важная для политических убеждений доктора Прайса и его единомышленников в Великобритании. Речь идет о высказанном в произнесенном Прайсом тосте на юбилейном банкете, возмущившем и Берка, и других оппонентов диссентерского проповедника, пожелании в адрес британского парламента «стать Национальным собранием!». Прайс пояснил, что этим он хотел лишь призвать к «такой реформе представительства королевства, чтобы Парламент... по праву считался бы Национальной ассамблеей, в действительности представляющей нацию и выражающей ее волю». Однако этому тосту придали иной смысл, совершенно чуждый намерениям Прайса. В целом же «Предисловие и дополнения...» Р. Прайса проникнуты уверенностью в собственной правоте и содержат уже знакомый набор идей и аргументов. Создается впечатление, что ощущавший приближение конца своей земной жизни Прайс (он был тяжело болен) не слышал голоса своих критиков или сознательно оставлял их выпады без внимания, что вызывало недоумение (96).

Но за философа-моралиста вступились его друзья, защищая репутацию доктора; в полемику включились оппоненты Берка, представлявшие довольно широкий спектр взглядов: от умеренно-либеральных до революционных, от сэра Филиппа Фрэнсиса и графа Стэнхоупа до Т. Пейна. В конце 1790 — начале 1791 гг. появилось около 40 откликов на книгу Э. Берка (97). Самыми известными среди них были памфлеты Дж. Макинтоша («Иск галлов»), М. Уолстонкрафт («Защита прав человека»), К. Маколей («Замечания о Размышлениях достопочтенного Эдмунда Берка о революции во Франции»), Т. Пейна («Права человека». Часть первая), Дж. Пристли («Письма достопочтенному Эдмунду Берку») и др. Каждый из перечисленных памфлетов внес оригинальный вклад в развитие определенных политических теорий (их рассмотрение не входит в задачи автора статьи). Но несмотря на талант и энергию оппонентов Берка, его «Размышления» произвели мощный эффект на сознание современников. В этом споре английское общественное мнение все очевиднее поддерживало Э. Берка.

Консервативная пресса, как отмечалось выше, всегда враждебно относилась к политической деятельности диссентеров в стране (билль о некоторых льготах диссидентам, отклоненный в 1789 г. незначительным большинством голосов, совершенно провалился при повторной попытке провести его через палату в 1790 г.). Ее лейтмотивом стало раздувание угрозы стабильности государства и церкви Англии, исходящей от «докторов-богословов» и их «паствы» в лице членов таких политических клубов как Лондонское Общество революции.

В ноябре 1790 г. Р. Прайс в последний раз председательствовал на ежегодном собрании Лондонского Общества революции. Подробный отчет об этой встрече в «Лондонской таверне», в которой приняло участие около 400 человек, опубликовала «Лондон кроникл» (98). Корреспондент газеты обратил внимание на смену председательствующего на заседании Общества: замена лорда Стэнхоупа «доктором сомнительной степени» (Прайсом) свидетельствовала, по его мнению, о деградации и распаде Общества. Через неделю та же газета поместила обращение к «доктору Прайсу, председателю, и членам Общества революции». Пренебрежительный характер описания заседания клуба объясняется в нем эффектом нападок Э. Берка на это Общество «в

книге, которая заставила говорить о себе всю страну»... Клуб может стать «объектом всеобщего презрения», а Национальное собрание Франции — предметом насмешек за связи с таким «ничтожным Обществом».. Здесь же членам Общества революции предлагалось ответить на вопросы весьма своеобразной анкеты, содержание и тон которой отличались переходом от подозрительного отношения к откровенным издевательствам над членами клуба (99). Эти публикации, на мой взгляд, свидетельствуют о том, что довольно единодушная морально-политическая поддержка Р. Прайса со стороны части либеральных и особенно — радикальных публицистов и политических деятелей, поспешивших «скрестить шпаги» с Э. Берком и принявших участие в полемике, значение которой вышло за рамки разногласий теоретиков, отнюдь не улучшила репутацию Лондонского Общества революции, которое воспринималось общественностью страны с настороженностью и скепсисом.

Однако сообщения о кончине «весьма знаменитого доктора Ричарда Прайса, хорошо известного в политических и философских кругах», проникнуты уважением к личности покойного (100). В некрологе, помещенном в «Джентельменз мэгэзин», отмечается, что Р. Прайс был врагом узурпированной власти и защитником прав человека и таким его знали и ценили друзья свободы во всем мире. На похоронах предподобного доктора Прайса присутствовал граф Стэнхоуп, герцог Портлендский, граф Фитцуильям, члены Общества революции и Общества конституционной информации (101). Получив сообщение о смерти Прайса, французские общества приняли решение о трауре по английскому философу, а парижские якобинцы направили Лондонскому Обществу революции свои соболезнования (102).

Между тем к этому времени лидеры вигской оппозиции — лорд Стэнхоуп, Фокс, Шеридан отошли от деятельности Общества (103). Его заседания не были уже столь многочисленными и оживленными как в 1788—1789 гг. На встрече Общества революции в ноябре 1791 г. приняло участие 250 человек; через год в «Лондонской таверне» собралось около 350 человек (104). Летом 1791 г. члены Общества приняли участие в праздновании годовщины взятия Бастилии. Звучали здравицы в честь Французской революции; поднимались тосты «за права человека», «за нацию, закон и короля» (105). Был поднят тост и в память о Р. Прайсе (106). Участие англичан в подобных акциях расценивалось теперь в прессе

как опасное проявление смуты и фанатизма последователей «сумасбродных принципов доктора Прайса и мистера Т. Пейна», требующее решительного отпора со стороны правительства (107).

Как указывалось выше, в начале 1792 г. была прервана переписка Лондонского Общества революции с французскими корреспондентами. После банкета осенью 1792 г. следов дальнейшей деятельности Общества обнаружить не удалось..

Итак, после заметного оживления деятельности либеральных политических клубов сначала снизилась активность Общества революции, а затем поредели ряды Общества конституционной информации, пережившего свой подъем в 1791—1792 гг. Созданное весной 1792 г. вигское Общество друзей народа к середине 1790-х гг. также перестало играть самостоятельную политическую роль. Таким образом, клубы, объединявшие сторонников реформ из числа либерально настроенной интеллигенции и диссентеров, пытавшихся вести агитацию за реформу, сохраняя лояльность к властям, не придававших большого значения организации, не отвечали требованиям наступившего этапа борьбы за парламентскую реформу. На смену им пришли политические организации иного типа: в феврале 1792 г. состоялось первое заседание Лондонского корреспондентского общества, основателем которого был сапожник Томас Гарли.

Однако отход левовигской оппозиции был связан не только с радикализацией состава политических обществ и общим изменением внутривеликобританской ситуации в Великобритании. Летом 1792 г. «Джентельменз мэгэзин» опубликовал краткую, но многозначительную рецензию на памфлет «Защита доктора Прайса и реформаторов Англии» Кр. Уайвилла. «Лучшим комментарием» к этой защите, по словам рецензента, являются дебаты в палате общин по предложению мистера Грея... (108). Речь идет об очередной попытке вынести на обсуждение палаты общин вопрос о реформе представительства в парламенте (109). Она вновь закончилась неудачей (лорду Грею удастся провести через парламент знаменитый билль о реформе 1832 г. на склоне жизни — через 40 лет). Тем не менее борьбу, развернувшуюся на долгие годы между сторонниками и противниками реформы в парламенте, можно действительно считать «лучшей защитой» взглядов Р. Прайса.

...В своих «Замечаниях...» «либеральный английский историк Кэтрин Маколей заявляла о «двух партиях», сформир-

ротивились в Великобритании: в одной революция во Франции пробуждала восхищение, в другой — негодование и презрение. «Оракулом» последней она справедливо назвала Э. Берка (110). По мнению французского исследователя Ж. Годшо обвинения, прозвучавшие в адрес французских революционеров в книге Берка, вдохновили английское правительство на проведение репрессий против демократического движения в стране. Таким образом Берк причисляется к одному из главных поборников европейской контрреволюции (111).

Одним из итогов рассмотренной «памфлетной войны» конца XVIII в. было оформление идейно-политических платформ ее участников, как сторонников радикальных реформ (они опирались на доктрину «Прав человека» Т. Пейна), так и защитников статус кво британского государства, сохранения конституционных традиций английского общества, с восторгом встретивших «Размышления о Французской революции» Э. Берка. На мой взгляд, Р. Прайса, открывшего дискуссию, довольно сложно безоговорочно «прописать» по определенному адресу. Выше были рассмотрены принципиальные расхождения между Прайсом и Берком. Трудно, однако, представить, чтобы умеренный и осторожный доктор Прайс поддержал бы критический заряд, который Т. Пейн направил против Славной революции, по его словам, «непомерно вознесенной силой обстоятельств» (112). Прайс выступил со своей проповедью в момент, когда многим еще казалось возможным гармоничное соединение завоеваний Славной революции с новыми перспективами, открывшимися в ходе революционных преобразований во Франции. Но это время объединяющих надежд прошло. Уже с 1792 г. (столь важного рубежа и в истории Великой французской революции, и в развитии внутриполитической ситуации в Великобритании, и в англо-французских отношениях) по точному наблюдению Е. Б. Черняка, «прежний радикализм» — не только Питта и герцога Ричмондского, но Прайса, Пристли и даже Джона Горн Тука — уступал место новому радикализму Т. Пейна и народных обществ» (113). Деятельность этих демократических обществ продолжалась до конца 1790-х гг. Это 10-летие, прошедшее со времени юбилейных торжеств в честь Славной революции 1688 г., оказалось критическим в новой истории Англии, Франции и всей Европы. Прогнозы «апостола свободы» Р. Прайса не сбылись, «торжество Ра-

зума» обернулось, по Берку, «безумием», надежды на установление между Англией и Францией мира и гармонии рухнули: Европа воевала.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См.: Agnew J. R. Price and the American Revolution. Univ. of Illinois, 1949; Cone C. Torchbearer of Freedom. The Influence of R. Price on XVIIIth century Thought. N. Y., 1952; Laboucheix H. Richard Price. Théoricien de la Révolution américaine. P., 1970; Thomas D. The Political Philosophy of R. Price. Univ. of Wales, 1952; Richard Price and the Ethical Foundations of the American Revolution./Ed. by B. Peach. Duke Univ. Press, b1979.

2. Veitch G. S. The Genesis of Parliamentary Regorm. L., 1913. — P. 106.

3. Brown Ph. The French Revolution in English History. L., 1923. — P. 25; May T. Constitutional History of England since the Accession of George III. Vol. 2. L., 1875. — P. 281.

4. Джефсон Г. Платформа, ее возникновение и развитие (История публичных митингов в Англии). Т. I. — СПб. — 1901. — С. 197.

5. The Gentleman's Magazine. 1788. — November. — P. 1024; The London Chronicle. — 4—6 — November — 1788; The Monthly Review. — 1788. — Vol. 79. — P. 563—564.

6. Быков Г. Очерки по истории социальных движений в Англии (1764—1836). — М.—Л. — 1934. — С. 40.

7. Brown Ph. Op. cit. — P. 30.

8. См.: Мижув П. Г. Политическая история Англии в XIX в. М., 1907; Dickinson H. T. Liberty and Property. Political Ideology in the XVIIIth century Britain. — N. Y., 1977.

9. Graham J. Revolutionary Philosophers: the Political Ideas of Joseph Priestley//Enlightenment and Dissent, Part 1. — 1989. — № 8. — P. 56.

10. Veitch G. Op. cit. — P. 106.

11. См.: Полевщикова Е. В. «Истинні віги» в політичному житті Великобританії (1760—1770)//Питання нової та Новітньої історії. — Вип. 39. — К., 1993.

12. Stephen L. History of English Thought in the XVIIIth century. — Vol. 2. — L., 1876. — P. 252.

13. Петинова А. И. Джозеф Пристли и революционная Франция//Европейское Просвещение и Французская революция XVIII в. — М., 1988. — С. 136—137; Черняк Е. Б. Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII — начале XIX в. — М., 1962. — С. 89—91; Gooch G. P. Annals of Politics and Culture (1412—1849). Cambridge, 1901. — P. 280.

14. Gentleman's Magazine. — 1879. — May. — P. 393.

15. Gentleman's Magazine. — 1788. — March.

16. Brown Ph. Op. cit. — P. 29.

17. Gentleman's Magazine. — March. — P. 253.

18. The London Chronicle. — 24—26 November. — 1789.

19. Черняк Е. Б. Указ. соч. — С. 49; см. также. Загидуллина Г. Н. Англия и революционная Франция (1789—1793)//Новая и новейшая история. — 1984. — № 3; May T. Op. cit. — Vol. 2. — P. 163; Brown Ph. Op. cit. — P. 40.

20. Cambridge Modern History. — Vol. 8. — L., 1934. — P. 764.

21. Brown Ph. Op. cit. — P. 29.

22. Thoughts on the Probable Influence of the French Revolution in Great Britain. — L., 1790. — P. 1—2.
23. Ibid. — P. 3, 13—14.
24. Ibid. — P. 21.
25. Price R. A Discourse on the Love of Our Country. — L., 1789; Gooch G. P. Op. cit. — P. 276; Stanhope, Lord. William Pitt et sonm temps. — Vol. 2. — P. 1862. — P. 65.
26. Brown Ph. Op. cit. — P. 30.
27. См., например: Чудинов А. В., Берк и его оппоненты (Первые размышления англичан о Великой французской революции)//Культура эпохи Просвещения. — М., 1993.
28. Price R. Observations on the Importance of the American Revolution, and the Means of Making it a Benefit to the World. — L., 1784; idem. Two Tracts on Civil Liberty, the War with America, and the Debts and Finances of the Kingdom, with a General Introduction and Supplement. — L., 1778 (8th ed.).
29. Price R. A Discourse... — P. 13—14.
30. Price R. Two Tracts on Civil Liberty... — P. 2—3.
31. Ibid. — P. 6, 10.
32. Burgh J. Political Disquisitions. An Inquiry into Public Errors, Defects and Abuses. — Vol. 1. — L., 1774—1775. — P. 1—6.
33. Price R. A Discourse... — P. 23—25.
34. Price R. A. Discourse... — P. 35—36, 39—41; Dickinson H. Op. cit. — P. 233.
35. Burgh J. Op. cit. — P. V—VII, 24; Cartwright J. The Legislative Rights of the Commnalty Vindicated, or Take Your Choice. — L., 1777. — P. XXI—XXV; The Life and Correspondence of Major Cartwright. — Vol. 1. — N. Y., 1969. — P. 97.
36. Price R. A Discourse... — P. 50; Idem. Appendix to the «Discourse». — P. 13.
37. Veitch G. P. Op. cit. — P. 161; Brown Ph. Op. cit. — P. 31.
38. Annales Patriotiques et littéraires de la France et Affaires politiques de l'Europe. — 2 Juin, 1790. — № 42.
39. Price R. Appendix to the «Discourse»... — P. 5, 9—10, 13.
40. Ibid. — P. 12.
41. Gazette Nationale, ou le Moniteur Universelle. — 26 décembre, 1789. — № 128; The London Chronicle 29—31 December, 1789.
42. Veitch G. P. Op. cit. — P. 149.
43. Gazette Nationale... — 31 Juillet, 1790. — № 212.
44. Ibidem; Gazette Nationale 22 Juillet, 1790. — № 203.
45. Черняк Е. Б. Указ. соч. — С. 50. В приложении к своему фундаментальному труду Дж. Вейч приводит список 50 французских обществ, которые вели переписку с Лондонским Обществом революции и Обществом конституционной информации. См.: Veitch G. P. Op. cit. — P. 357.
46. Veitch G. P. — Op. cit. — P. 121.
47. Price R. A Discourse... — P. 2—3.
48. Ibid. — P. 5—6, 8, 10, 44.
49. Thoughts on the Probable Influence... — P. 4—5, 12.
50. The Gentleman's Magazine. — 1790. — April. — P. 343.
51. Veitch G. P. Op. cit. — P. 126.
52. The Gentleman's Magazine. — 1790. — March. — P. 254.
53. The Gentleman's Magazine. — 1791. — September. — P. 838.
54. The Gentleman's Magazine. — 1789. — December. — P. 1121—1122.

55. *The Gentleman's Magazine*. — 1790. — March. — P. 253.
56. *The Gentleman's Magazine*. — 1790. — April. — P. 348.
57. *The Monthly Review*. — 1790. — P. 115—117, 341.
58. *The Anti-Jacobin Review*. — 1798. — P. 555, 629—630.
59. Черняк Е. Б. Указ. соч. — С. 49—50; Чудинов А. В. Указ. соч. — С. 226—227.
60. May T. *Op. cit.* — Vol. 2. — P. 163.
61. *The London Chronicle*. — 9—11 February, 1790; *The Gentleman's Magazine*. — 1790. — March. — P. 227.
62. *The Monthly Review*. — 1790. — Vol. 1. — P. 447.
63. *The London Chronicle* 9—11 February 1790; *Annales Patriotiques* 28 février 1790 149; Gooch G. P. *Op. cit.* — P. 278; Brougham H. *Historical Sketches of Statesmen who flourished in the time of George III. First Series*. — L., 1840. — P. 192.
64. Среди новейших работ см. Чудинов А. В. Указ. соч.; его же. Эдмунд Берк и современные реинтерпретации Великой французской революции//От Просвещения к революции: из истории общественной мысли нового времени. — М., 1990. — С. 94—111; Лебедев Ю. Б. Эдмунд Берк и его концепция Великой французской революции//Вестник ЛГУ. История, язык, литература. — 1982. — Вып. 3. — № 4; Blakemore St. *Revolution in Representation: Burke's Reflections on the Revolution in France//Eighteenth century Life*. — Vol. 15. — 1991. — P. 1—18.
65. Burke E. *Reflections on the Revolution in France, and on the Proceedings in certain Societies in London relative to that Event*. 8th ed. — L., 1791 (1st ed. in 1790).
66. Veitch G. P. *Op. cit.* — P. 162.
67. Burke E. *Op. cit.* — P. 5—6, 126.
68. *Ibid.* — P. 98—99.
69. Burke E. *Op. cit.* — P. 14, 35.
70. *Ibid.* — P. 14.
71. *Ibid.* — P. 32, 14.
72. *Ibid.* — P. 99.
73. *Ibid.* — P. 16—17, 35.
74. *Ibid.* — P. 18, 20, 37.
75. См., например, Фадеева Т. М. У истоков идеологии европейского консерватизма//Новая и новейшая история. — 1992. — № 6. — С. 57—61.
76. Brown Ph. *Op. cit.* — P. 75.
77. Burke E. *Selected Writings and Speeches on America*,/Ed. by T. H. D. Mahoney. — N. Y., 1964.
78. Price R. *Two Tracts on Civil Liberty...* — P. 32—33.
79. *Ibid.* — P. 1.
80. Burke E. *Reflections on the Revolution in France...* — P. 270—274.
81. Эгалитаристские памфлеты в Англии сер. XVIII в. — М., 1991. — С. 45.
82. Burke E. *Reflections on the Revolution in France...* — P. 91.
83. Laboucheix H. *Op. cit.* — P. 165.
84. Godechot J. *La contre — révolution 1789—1804*. — P., 1984. — P. 57.
- Ж. Годшо считает, что отношение Берка к Французской революции помогает глубже раскрыть его взгляды на события в Америке. — *Ibid.*
85. Price R. *A Discourse...* — P. 50.
86. Burke E. *Reflections on the Revolution in France...* — P. 3.
87. *Ibid.*; Blakemore St. *Op. cit.*

88. Burke E. Reflections on the Revolution in France... — P. 96.
89. Ibid. — P. 13.
90. Ibid. — P. 96, 41. Как известно, в существовавшем «заговоре» писателей-атеистов против церкви и государства Берк усматривал важную причину Великой французской революции. — См.: Чудинов А. В. Берк и его оппоненты. — С. 232—233.
91. Burke E. Reflections on the Revolution in France... — P. 10.
92. Ibid. — P. 362.
93. The Gentleman's Magazine. — 1790. — November. — P. 1032.
94. The Monthly Review. — 1790. — Vol. 3. — P. 465.
95. The London Chronicle. — 23 November, 1790.
96. The Gentleman's Magazine. — 1790. — December. — P. 1123.
97. Brown Ph. Op. cit. — P. 41.
98. The London Chronicle. — 6 November, 1790.
99. For the London Chronicle — 13 November 1790.
100. The London Chronicle. — 19—21 April 1791; The Gentleman's Magazine. — 1791. — April. — P. 389—390.
101. Ibid; The London Chronicle. — 26—28 April 1791.
102. Veitch G. Op. cit. — P. 158.
103. Черняк Е. Б. Указ. соч. — С. 178.
104. The London Chronicle. — 3—5 November 1791; The London Chronicle. — 4—6 November 1792.
105. The London Chronicle. — 14—16 July 1791.
106. Veitch G. Op. cit. — P. 228.
107. The London Chronicle. — 2—4 August 1791.
108. The Gentleman's Magazine. — 1792. — June. — P. 550.
109. The History and Proceedings of the Lords and Commons, during the Second Session of the XVIIth Parliament of Great Britain. — L., 1792. — P. 374—375.
110. The Gentleman's Magazine. — 1790. — November. — P. 1109.
111. Godechot J. Op. cit. — P. 74.
112. Пейн Т. Избранные сочинения. — М., 1959. — С. 226.
113. Черняк Е. Б. Указ. соч. — С. 51.

А. Ф. ЦВИРКУН, Н. Н. КРЕСТОВСКАЯ

ПОЛИТИКА США НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ ПРЕССЫ (нач. XX в.)

Дальневосточное направление американской экспансии наряду с южноамериканским являлось важнейшим для империализма США. Следует подчеркнуть, что Китай, Корея и дальневосточные владения России являлись, пожалуй, единственным регионом, где непосредственно сталкивались интересы России и Соединенных Штатов.

Экспансия США на Дальнем Востоке началась еще в 40-х гг. XIX в. Но это были отдельные попытки, а не целенаправленная политика. По военным показателям в тот момент США не могли соперничать с ведущими европейскими державами. Кроме того, некоторые круги американской буржуазии тогда еще не были заинтересованы в колониальной экспансии, т. к. в США существовал достаточно емкий внутренний рынок. К концу XIX в. США превратились в мощную промышленную державу и, подавив национально-освободительное движение тамиллов, обеспечили за собой плацдарм на Филиппинском архипелаге.

Рост экспансии США на Дальнем Востоке в непосредственной близости от границ империи, в регионе, который Россия традиционно рассматривала как сферу своих интересов, не мог не волновать русских политических обозревателей. Внимание прессы было сосредоточено на нескольких ключевых моментах дальневосточной политики США: причины экспансии США на Дальнем Востоке, причины ухудшения русско-американских отношений, позиция США в годы русско-японской войны. Данная статья посвящена анализу позиций ведущих периодических изданий России по этим проблемам.

В русской периодике начала XX в. традиционно выделяют следующие идейно-политические направления: консервативное, либеральное и революционно-демократическое, пред-

ставленные соответственно следующими изданиями: а) консервативное направление (газета «Новое время», журналы «Наблюдатель» и «Русский вестник»); б) либеральное (газета «Русское слово», журналы «Русская мысль», «Вестник Европы», «Нива», «Московский еженедельник», «Русское богатство»); в) демократическое (журналы «Жизнь» и «Мир божий», «Современный мир»).

Как же оценивали причины дальневосточной экспансии США разнонаправленные газеты и журналы России?

«Мир божий» поначалу полагал, что попытки США экономически завоевать Азию имели своей причиной неспособность Америки завоевать экономически Европу. «Сначала она (Америка) пробовала завладеть Европой, но европейские рынки защищены хорошо от такого нашествия... Очевидно, такая тактика Европы и заставляет американскую промышленность искать для своего распространения других мест» (1). Такая поверхностная и односторонняя трактовка не выявляла глубинных экономических и социальных причин, толкнувших США в борьбу за раздел Китая. И в целом, эта версия надуманна, потому, что в конце XIX — начале XX в. Соединенные Штаты всерьез и не помышляли о завоевании европейских рынков.

В годы первой российской революции журнал резко повернул влево. С приходом в «Современный мир» радикально настроенного К. Л. Вейдемюллера, занявшего должность редактора международного отдела, журнал стал трактовать вопросы внешней политики с позиций, близких к марксизму. В частности, выясняя подлинные причины американской экспансии на Дальнем Востоке, К. Л. Вейдемюллер писал: «Среди хищнических колонизаторов особое место занимают американцы. Само собой разумеется, что источником внешней политики Северо-Американских Соединенных Штатов не может быть что либо иное, чем то, что побуждает к активности другие государства. Корысть и здесь приводит к империализму и к колониальной политике» (2).

На протяжении XIX в. либеральная пресса России оценивала как внутреннюю, так и внешнюю политику США в целом благожелательно. Весьма откровенный переход США на сторону Японии в годы русско-японской войны привел к охлаждению дружеских чувств русских либералов. На примере «Нивы» и «Московского еженедельника» можно легко в этом убедиться. Вот как оценивала причины американского экспансионизма «Нива»: «Они (американцы) уже не мо-

гут довольствоваться тем, что владеют, не могут успокоиться на обладании тихоокеанского побережья: необходимость сбыта колоссально развившейся промышленности стихийно гонит их к дальнейшим экономическим и политическим захватам и внушает неодолимое желание стать полными хозяевами всего Тихого океана. На пути к достижению этой цели они шесть лет назад захватили Кубу и Гавайские острова, еще через два года урвали часть острова Самоа, затем с помощью водевильной революции, произведенной долларами, завладели Панамским перешейком...» (3). С автором «Нивы» полностью соглашался политический обозреватель журнала «Московский еженедельник» князь Г. Трубецкой, прозорливо отмечавший, что «лозунг «Америка для американцев» является уже недостаточным. Одной Америки мало для американцев. Их производство давно переросло требования внутреннего рынка, оно породило промышленный империализм, виды и требования которого распространились гораздо дальше родного континента. Новым фактам экономического порядка соответствует зарождение новых политических запросов» (4).

Консервативная печать не имела единой точки зрения по вопросу о причинах, толкнувших Соединенные Штаты на завоевание дальневосточных рынков. «Русский вестник» опубликовал два небызынтересных исследования международных отношений на Дальнем Востоке, принадлежавших перу В. Теплова. Автор, проявив широкую эрудицию при анализе международных отношений на Дальнем Востоке, все же не смог разобраться до конца в причинах роста экспансионизма Соединенных Штатов. В. Теплов видел причины в принятии конгрессом в 1897 г. тарифа Дингла, установившего очень высокие ввозные пошлины, благодаря чему тресты в сравнительно короткий срок подняли цены на все товары от 25 до 150%. «Опасаясь, что в отместку за закрытие для нее американского рынка, — пишет В. Теплов, — Европа примет подобные же меры по отношению к американским товарам, американцы направили все свое внимание на Тихий океан и на прилегающий к нему богатейший мировой рынок — Дальний Восток» (5).

Флагман консервативной журналистики — газета «Новое время» — претерпел в своем отношении к политике Соединенных Штатов значительную эволюцию. Если в конце XIX в. газета всячески декларировала свои дружеские чувства к США, то к 1903 г. «Новое время» заняло резко антиамери-

канскую позицию, с которой не сходила практически до конца своего существования. Эволюция газеты шла параллельно с постепенным отходом Америки от традиций дружбы с Россией и переходом в лагерь ее врагов. Внутренняя и внешняя политика США стали газетой регулярно подвергаться критике, начиная именно с 1903 г., когда Америка открыто поддержала Японию в назревавшем столкновении.

Как и большинство русских изданий, «Новое время» как причину роста экспансионизма США указывает рост экономического и торгового могущества Америки. «Политика Соединенных Штатов, — писала газета, — является полным отречением от доктрины Монро, которая видимо уже перестала удовлетворять наиболее пылких представителей американского империализма. Америка становится для них тесна и они обращают взоры на свой Запад — на восточное побережье азиатского материка» (6). Со свойственным ей размахом газета пересмотрела все устоявшиеся в русском обществе взгляды на внешнюю политику США, как политику мирную, не агрессивную. «Новое время» припомнило американцам все — и уничтожение индейцев, и агрессивную политику в Латинской Америке вообще и войну с Мексикой, в частности, и Испанию, и Кубу с поправкой Платта, и безжалостную политику умиротворения на Филиппинских островах (7). С 1903 г. в среде русской журналистики у Америки не было большего врага, чем газета «Новое время».

На рубеже XX в. расстановка сил на Дальнем Востоке радикальным образом изменилась. Значительную роль в этом сыграла политика России, в первую очередь, оккупация русской армией Маньчжурии. В этом шаге царского правительства как западноевропейские державы, так и Соединенные Штаты увидели угрозу своим захватническим планам в отношении Китая. Следует согласиться с точкой зрения П. П. Севостьянова, что стремление США вытеснить Россию из Маньчжурии в развернувшейся борьбе заставило их полностью солидаризироваться с Англией и Японией и примкнуть к англо-японской группировке, выступавшей против влияния России на Дальнем Востоке (8).

В результате обстановка на Дальнем Востоке характеризовалась, прежде всего, резким обострением русско-японских, русско-американских и русско-английских противоречий, что привело в конечном итоге к русско-японской войне. Как известно, в подготовке и в развязывании этой войны значительную роль сыграли Соединенные Штаты Америки.

После ввода русских войск в Маньчжурию (1901 г.) проблема дальневосточной политики России и международных отношений в Китае и Корее постепенно становится одной из ведущих на страницах русской прессы. Но это не означает, что до 1901 г. русские газеты и журналы не уделяли внимания политике США в Китае и Корее. Наиболее компетентные издания не раз привлекали внимание своих читателей к маневрам американской дипломатии на Дальнем Востоке, однако до 1903 года, как уже отмечалось, эти публикации носили в целом дружеский, в отношении США, характер.

Еще в 1898 г. газета «Новое время» обратила внимание на то, что англо-американский союз, если бы таковой состоялся, оказался бы направленным против интересов России на Дальнем Востоке. Обеспокоенная этим газета пыталась доказать (вероятно, прежде всего, американцам), что интересы их страны лежат совершенно в ином регионе земного шара. «Но мы решительно не понимаем, — писала газета, — какое настроение, какой расчет могли бы побудить американских правителей, республиканцев и демократов, не то что расстроить вековые добрые и союзные отношения, установившиеся между Россией и Соединенными Штатами, но и допустить, чтоб на эти отношения пала хотя бы малейшая тень. Даже при самых лучших условиях торговля в Корее и Маньчжурии не даст Соединенным Штатам и сотой доли тех выгод, какие доставляет им Аляска, которую мы продали им за ничтожную сумму» (9). Как можно легко убедиться, «Новое время» намеренно сильно преуменьшило возможности Кореи и Маньчжурии как рынка сбыта и источников сырья.

Однако несмотря на отдельные тревожные нотки, проскальзывавшие в русской прессе, обстановка на Дальнем Востоке в конце XIX в. оценивалась ею в целом как благоприятная для России. Все изменилось с обострением маньчжурского вопроса. И с 1903 г. русские журналисты занялись поисками причин ухудшения русско-американских отношений. Русская пресса писала по этому вопросу много и возвращалась к нему и позже, даже в 1910 г.

Несмотря на то, что причины ухудшения русско-американских отношений, казалось бы, лежали на поверхности, не все русские издания были единодушны в оценке этого факта. Правда, таких изданий, которые не строили себе иллюзий по поводу положения дел в Китае и Корее, было большинство. Они ясно и четко видели причины, способствовав-

шие ухудшению положения России на Дальнем Востоке. Об этом писали «Русский вестник», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Нива», «Русское слово». Однако трактовка этого факта была различной в разных изданиях. Большинство печатных органов, в основном либерального направления, откровенно признавали, что охлаждению русско-американских отношений послужила агрессивная политика России и Маньчжурии и как следствие этого — вытеснение американских конкурентов из этой провинции Китая. Журнал «Нива» прямо указывал: «оказывается, вражда к России обуяла наших бывших «заатлантических друзей» по мотивам чисто меркантильного свойства: их торговые обороты в Маньчжурии, принявшие большие размеры... стали быстро падать под влиянием сокращения спроса на хлопчатобумажные изделия, и органы печати, служащие интересам, этой весьма влиятельной отрасли промышленности явились первыми проповедниками неприязни к русским» (10).

Однако не все русские издания были столь категоричны. Интересно в этом плане проанализировать статьи в «Вестнике Европы». Журнал признал тот факт, что именно политика России в Маньчжурии вызывает крайнее неудовольствие у американского правительства, но какие именно проявления этой политики раздражают США, журналисты понять не могли. Л. З. Слонимский с наивной уверенностью убеждал читателей, что политика России в Маньчжурии вполне миролюбива и ни в коей мере не ущемляет права других держав в этой провинции Китая. Присутствие же русских войск на этой территории он пытается объяснить следующими факторами: «Маньчжурия была занята нами по необходимости, под давлением событий, которых мы не предвидели или не сумели предвидеть; а раз вступив в китайскую провинцию, мы естественно не могли выбраться из нее, пока не устроили в ней прочного порядка и пока не обеспечили безопасности наших железнодорожных сооружений; устроив же порядок... мы опять таки не решились рисковать всеми плодами наших усилий и поневоле медлили передачей занятой области китайцам, пока не добились от них некоторых гарантий относительно будущего. В этом логическом сцеплении обстоятельств трудно было усмотреть следы коварного завоевательного замысла» (11). В этой поразительной по цинизму сентенции как в зеркале отразился двойной стандарт в оценке международных отношений, столь свойственный русской либеральной журналистике. Даже в январе 1904 г.,

когда война была уже на пороге, Л. З. Слонимский с упорством, достойным лучшего применения, отстаивал свой тезис о миролюбии России. «Русская дипломатия осталась прежней; цели и приемы ее не могли сделаться другими, чем они были раньше; известное всему свету миролюбие России не имело повода уступить место воинственным порывам» (12).

Русский офицюз «Новое время» демонстративно отказывался от поиска рациональных причин ухудшения русско-американских отношений. С точки зрения газеты это не может быть Маньчжурия, т. к. Россия на эту китайскую территорию имеет законные права. «Мы заняли Маньчжурию в результате войны, вызванной не нами, а американцами и западноевропейскими купцами и миссионерами. Эта земля, орошенная нашей кровью; она поглотила сотни миллионов денег, снесенных нами в государственную казну, а стало быть всякие посторонние притязания мы не можем считать иначе, как злым умыслом, тем более оскорбительным, если он исходит из Северо-Американских Штатов» (13).

Совпадения позиций либерального органа с позицией реакционного только кажущиеся. Если Л. З. Слонимский искренне заблуждался и выдавал желаемое за действительное, то «Новое время» продолжало свою старую линию оправдания колониальных захватов, которую отстаивал во время испано-американской войны К. А. Скальковский.

Если Маньчжурия, по мнению «Вестника Европы» и «Нового времени», только повод, то в чем же они видели причину ухудшения русско-американских отношений? Она кроется во внутренних порядках России. Вот как представлялось дело Л. З. Слонимскому. «Раздражение против России вызывается в Соединенных Штатах не столько оккупацией Маньчжурии, сколько посторонними обстоятельствами... В американских газетах ведется деятельная антирусская агитация под влиянием того предположения, что в России совершается, будто бы всякие беззакония и насилия с ведома и согласия властей, и это предположение выдается за факт, не подлежащий никакому сомнению.. Быть может, эта агитация имеет лишь временные и случайные причины, но тем не менее она восстановила против нас общественное мнение Соединенных Штатов» (14). В таком же духе высказались некоторые другие издания.

Что же имели в виду американские журналисты, когда писали о внутренних порядках России? Ответ формулирует П. А. Тверской в одной из своих корреспонденций из Аме-

рики, опубликованной в «Русской мысли». «Раздражение против России перед войной у нас несомненно существовало. Его породили еврейские погромы, особенно кишиневский, участие в них русских властей до сих пор не опровергнуто. Такие ужасы способны потрясти кого угодно, охладить самые искренние симпатии» (15).

Воспользовавшись заявлением американской печати о творимых в России беззакониях в отношении евреев, русские реакционные издания, начали антисемитскую кампанию. «При всем том озлоблении, — писал В. Теплов, — с которым американцы бросают в Россию всевозможные обвинения, они умалчивают о главной причине столь резко выраженных симпатий к японцам, заключающейся в влиянии еврейства, захватившего в свои руки почти всю американскую прессу, указаниями которой привыкли руководствоваться американцы» (16).

В. Теплову вторит и «Новое время»: «Агитация против России ведется в Америке главным образом евреями, засилившимися в американской печати» (17).

Открывшаяся 27 июля 1905 г. Портсмутская мирная конференция привлекла пристально внимание мировой общественности. Как известно, по настоянию японской делегации переговоры проходили при закрытых дверях. Однако собравшиеся в Портсмуте 120 журналистов не без помощи российской делегации во главе с С. Ю. Витте имели достаточно точную информацию о ходе переговоров.

Переговоры в Портсмуте широко обсуждались и на страницах русских газет и журналов. В центре внимания обозревателей, что вполне естественно, находились позиции российской и японской стороны, личность главы делегации России С. Ю. Витте. Вместе с тем не последнее место занимали и сюжеты, связанные с посреднической миссией американского президента Т. Рузвельта.

Т. Рузвельт еще в 1904 г. стремился обеспечить американской дипломатии ведущую роль в урегулировании дальневосточного конфликта. Именно этой цели были подчинены его неоднократные консультации с главами государств и правительств, дипломатами Японии, России, Германии, Англии (18). О предполагаемой миссии Т. Рузвельта российская общественность узнала сравнительно поздно. 20 марта 1905 года газета «Новое время» со ссылкой на каблогранму «Чикаго Трибьюн» сообщила о возможности посредничества

американского президента в решении русско-японского конфликта.

Для российских журналистов не была тайной прояпонская позиция США, обусловленная экономическими интересами заатлантического государства, причем в данном случае совладали оценки как либеральных, так и консервативных изданий (19). Печать России горячо дебатировала принципы предложения и принятия Россией добрых услуг Т. Рузвельта. Официозное «Новое время» приложило массу усилий для того, чтобы доказать, что посредничество Т. Рузвельта — блеф. «В самом деле, или обе стороны созрели для заключения мира, или нет. В первом случае медиация является излишней. В тот момент, когда Россия признает себя окончательно разбитой, она, конечно, не затруднится непосредственно сообщить противнику свои предложения. Во втором случае медиация может иметь практическое значение только тогда, когда посредник собирается поддержать свой проект силой оружия, вступив в борьбу с тем из воюющих, который этого проекта не примет. Так как Соединенные Штаты воевать не обнаруживают не малейшего намерения, то, следовательно, и с этой точки зрения их медиация является лишь одним из формалистических приемов, так надоевших нам в истории европейской дипломатии» (20).

Трудно предположить, что искушенные в международных делах журналисты солидной газеты не были знакомы с практикой посредничества и добрых услуг. Данное заявление было рассчитано на несведущего читателя, которого тем самым ненавязчиво подталкивали к выводу о неизбежности и необходимости продолжения войны.

Патриотический угар, столь свойственный публикациям «Нового времени» периода русско-японской войны, однако не помешал политическим обозревателям газеты верно вскрыть причины возникновения посреднической миссии Т. Рузвельта. Газета справедливо отмечает опасения американцев в том, что возможности японцев продолжать войну исчерпаны и вследствие этого США могут потерять те выгоды, которые давала им победа Японии. Но в подтверждение этого газета приводит совершенно фантастический факт о якобы огромных запасах золота в Маньчжурии, открытых русским инженером, лицензия на разработку которых была куплена таинственным американским миллиардером (21).

Отвергал необходимость как мирных переговоров, так и посредничества Т. Рузвельта и консервативный «Русский

вестник». Анализируя причины принятия предложения Т. Рузвельта, политический обозреватель «Русского вестника» В. Теплов утверждал, что главную роль здесь сыграло временное замешательство правительства России после гибели флота в Корейском проливе. «Психологический момент для подобных речей был бесспорно выбран мастерски, так как Россия, подавленная ужасом только что происшедшей Цусимской гекатомбы, пребывала в состоянии полнейшей растерянности, столь благоприятной для внушения самой себе мысли, что все уже погибло и впереди нет ничего, кроме беспросветного мрака» (22).

Вопрос о причинах посредничества Рузвельта волновал и либеральную прессу. С точки зрения обозревателей либеральных изданий экономическая подоплека американского посредничества играла второстепенную роль. Причины предложения добрых услуг в дальневосточном конфликте копировались, по их мнению, в геополитических интересах США личности американского президента.

Показательным в этом отношении являлся очерк профессора государственного права Московского университета, выдающегося ученого-обществоведа М. М. Ковалевского «Портсмут». «Но почему спрашивается, — задавал себе вопрос автор, — почин предложения о мирных переговорах вышел из США? Такой вопрос после минутного размышления, может показаться несколько наивным, и если мы поставили его, только потому, что взоры нашей дипломатии обращены были одно время в сторону других держав, имеющих несравненно меньше соприкосновения с вопросами тихоокеанской политики, нежели могущественная федерация. В этом обстоятельстве и лежит ближайшая причина того, что переговоры о мире, призванном изменить распределение сфер влияния на Восточном океане, могли завязаться не в Париже и Гааге, а в Америке» (23).

Что касается собственно личности президента Т. Рузвельта, то отношение к нему у авторов либеральных изданий было неоднозначным. В отличие от выступавшей сомкнутой строем консервативной периодики либеральная пресса продемонстрировала весь спектр взглядов на Т. Рузвельта: от безудержного восхваления до крайнего критицизма.

Так, «Русское слово» обращало особое внимание читателей на миролюбивый характер Рузвельта, на его искреннее стремление к прекращению кровопролития. «На мирной конференции в Портсмуте он сыграл мировую роль. То что б

но не по силам коронованным особам в Европе, то смело и энергично было поставлено и с успехом проведено избранником заатлантической республики. В памяти двух враждующих народов — России и Японии образ президента Рузвельта будет окружен светлым ореолом мира» (24).

В отличие от столь неумеренных восторгов другие либеральные издания, такие как «Нива» и «Русская мысль» отнеслись к политике Соединенных Штатов более сдержанно и считали, что Рузвельт далек от образа миротворца, нарицательного «Русским словом». «Несомненно Америка, — писал В. Гольцев, — хлопочет не столько во имя отвлеченной идеи мира, сколько о своих собственных интересах» (25). А «Нива» считала, что мирная миссия Рузвельта «не свободна от корыстных расчетов воспользоваться временной расслабленностью России для закрепления и торжества американских интересов на Тихом океане» (26).

После русско-японской войны на страницах печати довольно часто появлялись статьи, посвященные борьбе за железнодорожные концессии на Дальнем Востоке и в Китае. В советской историографии проблема маньчжурских железных дорог изучена достаточно полно (см. например: Григорьевич С. С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906—1917 гг. — Томск, 1965; Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906—1910. — М., 1961), однако резонанс, который имело это событие в русском общественном мнении, практически не привлекал внимание исследователей.

По условиям Портсмутского мирного договора южная часть Маньчжурии отошла к Японии, северная — к России. Соответственно были разделены и железные дороги этой китайской провинции. Россия отныне не являлась для США серьезным конкурентом на Дальнем Востоке и все силы Америки были сосредоточены на борьбе с Японией. В связи с этим госсекретарь США Ф. Нокс выступил с предложением выкупить железные дороги Маньчжурии у России и Японии и передать их под управление международного синдиката, а также запретить всем странам перевозить по этим дорогам войска и военное снаряжение. Таким образом, американцы пытались воспрепятствовать дальнейшей экспансии Японии как в Маньчжурию, так и в Китае в целом. «Основной тенденцией американского предложения, — писал журнал «Русская мысль», — безусловно было стремление парализовать японскую работу на юге Маньчжурии, вообще ос-

дабить положение японцев на материке и создать своего рода коалицию противоположных Японии интересов со включением в нее и Китая и России: нечто подобное между родному соглашению, организованному против России после восстания «боксеров», когда выяснилось наше движение в Маньчжурию» (27).

Предложение Ф. Нокса было встречено российской прессой с интересом и, как и следовало предполагать, оценка его была весьма неоднозначной. Мнения разделились четко. Либеральная пресса категорически выступила за немедленное принятие предложений госсекретаря США. Аргументы либеральной прессы состояли в следующем: 1) Продажа железных дорог позволяла России отказаться от дорогостоящей авантюристической политики на Дальнем Востоке, не теряя лица; 2) Россия приобретает политические преимущества, оставив Японию лицом к лицу с Англией и США и тем самым обеспечив безопасность Приамурья; 3) Борьба вокруг маньчжурских железных дорог являлась удобным предлогом для правящих кругов России для активизации политики на Дальнем Востоке, что было чревато новой войной. Продажа железных дорог, таким образом, способствовала бы стабильности в этом регионе.

Что касается реакционной прессы, то от «Нового времени» не приходилось ожидать ничего, кроме категорического требования отказаться от предложений США (28). Вот как в своей корреспонденции оценивал П. А. Тверской выступление «Нового времени». «Тон передовиц «Нового времени» относительно предложений Нокса, сначала неопределенный, после его отклонения сделался также вызывающе резким, даже неприлично грубым, каким он был относительно Японии в течение периода, предшествовавшего русско-японской войне. Газета эта считалась здесь не только официозом, но и глашатаем, влияющих непосредственно на власть общественных течений, и ее систематическое и свирепое америкофобство существенно вредит многим русским интересам по эту сторону океана» (29). В одном только не прав П. А. Тверской — позиция «Нового времени» в отношении предложений Ф. Нокса не претерпела никакой эволюции. Изначально газета относилась к нейтрализации железных дорог крайне отрицательно.

Отказ от предложений Ф. Нокса «Новое время» аргументировало следующим образом: 1) Великий Сибирский путь России необходим. Уступить его в распоряжение междуна-

родного синдиката значило бы разорвать созданную бесконечными усилиями связь России с ее тихоокеанской окраиной; 2) Предложение Нокса вносилось с единственной целью попытаться поссорить между собой три державы: Китай, Японию и Россию. Поэтому Россия должна действовать согласованно с Японией.

Очевидно, что сравнительно с точкой зрения либеральной прессы, аргументация «Нового времени» не выдерживает критики. Во-первых, на Великий Сибирский путь международный синдикат не претендовал. Во-вторых, по тому отрезку Сибирского пути, который проходил по территории северной Маньчжурии, Россия и впредь могла перевозить грузы, если они не носили военного характера.

Однако, справедливости ради, необходимо отметить, что в одном вопросе позиция «Нового времени» была, с нашей точки зрения, верной. Согласившись на нейтрализацию маньчжурских железных дорог, Россия оставляла без защиты Владивосток и весь Приморский край, поскольку КВЖД была единственной коммуникацией, связывающей Россию с этим регионом. Таким образом становится очевидным, что речь в этой полемике шла не просто о предложении американского госсекретаря, речь шла о дальнейших путях колониальной политики России. Вопрос стоял так: нужна ли России активная политика на Дальнем Востоке или нет? Очевидно, что либеральная пресса призывала не ввязываться больше в авантюры типа маньчжурской из боязни новых как внешних, так и внутренних потрясений. В то же время «Новое время» служило рупором влиятельных кругов России, требовавших активной колониальной политики.

Когда министерство иностранных дел России во главе с А. П. Извольским отвергло предложение Ф. Нокса, возмущению либералов не было предела. «Дело наше проиграно бесповоротно, — писало «Русское слово». Г. Извольский оттолкнул протянутую руку великой заатлантической республики и сошел с векового традиционного пути русской политики, лучшие руководители которой, со времен вооруженного нейтралитета Екатерины II, видели в американской дружбе один из устоев международного положения России» (30).

Столкновение мнений на страницах русской прессы по проблемам дальневосточной политики США отражало борьбу тенденций в обществе вокруг колониальной политики России. Анализируя прессу различных политических направ-

лений, авторы статьи выявили определенные закономерности.

Демократическая пресса выступала против агрессивной политики американского правительства на Дальнем Востоке. Печать этого направления протестовала против раздела Китая, колониальной политики и совершенно верно оценивала причины, толкнувшие США на завоевание Дальнего Востока, как вступление заатлантической республики в борьбу за раздел мира. С точно таких же антиимпериалистических и антиколониальных позиций демократическая печать оценивала и российскую политику в этом регионе земного шара. Более того, в условиях явной и тайной цензуры, существовавшей в России, критика колониализма чужой, далекой страны зачастую служила «эзоповым» языком для напоминания обществу о неполадках во внешней политике собственного государства.

Реакционная пресса в период мирного развития русско-американских отношений (приблизительно до 1902—1903 гг.) старалась дружески указать США, что имея такой рынок, как Латинская Америка, зачем претендовать на сферу русского влияния в Китае. Стараясь обезопасить себя от конкурентов, реакционные круги России и послушная им пресса намекали на желательность союза с Соединенными Штатами. Однако, когда эти попытки потерпели крах и США стали на путь разрыва добрососедских отношений с Россией, тон правой печати изменился. От дружеских излияний правая пресса постепенно перешла к раздуванию антиамериканской истерии и требованию всеми силами защищать позиции России в Маньчжурии. Для достижения своей цели правая пресса не гнушалась, как мы видели, ложью и подтасовкой фактов. Таким образом, правая пресса последовательно и до конца выражала интересы влиятельных кругов русского общества, которые отдавали предпочтение дальневосточному направлению колониальной экспансии России.

Изученные материалы убедительно свидетельствуют, что по ряду вопросов внешней политики США и международных отношений на Дальнем Востоке позиции буржуазных либералов и правых смыкались. На наш взгляд, это было не случайным совпадением. Российская журналистика, даже либеральная, не в силах была отказаться от великодержавных замашек и представлений о мессианской роли России в мире. Конечно, свои экспансионистские устремления либеральная журналистика выявляла не так грубо и прямолинейно,

как реакционная. Претензии России на мировое господство маскировались прославленными журналистами тонко и умело.

Справедливости ради необходимо отметить, что такое единодушие либеральной и реакционной прессы продолжалось только до русско-японской войны. Как мы убедились, либеральная пресса резко отмежеввалась от реакционной и в вопросе о посредничестве Рузвельта, и в вопросе о нейтрализации маньчжурских железных дорог. Либеральная пресса выступила с категорическим требованием положить предел разного рода внешнеполитическим авантюрам. На наш взгляд, причины этого сводились к следующему.

Оглушительный провал внешней политики царизма в 1904—1905 годах вызвал законное негодование во всех слоях русского общества, за исключением крайне правых, на что либеральная пресса не могла не отреагировать соответствующим образом. Полевение буржуазно-либеральной прессы во многом вызывалось революционными событиями 1905—1907 гг., в частности, смягчением цензуры. Необходимо учесть тот факт, что экономические интересы буржуазии лежали на Ближнем Востоке, а интересы экспортеров сельскохозяйственной продукции — в Европе. Кроме того некоторую роль в этом повороте сыграла Франция, к союзу с которой стремилась русская буржуазия. Интересы франко-русского союза требовали сосредоточения сил России поблизости от германской и австро-венгерской границ, что было бы невозможно, если Россия окончательно увязла бы на Дальнем Востоке. Весь этот комплекс причин и вынудил русскую буржуазно-либеральную прессу, сначала робко, а потом все настойчивее и настойчивее требовать от царского правительства отказа от активной политики на Дальнем Востоке.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Мир Божий. — 1904. — № 11. — С. 97.
2. Современный мир. — 1911. — № 11. — С. 259.
3. Нива. — 1904. — № 23. — С. 458.
4. Московский еженедельник. — 1907. — № 43. — С. 45—46.
5. Русский вестник. — 1904. — № 1. — С. 440.
6. Новое время. — 1902. — 18 апр.
7. Там же. — 1903. — 1 мая.
8. Севостьянов П. П. Политика США на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX века // Американский экспансионизм. Новое время. — М., 1985. — С. 316.
9. Новое время. — 1898. — 11 ноября.

10. Нива. — 1904. — № 23. — С. 459.
 11. Вестник Европы. — 1903. — № 6. — С. 765.
 12. Там же. — 1904. — № 1. — С. 259.
 13. Новое время. — 1903. — 1 мая.
 14. Вестник Европы. — 1904. — № 1. — С. 819.
 15. Русская мысль. — 1910. — № 8. — С. 714.
 16. Русский вестник. — 1904. — № 10. — С. 319.
 17. Новое время. — 1904. — 13 февр.
 18. Кутаков Л. Н. Россия и Япония. — М., 1988. — С. 240—241.
 19. Новое время. — 1904. — 24 апр.; Русское слово. — 1905. — 21 янв.
- и др.
20. Новое время. — 1905. — 20 марта.
 21. Там же.
 22. Русский вестник. — 1905. — № 8. — С. 749.
 23. Вестник Европы. — 1908. — № 6. — С. 360.
 24. Русское слово. — 1905. — 18 авг.
 25. Русская мысль. — 1905. — № 1. — С. 187.
 26. Нива. — 1905. — № 32. — С. 636.
 27. Русская мысль. — 1910. — № 3. — С. 182.
 28. Новое время. — 1910. — 23 апр.
 29. Русская мысль. — 1910. — С. 205. — № 6.
 30. Русское слово. — 1910. — 10 янв.

УКРАИНСКО-ИЗРАИЛЬСКОЕ ОТНОШЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ

Одним из приоритетных направлений внешней политики современного украинского государства среди прочих является Ближний Восток. Суверенная Украина стремится к развитию дружественных отношений со всеми странами региона. Укрепление связей с Государством Израиль отвечает государственным интересам Украины в этом районе земного шара.

В истории взаимоотношений стран можно выделить два периода, в корне отличающихся по своему содержанию, политической направленности. Первый относится к деятельности УССР, осуществляемой ею в рамках общесоюзной.

Основу концепции советской внешней политики после окончания второй мировой войны составляла идея о преобладающем вражеском окружении, что, с точки зрения правящих советских структур, представляло значительную угрозу стране. Поэтому внешнюю безопасность на данном этапе нужно было обеспечить не столько военными, сколько политическими средствами. Исходя из этого, сталинская политика предусматривала «создание широкой буферной зоны по периметру территории Советского Союза через установление в ней прямого контроля СССР над режимами тех стран, которые входили в пояс безопасности» (1).

В конце 40-х годов в целях политической экспансии в регионе Ближнего Востока Советский Союз подключается к поискам путей решения так называемой палестинской проблемы, суть которой составляло стремление мирового еврейства обрести свою родину на земле предков. Острота вопроса заключалась в том, что преобладающее в Палестине арабское население и окружающие страну арабские государства были категорически против появления в регионе еврейского государства.

После передачи Англией, контролирующей данную тер-

риторию, право решения палестинского вопроса Организации Объединенных Наций, в обсуждении проблемы активное участие приняли в числе других стран Советский Союз и Украина, которые выступали на международной арене раздельно. Занятая ими твердая позиция по вопросу раздела Палестины на два национальных государства — арабское и еврейское — в конечном итоге повлияла на решение ООН.

Надеясь обрести в лице благодарного еврейства политическую опору для расширения своего влияния в регионе, Советский Союз с первых же дней существования Государства Израиль оказал ему как дипломатическую (незамедлительное признание еврейского государства де-юре несомненно способствовало становлению международного авторитета Израйля), так и военную помощь (правда, она была невелика и шла от лица Чехословакии). Кроме того, Советский Союз отнесся весьма индифферентно к начавшейся во второй половине мая 1948 года Войне за Независимость (2): старался не заострять внимание на распространяемом арабами мнении об агрессивности Израйля и, в принципе, не высказал несогласия с его территориальными приобретениями по окончании войны.

Однако, с начала 50-х годов отношения между Советским Союзом и Израилем стали постепенно ухудшаться. Этому способствовал целый ряд причин. Во-первых, рост антисемитизма в СССР. Расстрел в августе 1952 года группы виднейших деятелей еврейской культуры явился кульминационным пунктом этого процесса. Во-вторых, резкое обострение отношений между Израилем и арабскими странами региона. В-третьих, что, пожалуй, является самым важным, изменения в самом арабском мире. Речь идет о революции 1952 года в Египте, которая открыла реальную возможность политического участия Советского Союза в делах страны.

В конечном итоге, в 1953 году, когда в Тель-Авиве в ответ на готовящийся в Москве процесс по делу врачей был совершен террористический акт около советской миссии (в ходе которого, правда, никто не пострадал), дипломатические отношения между СССР и Израилем были прерваны. Хотя через несколько месяцев они были восстановлены, симпатии Советского Союза и, следовательно, Украины были надолго отданы арабскому миру, в частности, Египту.

В 1956 году во время спровоцированной Египтом войны с Израилем (3) Советский Союз, кроме весьма значительных поставок Египту оружия, оказал также и существенную по-

литическую помощь. Угрожая Израилю денонсировать подписанное незадолго до этих событий соглашение о снабжении еврейского государства нефтью, а также организовать советских «добровольцев» на помощь Египту, СССР заставил его отвести свои войска на исходные позиции.

И далее Советский Союз продолжал придерживаться одностороннего проарабского курса. Израиль изображался орудием американского империализма и международных нефтяных компаний. Настойчивые просьбы израильского посольства в Москве о разрешении советским евреям воссоединиться со своими родственниками в Израиле отклонялись. Торговые и культурные контакты между двумя странами были минимальными из-за ограничений, налагавшихся советской стороной. Стремление Израиля к сотрудничеству с СССР в деле «укрепления мира во всем мире, развития сотрудничества между народами и урегулирования международных конфликтов мирными средствами» (4), выраженное в поте Министерства иностранных дел Израиля от января 1958 года, не нашло у советской стороны никакого отклика.

Советский Союз продолжал поставлять оружие арабским странам (Египту и Сирии). Как член Совета Безопасности он использовал право вето для предотвращения любой резолюции, неблагоприятной для арабских государств. Более того, благодаря Советскому Союзу было сорвано подписание мирного соглашения между Израилем и арабскими странами после окончания очередной арабо-израильской войны (1967 год).

В конечном итоге, осенью 1967 года дипломатические отношения между СССР и Израилем были прерваны.

Выступая на международной арене самостоятельно, УССР на практике всегда придерживалась общесоюзного внешнеполитического курса. Поэтому обозначенную выше линию поведения СССР по отношению к еврейскому государству Украина полностью разделяла. Особенно заметна ее роль в осуществлении экономической политики СССР в регионе. Это и сельскохозяйственные поставки (хлеб, сахар), и экспорт продукции машиностроительной промышленности в арабские страны. Это и активное участие в строительстве на их территории различного рода промышленных объектов. Это и большая работа по подготовке национальных кадров арабских стран.

Второй этап в украинско-израильских отношениях начался с момента обретения Украиной независимости. Он прохо-

дит под знаком коренного изменения предыдущей политики, становления нормальных и даже дружеских двусторонних отношений, деловых контактов, развития разнообразных форм сотрудничества между странами. Наиболее ярко это проявляется в области культуры.

Международно-правовой основой украинско-израильских взаимоотношений является ряд документов, подписанных главами обоих государств в ходе визита Президента Украины Л. М. Кравчука в Израиль в январе 1993 года. Заметное место среди них занимает Соглашение о сотрудничестве в области просвещения и культуры. Оно предусматривает установление обширных и разнообразных связей между странами в данных областях, в частности, обмен преподавателями, студентами, научными сотрудниками с целью взаимного знакомства с государственной системой образования; проведение совместных научных исследований, обмен научной информацией. В Соглашении было также предусмотрено содействие в изучении языка и литературы другой страны, взаимную организацию «Недель» украинской и еврейской культуры и искусства, образование на территориях обоих государств культурных центров, широкие контакты в области культуры и искусства для ознакомления общественности с культурными ценностями и достижениями другой страны.

Данное Соглашение юридически оформило становление контактов в области культуры, которые наблюдались с 1991 года. Так, к этому времени относятся проведение в Киеве научной конференции по проблемам украинско-еврейских отношений, появление еврейских школ в ряде городов Украины. И все это — с привлечением израильских специалистов.

Осенью 1991 года национальную трагедию впервые разделило украинское государство, отметив 50-летие скорбных событий, связанных с Бабьим Яром. В свою очередь, Иерусалимский Израильский Институт Катастрофы и Героизма еврейского народа, занимающийся поиском людей, которые, рискуя собственной жизнью, спасали евреев в годы второй мировой войны, присвоил почетное звание «Праведник мира» семи гражданам Украины и установил в их честь именные знаки в мемориальной стене.

«Установление широкомасштабных двусторонних связей с Израилем является одним из приоритетных направлений политики Украины на Ближнем Востоке» (5), — подчеркнул глава украинского государства в ходе официального визита в Израиль. Это обусловлено географической близостью ре-

гионов, значительными потенциальными возможностями для взаимовыгодного сотрудничества. Так, Украина может предложить не только сырье, но и продукцию металлургической и аэрокосмической промышленности, оборудование для освоения минеральных ресурсов морского дна, разработки в области электросварки и производства сверхтвердых материалов. Израиль, помимо всего прочего, мог бы стать партнером в совместном производстве авиационного радиоэлектронного оборудования, которого Украине на сегодняшний день остро не хватает, поскольку эта техника производилась исключительно на заводах России.

В целом, значительный интерес для современной Украины представляет израильский опыт становления национальной экономики: начав практически с нуля, Израиль добился достаточно высоких показателей. В свою очередь, еврейское государство могло бы способствовать насыщению украинского рынка различного рода товарами, особенно сельскохозяйственной продукцией.

Немаловажным фактором укрепления украинско-израильского сотрудничества является проживание в Израиле значительного количества жителей — выходцев из Украины.

Важное место в системе отношений между Украиной и Израилем занимает Одесса — город, основу самобытной культуры которого в значительной мере составляет еврейский элемент. После посещения Израиля в сентябре 1992 года мэром Одессы Л. А. Чернегой город обрел нового побратима в лице Хайфы. К этому времени относится основание в Одессе Израильского культурно-информационного центра, а также Ассоциации «Украина — Израиль». Основная цель данных организаций — способствовать укреплению культурных связей между странами.

Таким образом, имея значительные потенции для развития сотрудничества, представляя друг для друга существенный интерес, страны, думается, будут и дальше расширять начавшийся процесс становления партнерских отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Арбатова Н. К. Средиземноморская политика СССР: итоги и перспективы//Мировая экономика и международные отношения. — 1991. — № 1. — С. 75.

2. Такое название в израильской историографии носит первая арабо-израильская война 1948—1949 гг.

3. Необходимо заметить, что, хотя против Египта выступили еще Ан-

глия и Франция, они очень быстро вышли из войны, оставив Израиль практически один-на-один с Египтом.

4. Цит. по кн.: Государство Израиль. Становление и развитие/И. Орен (Надель). — Библиотека-алия, 1991. — С. 214.

5. Правда Украины. — 1993. — 14 января.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел IV. Археология и этнография.	
Станко В. Н. Хозяйство населения степей Северного Причерноморья в эпоху мезолита	3
Смынтына Е. В. Динамика типов археологических памятников на территории Украины в эпоху мезолита	15
Булатович С. А. Некоторые аспекты изучения монетного дела античных городов Малой Азии в VI—IV вв. до н. э.	38
Охотников С. Б. Остров Зменный в античное время и средние века	60
Бондарь Р. Д. Из истории Дунайского лимеса верхней Мезии	64
Старкин А. В. Костные остатки плейстоценового бизона Юга Украины	70
Шабашов А. В. Терминология родства болгар Украины	79
Станко В. Н., Шабашов А. В. Этнографическое изучение болгар Южной Украины в Одесском университете: методика и направление исследований	87
Раздел V. Всемирная история.	
Довгополова О. А. Ранние формы толерантности в Западно-Европейской культуре (по материалам «Краткого трактата о политической власти» Джона Понета)	95
Немченко И. В. Индивидуализм в английской политической мысли середины XVII века: Т. Гоббс и теоретики власти de facto	113
Дьомін О. Б. «Нідерландське питання» в європейській політиці Англії (1576—1585 рр.)	132
Полевщикова Е. В. У истоков «памфлетной войны» конца XVIII века (к истории споров вокруг «Беседы о любви к нашей стране» Р. Прайса)	159
Цвиркун А. Ф., Крестовская Н. Н. Политика США на Дальнем Востоке в оценке русской прессы (нач. XX в.)	175
Сайгакова Л. А. Украинско-израильские отношения: проблемы истории и политики	175

Записки
історичного факультету

Випуск 3

Редактор В. Н. Станко.

Коректор Н. І. Нікітіна.

Здано до набору 20.11.95. Підписано до друку 27.02.96.
Формат паперу 60×84 ¹/₁₆. Друк. арк. 11,5.
Умовн. друк. арк. 10,69. Обл.-вид. арк. 8,36.
Зам. 156г.-95. Тир. 300 прим. Друк. ОІСВ.

